

Мир, похоже, готовится к новому переделу. Старый Свет давно истощён и уже не знает, где черпать ресурсы для дальнейшего развития. Вся надежда — на Арктику.

Правда, ещё недавно полярные широты многим зарубежным компаниям были не по зубам. Отпугивали суровые климатические условия. Отсутствовали технологии, которые позволяли бы извлекать полезные ископаемые с океанских глубин. Много сложностей возникало и с транспортными маршрутами.

Но ничего в этом мире не бывает вечным. Ряд учёных считает, что потепление климата на Земле — это неизбежность. Арктические льды нач-

чены под замёрзшим континентальным шельфом. Если в результате глобального потепления эти запасы станут важным источником энергии, то между Россией и Норвегией может возникнуть конфликт. Этот «потенциальный кризис» вовлечёт Америку, Канаду и Данию, которые будут «бороться за крупные источники энергии и сырья». Вот почему Солана и Ферреро-Вальднер призывают правительства 27 европейских государств разработать единую политику в отношении проблемы Арктики, «основанную на меняющейся геостратегии региона, принимающей во внимание доступ к ресурсам и открытие новых торговых путей».

нут таять. И эти природные процессы заставят внести существенные коррективы не только в географические карты. Неминуемо произойдёт перекройка и политических границ.

Первые признаки грядущей перекройки мы наблюдаем уже сейчас. Так, в середине марта этого года влиятельная британская газета The Guardian опубликовала выдержки из доклада верховного представителя Евросоюза по единой внешней политике и политике безопасности Хавьера Соланы и комиссара Евросоюза по внешним связям и политике европейского соседства Бениты Ферреро-Вальднер, в котором Арктика названа потенциальной будущей «горячей точкой».

Как подчёркнуто в докладе, «быстрое таяние полярных льдов, в особенности в Арктике, открывает новые морские пути и маршруты для международной торговли. Растущая доступность обширных углеводородных ресурсов в Арктике меняет геостратегическое развитие региона».

Высокопоставленные еврочиновники считают, что уже сейчас Россия и Норвегия никак не могут договориться по поводу лова рыбы в водах вокруг архипелага Шпицберген. В своём докладе они отмечают: «Острова архипелага Шпицберген располагают крупными запасами газа и нефти, которые в настоящее время заклю-

А что же Россия? Слава богу, у нас наконец на всех уровнях осознали необходимость работ по определению границ экономических зон. Но реально в этом направлении сделаны лишь первые шаги. Наше руководство до сих пор умиляется пиар-акциям несостоявшегося академика Артура Чилингарова, научившегося под телекамеры черпать вёдра океанической воды, награждая его за это очередной звездой. А пора бы уже возобновить фундаментальные исследования Арктики. То, что подводные хребты Ломоносова и Менделеева продолжают Сибирскую платформу, а значит, являются частью континентального шельфа России в Ледовитом океане, надо доказывать не кавалерийскими наскоками, как это привык Чилингаров, а по-другому. Но это требует серьёзной научной программы и больших финансовых вложений.

Понятно, что игра стоит свеч. Если мы докажем свои права, то прирастим нашу сырьевую базу как минимум на 10 миллиардов тонн условного топлива. Причём медлить нельзя. Иначе инициатива перейдёт в руки Соланы и его покровителей из стран Евросоюза.

Ещё раз вспомним старую истину: кто владеет Арктикой, тот правит всем миром.

Вячеслав ОГРЫЗКО

МИР СЕВЕРА

№ 2 (59), 2008

Этнополитический и литературно-художественный журнал

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора
Виктор КАШЛЕВ

Редакционный совет:
Еремей АЙПИН (Ханты-Мансийск),
Михаил АНДРЕЕВ (Томск),
Андрей БОРИСОВ (Якутск),
Александр ВАЩЕНКО (Москва),
Людмила ЕФРЕМОВА (Надым),
Николай КУРИЛОВ (Якутск),
Пётр МЕРКЕР (Анадырь),
Надежда МИРОШНИЧЕНКО (Сыктывкар),
Татьяна МОЛДАНОВА (Ханты-Мансийск).

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА

Верстка
Алексей СЕМУШИН

Корректор
Светлана ШИШАГИНА

Подписано в печать 25 апреля 2008 года

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по
печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года

Общий тираж с приложениями 14.600 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3

Телефоны: 694-23-24, 694-03-65,
Факс: 694-50-10

E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано в
ОАО «Щербинская типография»
117623, Москва, ул. Типографская, д. 10

Тел.: 659-23-27
Заказ

СОДЕРЖАНИЕ

	<u>Открывая номер</u>	
1	Вячеслав Огрызко
Битва за ресурсы	
	<u>Время, вперёд!</u>	
4	Юрий Голубчиков
Сибирский градус	
	<u>Жизнь без прикрас</u>	
8	Александр Лысков
Народ, да не тот	
	<u>Бъём в набат</u>	
12	Константин Бельды
За спиной прогресса	
	<u>Ищите женщину</u>	
14	Сергей Троицкий,
Сергей Игнатьев
Амазонки полярной ночи	
	<u>След в жизни</u>	
22	Александр Шаргунов
Поэт Семён Данилов	
	<u>Путешествия</u>	
24	Дмитрий Зелов
Точка на карте	
	<u>Мы — один мир</u>	
30	Константин Ерофеев
Красные финны	
	<u>Не до жиру</u>	
33	Ольга Корзова
В таёжной глуши	

34	Трагедия	
	Марат Валеев Дело восемнадцати	
36	Без армии – никуда	
	Михаил Иванов Моя гауптвахта	
43	Повесть эвенской писательницы	
	Зинаида Бабцева Детство Чины	
50	Вместо рецензии	
	Борис Василевский Снега былых времён	
69	Выставка	
	Н. Михайлова Ительмены Камчатка – индейцы России	
70	Живая этнография	
	Наталья Аввакумова На краю Света	
78	Исповедь литературоведа	
	Юлия Хазанкович Далеко от Москвы	
80	Поэзия	
	Владимир Бондаренко Природное Волхование Устинова	

Совет попечителей:

Николай ДУДОВ,
губернатор Магаданской области;

Виктор ИШАЕВ,
губернатор Хабаровского края;

Сергей КАТАНАНДОВ,
глава Республики Карелия;

Виктор КРЕСС,
губернатор Томской области;

Юрий НЕЁЛОВ,
губернатор Ямало-Ненецкого автономного округа;

Михаил НИКОЛАЕВ,
заместитель председателя
Совета Федерации;

Владимир ТОРЛОПОВ,
глава Республики Коми;

Александр ФИЛИПЕНКО,
губернатор Ханты-Мансийского автономного округа

СИБИРСКИЙ ГРАДУС

Юрий ГОЛУБИЧКОВ

Пространства России: её благо или проклятье?

Знаменитый полярный исследователь В. Стефансон писал, что исторически человечеству хорошо были известны проблемы южных стран. В Египте и Вавилоне были пустыни, но их умели орошать и не стремились к освоению таких «холодных» стран, как Греция и Италия. В свою очередь учёные греки и римляне утверждали, что туманный и морозный климат в местах проживания франков и германцев задерживает высшее развитие человека и что от этих стран и народов едва ли можно ожидать чего-нибудь хорошего. В места со страшно холодным климатом ссылали нередко опасных граждан Римской империи. Один из них, римский поэт Публий Овидий Назон, с ужасом писал о суровом климате места своей ссылки – территории современной Молдавии:

«...Здесь замерзает вино, сохраняя форму сосуда;

Вынут из кладки – не пьют: колуют, глотая куском.

Высказать вам, как ручьи промерзают до дна от морозов,

Как из озёр топором ломкую воду берут?»

О пространствах России, где «цепенеет оделенный человеческий дух», говорил Гегель, а его современник И. Форстер совсем об обитателях севера Скандинавии как о несчастных и жалких: «Подavalенные неблагоприятной природой, они застыли в животном одурении. У них нет способности почувствовать великое и прекрасное, нет других прав, кроме права сильного; они отвык-

ли от человечности и сострадательной любви». Выдающийся мыслитель того же времени И. Гердер, описывая черты лица народов, «живущих вблизи Северного полюса», отмечал: «Чем севернее, чем дальше в глубь калмыцких степей, тем более плоский и дикий черты лица – на северный или калмыцкий лад». Правда, в другом месте Гердер критиковал попытки приложения законов холода к объяснению физиологических феноменов. Что касается общих выводов, которые делались на основании такого, взятого изолированно, принципа или даже его частного применения на целые народы, на большие области Земли и, более того, на тонкую сферу деятельности человеческого духа, то у Гердера же читаем: «Чем более остроумно, чем более систематично продумывали и формулировали подобные выводы, тем рискованнее были они. Их шаг за шагом опровергают примеры, взятые из истории, даже физиологические аргументы – потому что одновременно действует много сил, даже много противоречивых сил». Но всех мыслителей прошлого в рассуждениях о роли холода в жизни народов превзошёл наш современник В. Клименко. «Никогда ещё, – пишет он, – великие цивилизованные идеи не приходили из стран с коротким летом и восьмимесячной зимой. Наоборот, история показывает, что из этих стран в периоды климатических оптимумов и локальных демографических взрывов приходили только «лихие лю-

ди», способные лишь к насильно и бессмысленному разрушению и в лучшем случае к растворению в более благоприятной среде».

Тордый своей причастностью к цифрам и расчётам, Клименко свысока взирает на пространства России, приходя к выводу о непригодности 11 млн 57 тыс. км² из её 17 млн км² для постоянного проживания населения. По меркам Клименко, население не должно существовать там, где среднегодовая температура ниже -2°, а высота над уровнем моря выше 2000 м. Другим странам, согласно Клименко, повезло больше. В Бразилии таких непригодных площадей, по его подсчётам, только 46 тыс. км², в Индии – 39 тыс. км², в Аргентине – 33 тыс. км², в Казахстане их всего 10 тыс. км², в Судане лишь 2 тыс. км², а в Австралии едва наберётся 1 тыс. км².

Если следовать Клименко, то подлежащим эвакуации населения окажутся Николаевск-на-Амуре (среднегодовая температура -2,4°), Братск (-2,6°), Чита (-2,9°), расположенный на широте Киева Кызыл (-4,5°), вся Северная Монголия и даже лежащий на широте Парижа китайский город Хайлар (-2,6°). Выходит, нельзя жить не только в сибирской тайге, но и в степях и полупустынях Тувы, где население разводило верблюдов и выращивало бахчевые культуры. А вот юг Камчатки заселению подлежит (станция Озерная +1,3°), как и тундры Колыского полуострова (Мурманск – около 0°). Ведь используемая Клименко в качестве показателя суровости климата низкая

среднегодовая температура воздуха отражает прежде всего его континентальность.

Многим нашим современникам кажется, что в стремлении человечества к своим высокоширотным пределам достигнута последняя черта, за которой царит неодолимый холод. Расхожими стали в последние годы представления о пространствах России как о её «зле и проклятье». На их преодоление нужно тратить много усилий, сооружать сложную инфраструктуру, содержать громоздкий бюрократический аппарат. «Мы отдаём нашим необъятным просторам больше, чем мы получаем от них, они как бы высасывают соки из организма страны, постоянно подталкивая её на путь экстенсивного развития. И если бы за Уралом плескался океан, Россия уже давно была бы полноправным членом сообщества цивилизованных стран», — пишут географы А.Тревиш и В.Шупер.

Последовательно и настойчиво внедряется мысль, что из-за бездумного освоения Севера обезлюдели брошенные деревни центральных районов и даже города Московского и Ленинградского регионов.

Главная черта России — безлюдность громадных пространств. После распада СССР Россия всё ещё занимает 12% земной суши. Почти половина её пространств не отягощена антропогенной и техногенной нагрузкой. Это значит, что, пролетая над ними на самолёте или рассматривая их аэрокосмические снимки, невозможно обнаружить следов человеческой деятельности — населённых пунктов, дорог, водохранилищ, линий электропередач, возделанных полей. На Севере таких площадей насчитывается всего 2,8%.

Если на карте современной России провести линию Архангельск — Хабаровск, то она приблизительно разделит страну на две равные части. На пространстве правой северо-восточной половины карты окажется при этом около 7 млн человек. Это примерно 5% на-

селения России, а 95% её жителей дислоцировано юго-западнее, на левой половине карты. Правая половина карты и есть Российский Север. Редкие посёлки и города можно сравнить с островками в океане. Преодоление пространств между ними наземным путём смертельно опасно. Административно-территориальные границы условны и не имеют никакого реального значения.

Плотность населения в Тюменской области, Красноярском и Хабаровском краях составляет 1 — 2 человека на 1 км², в Магаданской области — 0,3 — 0,4 человека на 1 км². Всё население огромной Якутии (почти 1/5 часть России) не превышает 1 млн. человек. Ещё менее заселены некоторые автономные округа: Эвенкийский, Таймырский, Корякский, где на одного человека приходится уже по 10 — 50 км².

Житель Российского Севера в 100 — 200 раз богаче природно-территориальными ресурсами и жизненным пространством, чем среднестатистический житель планеты.

Чтобы представить разбросанность и немногочисленность северного населения, приведём пример Диксонского района Таймырского авто-

номного округа. Этот округ по площади больше Украины и Белоруссии вместе взятых. Одним контуром пересекающих его гор Бырранга можно свободно накрыть Кавказ. Под стать округу и площадь Диксонского района, превышающая Московскую область. Но в отличие от неё всё население Диксонского района — городское, сельского нет. Оно сосредоточено в одном городе Диксоне и составляет 1,6 тыс. жителей. От Диксона до центра Таймырского округа Дудинки надо лететь несколько часов вертолётom. Расстояние до неё такое же, как от Новгорода или Тамбова до Москвы. А жителей в Дудинке чуть меньше, чем в подмосковной Истре, — 35,5 тыс. человек.

С юга к Таймырскому округу примыкает Эвенкийский автономный округ. По площади он меньше Таймырского, но больше всей Украины и Молдавии. На территории Эвенкийского округа живут всего 22,6 тыс. человек. Вот численность населения (тыс. человек) некоторых известных городов Российского Севера: Дудинка — 35,5; Игарка — 18,2; Анадырь — 13,5; Черский — 8,2; Тикси — 7,8; Тура — 6,1; Среднеколымск — 4,8; Нижнеянг — 2,7; Верхоянск — 1,9; Диксон — 1,6. Из всех городов Сибирского Севера выделяется своей численностью Норильск. Вместе с пригородами его населяют 260 тыс. человек, из них в самом Норильске живут 163,4 тыс. человек.

Ни в одной стране не сохранилось столь обширных площадей с незаселённой, а значит, ещё неразрушенной природной средой, как в России в её северных и восточных владениях. Глобальная роль России в том и состоит, что она своего рода биосферный резерват земного шара. Именно её холодные консервирующие пространства являются главным поставщиком кислорода планете, а не тропические леса, которые больше расходуют кислород на процессы гни-

ния, чем производят его. С позиции национального богатства завтрашнего дня сохранившаяся природная среда и красота территории станут главной ценностью любой страны. Уже сейчас для многих стран нетронутые ландшафты представляют не меньшие богатства, чем их недра. За их чистой воду и чистый воздух ожидаются главные войны XXI века. Цена жизненного пространства растёт гораздо быстрее добываемого посредством его разрушения сырья. Сырьё можно будет заменить другим, нарушенную территорию заменить нечем.

Нужен ли России её Север?

Сегодняшний Север России обнаруживает все признаки не только нулевого роста по мо-

население Магаданской области и Чукотки. Из северных районов Восточной Сибири и Дальнего Востока с 1991 года выехало примерно 750 тыс. жителей. Уезжают наиболее молодые квалифицированные и в значительной степени адаптированные к северным условиям люди. Их северные сбережения обесценены, сами они, по сути, превращены в беженцев, но рассчитывают построить жизнь заново в других регионах России, где их практически никто не ждёт. Это наиболее предприимчивая и динамичная часть северян. Другим приходится добывать средства к существованию браконьерством.

В стремлении к самовыживанию регионы России, минуя Центр, становятся мировым поставщиком разнообразных

посёлков. Прошедший в 1995 году в Токио Международный симпозиум по Северному морскому пути свидетельствует: другие вместо нас берутся за транзит грузов по кратчайшему пути между Европой и Азией.

Муку, крупу, бензин, строительные материалы доставить стало завозить на Дальний Север с Аляски. Оттуда планируется сооружение железной дороги Аляска – Чукотка – Якутия с туннелем под Беринговым проливом. Корпорация «Трансконтиненталь» уже подготовила программу работ по строительству магистрали от Уэлена к Якутску. Реализация проекта поставит Северо-Восточный регион России под полный стратегический контроль США. В то же время протинувшийся к уникально богатым территориям БАМ и планировавшийся АЯМ объявлены символами безрассудности плановой экономики. Предприимчивые американцы показывают, насколько целесообразно начинать освоение Севера со строительства надёжных коммуникаций. Пути сообщения они вводят задолго до открытия горнопромышленных предприятий. Дороги рассматриваются как предпосылки эксплуатации новых ресурсов, освоение которых на сегодня кажется ещё нерентабельным.

Для кого следует сохранять наш Север?

С 2000 года население планеты начало возрастать на 140 млн. человек в год. Это равно населению целой России. В самой же России демографическая ситуация – обратная мировой. С середины 1991 года смертность здесь превысила рождаемость, и с тех пор число умерших постоянно превышает число родившихся в 1,5 – 1,7 раза. Россия уже ежегодно теряет по 1 млн. человек. Год – и Курской области нет, ещё год – и Хабаровского края нет.

В то же время в наиболее густонаселённых районах мира, занимающих примерно 7% земной суши, сосредоточено свыше 70% населения. Этим территориям как бы противопоставляется глыба Российского Севера, также занимающая 7%

дели Д.Медоуза, но и «минусового роста» по программам партии «зелёных» многих стран. Опустели многие рудодобывающие посёлки и фабрики. В пореформенной России даже добыча золота перестала быть прибыльным делом. Некуда стало девать и добываемую нефть. Законсервировано более 40% пробурённых скважин Ханты-Мансийского автономного округа – главной нефтеносной площади страны.

С началом реформ отток населения с северных территорий достиг угрожающих размеров. В два раза сократилось

видов сырья. По всему периметру северных широт в «Российский Клондайк» вторгается крупный международный бизнес: Коноко, Арко, Амоко, Пепко, Шелл, Экссон, Бритиш петролеум и т.д. Они за бесценно скапуют остановленные рудники и фабрики, брошенные золотые прииски, законсервированные нефтяные скважины, от производительности которых будут зависеть Европа и Япония в XXI веке.

Грузооборот Северного морского пути сократился в 2 – 3 раза. Опустели многие из обслуживающих его полярных

земной суши. Но проживает на ней лишь 0,2% населения земного шара.

Российский Север, как когда-то Новый Свет, мог бы сыграть роль отдушины для прибывающих в Россию её бывших сограждан, а в будущем, возможно, и для граждан других стран. Колонизация западных районов США и Канады тоже в своё время диктовалась притоком иммигрантов, стремившихся получить землю и завести своё хозяйство. Дальнейшее взрывоподобное возрастание численности населения мира требует поиска возможностей расширения демографической ёмкости северных территорий. Здесь, а не в сокращении населения, создании подводных городов или заселении космоса таится резерв очередного ускользания человечества из «малыгузианской ловушки».

Надо ли доказывать, что в отличие от безводных пустынь, труднодоступных высокогорий и душных джунглей Российский Север более доступен для обживания. Там холодно, но с холодом можно бороться, к нему можно даже привыкнуть. Ш.Воден ещё в XVI веке отмечал: «У испанца удваиваются аппетит и сила, когда он переходит из Испании во Францию, а француз делается вялым и теряет аппетит, переходя в Испанию». Многие негры или вьетнамцы отлично чувствуют себя на Аляске в роли моряков рыболовецких судов или нефтяников. Но эскимосы на юге США быстро заболевают и выздоравливают лишь в родной высокоширотной обстановке. Аналогичная ситуация прослеживается и у нас, где выходцы из полярных широт не приживаются в городах Центра или даже Южной Сибири. Уроженцы же Украины, Кавказа или Средней Азии чувствуют себя здесь вполне нормально.

К середине XXI века значительная часть Европы, включая Россию, будет заселена выходцами из Азии и Африки. Этот процесс может сопровождаться межрасовыми и межэтническими конфликтами. Русские в

России при этом станут национальным меньшинством. По сути дела, переселение уже началось. России надо быть готовой к дальнейшему развитию событий. В частности, нужны программы привлечения в Россию русских и русскоязычных граждан бывших советских республик. Уже сейчас нужно ясно представлять, с кем лучше соседствовать детям и внукам россиян: с неграми из Африки или мусульманами, выходцами из Индии, Индонезии, Китая, Вьетнама или Японии? Или со

все-
м вместе
взятыми?

Или всеми силами сохранять чистоту своих пространств – главное национальное достояние России? (Но прежде, может быть, человечеству надо подумать об ограничении потребления ресурсов планеты странами «золотого миллиарда»?)

Геополитическое мышление

Огромные незаселённые территории России давно привлекают внимание мирового сообщества. Мировой обществу внушается образ криминальной, агрессивной, неуправляемой страны. Постоянно указывается на нерадивость и бесхозяйственность в использовании российских просторов. Густозаселённые «цивилизованные» страны имеют, мол, на них свои права. Определённые надежды в установлении контроля над российскими ресурсами связываются

с предсказываемым потеплением климата. Ставится вопрос об ограничении прав государств, неспособных распорядиться выпавшими на их долю природными богатствами «нашего дома» – космического корабля Земля». Аполидисментами и трантами награждаются утверждения типа: «Время больших государств прошло»; «Россия никогда не будет развитым государством»; «Нам надо забыть о Великой России, о её возрождении, которое никогда не наступит». Сегодня в мире развивается геополитическое мышление, связывающее возможности государств с расширением и перераспределением пространства. Самой серьёзной проблемой становится дефицит пространства. Заполнение его идёт чрезвычайно быстро. (Если нынешние темпы демографического роста сохранятся, то через шесть столетий на каждого жителя планеты останется лишь 1 м Земли.) Умножаются также отбросы. Экологически благоприятные среды становятся важнейшим ресурсом тех стран, которые ими обладают, а их поиски – основным занятием многих экономистов, политиков и учёных. Пространство – одна из сторон национального богатства – уже само по себе природный ресурс высочайшей ценности, вмещающий всех других ресурсов. Похоже, что сегодняшний мир находится на грани нового грандиозного передела пространства.

Отсутствие геостратегического и геополитического мышления у советского руководства во многом послужило причиной крушения СССР в холодном противостоянии двух сверхдержав. Характерно, что могучие Вооружённые силы Советского Союза, на содержание которых приносились в жертву колоссальные природные и людские ресурсы, не послужили гарантом его территориальной целостности. Нынешние действия российского руководства также не свидетельствуют о его понимании геополитической природы происходящих в стране процессов.

Рисунки художника
Владислава Афанасьева

Морячок курносый, кудреватый – в пятидесятые годы такое лицо было иконной кино. Это фото.

На кепке – брошка. Полуботинки на босу ногу. Сидит на корточках перед маститым деревенским гармонистом Павлом Георгиевичем, тоже моряком, но ещё и фронтовиком. Впились глазами в бегущие по кнопкам пальцы, считает фирменные переборы. Таким уже помню Вадика я, теперь семидесятилетнего, измученного болезнью до неузнаваемости. А кажется, совсем недавно из своего грузовика в этой самой кепке с брошкой выглядывал он, светящийся радостью бытия и неизбывной силой. Полвека назад сам поставил себе дом у большой дороги, у Московского тракта, в пяти километрах отсюда. Да отчего-то не зажилос в нём на старости лет. Все пенсионные годы отблтал здесь, в глухомани, добивал опущенный земной срок в старой дедовской избе. Тоже – стариком. «Думали, зиму не протянет, а он, гляди-ко, до августа добродил». В последние месяцы уже говорили о нём как о некоем странном видении, даже и Вадиком не кликали. Имя теперь и для него, и для других как бы мало уже что значило. А по отчеству его вообще никогда не звали – на американский манер.

...Потом он купил мотоцикл с коляской «Ирбит». Вozил на нём баб за ягодами и грибами и был общим любимцем, солнечным человеком. Торжествовал за рулём.

Пятерых детей нарожал с Евгением, суровой, властной праведницей, во многом благодаря воле которой и дожил до таких лет, дольше всех своих сверстников. За последний год и Евгения тоже как-то полегчала с виду, глаза – словно только что утёртые от слёз, отвоёвала с дорогим супругом, кроток, как ребёнок, теперь ненаглядный Вадик.

Внук на «Жигулях» застрел в овраге. Жалостливо просит меня Евгения подсобить выбрать парню. А бывало, в пляске такая статная, величавая. Сама бы кого хочешь выгнала из грязи. Скромно, сдержанно плясала, да проникновенно.

..В пятьдесят пять лет Вадик на пенсию вышел, и ему директор подарил «с барского плеча» тот самый грузовик трёхосный, все колёса ведущие. И теперь уже на этом монстре Вадик возил желающих к дальним борам и болотам. С Вадика начинался отпуск, счастье летнее, Вадиком и заканчивалось. И сенокос на дарёной машине уработывал. Грузовик вечный оказался. Вот и самого хозяина пережил. Хотя облупленный и ржавый, но стоит на горке возле дома Вадика. Только с ручки сними, покатысь и заведётся. Стоит, ждёт хозяина. Теперь уж не за руль, а в кузов на словые ветки. Прокатит напоследок по глубоким колеям до ближайшего погоста.

Мне всегда казалось: счастливый был Вадик. Хотя в последние годы частенько ворчал, какие-то тяжёлые мысли его порой одолевали – о жизни вообще, о политике, о детях. Какие думы кружили в его голове, когда он обкашивал своей литовой уторы в нашей деревне, – последним истовым, молитвенным косяком в белом платке от мошкеры, в белой рубашке на выпуск? Об этом уже никто никогда не узнает.

Звонит коса под брусом, посылывается в траве. Шаг за шагом, прокос за прокосом, и к концу августа всегда бывала чисто выбрита деревня. Овцы и коровы Вадика зимовали сытно.

А вот и скотина осиротела. Сын забирает себе одну дойную. Другую – в расход, на заклание, по тому же пути, что и хозяин.

«Написал бы ты, Сашка, про меня что-нибудь», – просил Вадик. И я писал – хотя, в общем-то, конечно, не о Вадике, а о его тени. Образ, витающий над человеком, запечатлевал. И череду других видений, часто вовсе не связанных с нашей деревней. Не знаю, читал ли Вадик. Специально я ему тексты не подносил. Если читал, то неудовольствия не выражал. Понимал. Отношения не портились. И вот опять пишу. Теперь – поминую.

Он любил с высокого места деревни, сидя на брёвнах, вдруг заиграть на гармошке, запеть, порадовать старые дома и по-

Александр ЛЫСКОВ

НАРОД,

следних жителей. Нынче вечером я тоже взял гитару, сел на те брёвна и в пример последнему гармонисту затянул: «Лучина, лучинушка, что не ясно горюши, не вспыхиваешь?»

Не пелось, не горелось. Да и домов-то отсюда теперь почти не выдать. До слушателей не докричишься. Лес с горы нанёс удар по центру, расскёк на две части. Ивник с берега наступает, берёт в клещи. И сама деревня, шесть столетних изб, садится с каждым годом. Будто богатырской дубиной её в землю вгоняют. Травя крутом вспожирющая. Эта сила травяная когда-то породила селение в тридцать пять домов, теперь она же и убивает. Травы обвивают ноги, не пройти, как по вязкому февральскому снегу. Только по тропам поясным от дома к дому. Ближе на эти тающие в жарком дне избы – последний из тех, кто знает о их мужиках лет на сто пятьдесят вглубь – по молве, по рассказам, по сидению в архивах, по догадкам. Сколько их тут разных водилось. Вадик – последний.

Внешностью и нравом был он чисто славянскими в отличие от чернявых и смугловатых «венгерцев» – так здесь зовут потомков укров, коих насчитывалось почти треть. Да финнов с лицами белыми, без-

бородами. Типичные эти лица я вычленю в любой северной деревне с полувзглядом.

Вадик был потомок ходовых славян. Но развора делового, проходческого – яростного бойцовского жеста уже позволить себе не мог. Усереднёй был, подстрижен XX веком со всех сторон души. Наёмным человеком прожил. И хотя на пенсии забрезжила в его голове мысль о заведении стада романовских овец, но по причине собственного делового младенчества и предпринимательской пустыни вокруг с этой мыслью он и на тот свет ушёл. Один из сыновей, кажется, перенил-таки у него по крови чувство самости и неза-

свободы. Неукротимость и кипящая энергия чувствуются в человеке.

Шорническая у него была устроена в зимней избе, в отдельной комнате, теперь давно уже раскатанной на дрова, распиленной и сожжённой. А я ещё после войны застал запах кожи в ней, запах мужицких вольных времён. И россыпи медных заклёпок для выездной сбруи под полом, куда мы ползали с младшим братом Вадиком.

Иван Сергеевич Полуянов – это было имя! Вся волясть знала его, покупала его оброти, комуты, шлеи, сёдла и седёлки, гужи и подпруги. Только удила, стремена да каркасы сёдел, комплекующие, как сейчас го-

дать не смог – и то, и другое было конфисковано. Да и Вадик, достигнув свободы исторического познания народной жизни, на встречное движение к истокам не решился.

А вот такой же потомок знаменитого маслодела нашей деревни Александра Дмитриевича Бушихина в 90-х годах попытался дотянуться рукой до горла родовых обидчиков. Живя в Мезени, в месте ссылки отца, Виктор Александрович затеял судебную тяжбу со здешней властью на предмет возращения двухэтажного семейного дома – красоты и гордости нашей деревни. Бился несколько лет. Я ему помогал в ходатайствах. Но он так и помер ограбленным изгоем. Теперь есть крепкий закон – возвращать конфискат. Но истцы перевесили. Да и дом тот дивный теперь уже раскатан на брёвнышки, в урезанном, уродливом виде собран в виде фельдшерского пункта в единственной из двадцати оставшихся в волости деревень.

Опять же через семейные фотографии, в гостях у его сына в далёкой ссыльной Мезени рассматривая первейшего земледельца нашей деревни Александра Дмитриевича Бушихина. Снят в косоворотке на костистых плечах и в шляпе «московский шпиль», усы с подкруткой, в глазах – искра. Маслодельный агрегат он сам лично из Швеции привёз на кредит Крестьянского банка и на собственные накопления. Какже мужик с двумя классами церковно-приходской школы из глухой северной деревни мог в то время дерзнуть на такую поездку.

Сколько жизненного азарта нужно было иметь, провидением каким-то обладать особым, чтобы все визы выправить, все конторы и вокзалы русские и шведские пройти и вернуться вон с той стороны реки на ломовых дорогах с драгоценной добычей – мини-маслозаводом, как сейчас говорят. Мог ведь и через посредников приобрести. Нет, за море самому хотелось. Потому и в легенду вошёл.

Виктор, его сын, тоже, по сути, мезенский пожизненный ссыльный, передал мне дневник Александра Дмитриевича:

висимости. Достаточно развил, приспособил ко времени. В следующем поколении, глядишь, и расцветёт родовое древо в полную мощь.

А дед Вадика был шорником. Дом, сейчас покосившийся и полусгнивший, выстроил он, Иван Сергеевич Полуянов (тут уж без отчества никак не обойтись), на волне столыпинского подъёма деревни. На фотографиях в семейном иконостасе этот Иван Сергеевич, с включенными волосами и выпученными глазами под нарисованной пальмой, выглядит несколько даже, по-теперешнему, диковато – от избытка силы и

воритис, заказывал он у кузнеца. А уже те самые медные заклёпки с ударным клеймом на лицевой части в виде трилистника штамповал сам. Рассчитывались с шорником деньгами, натурой, услугами. Никаких налогов с «бизнеса» государь не брал. Подать платил Иван Сергеевич наравне с обычным тягловым мужиком. С шорни богатыл. Жил сытно, вольготно, празднично. На старости лет шил сбрую и для колхоза – куда денешься? Но уже – за палочкой, потому быстро свернул дело. Внука, Вадика, ещё поиничить успел. Но ни капиталу ему, ни духовной независимости пере-

любовно перепечатанные на машинке четыреста страниц и переплетённые. Это моё любимое чтение в деревне, в межзоне.

Открываю на дне чтения, но год 1916-й. «28 июля. Ехал в Няндому. Дождик. Таисия жала на Заполосках. 29 июля. Приехал в Няндому, навалил воз соли. 30 июля. Ехал обратно из Няндомы. Таисия жала на Заполосках. 31 июля. Возил овёс. 1 августа. Возил ржаные снопы с Майдана. Таисия жала овёс. 2 августа. Возил ржаные снопы с Нижнего поля. 3 августа. Возил жито и пшеницу. 4 августа. Ездил в Долматово, продал соль. 6 августа. Преображение Господне. Пировали с Василием Петровичем. 7 августа. Дождик. Исправил изгородь на Верхней полянке. 8 августа. Ходил в церковь. Под вечер орал пары на Рыбном. Таисия рвала лён...» И так день за днём описаны двадцать пять лет подряд. Для меня это как молитвослов, как поэма или песня. Завораживает библейской эпичностью.

Раньше, проходя мимо хоров Александра Дмитриевича, я мысленно шапку снимал и кланялся. Теперь, когда в оставшейся от дома пристройке поселился внук Александра Дмитриевича, Валерий, я торопливо минуя этот дом с низко опущенной головой. Бомжует в нём Валерий, добывает свою беспутную жизнь инженер-химик. Под властью внука остатки дома пожирают себя: разбирает Валерий хлев, пилит и топит печь. Предприимчивости, воли к жизни хватает у внука, только чтобы пенсию получить да мешок рису купить. Правда, нынче завёл козу. И возмнил себя фермером, ковбеем. Платок цветастый на шее. Соломенная шляпа на голове. На ремне лопатка с изогнутой ручкой для точки козы засунута в кожаную кобурку. Типает дедовской литовкой вокруг дома такими темпами, что ясно – до каждой ему три тонны сена для козы не приготовить.

Отсюда, с самого высокого места деревни, хорошо видно чёрное пятно пожарища. Нынче зимой сгорел дом мельника Василия Михеевича Колыбина. Никто и дознаться не стал –

отчего. Подводки электричества давно у дома не было. Печи никто не топил. Зимней грозы не наблюдалось. Значит, спалили «щальханы безродные».

Дом мельника обратился в пепел. А мельничные клетки, рубленые из ливневницы и засыпанные внутри камнями, не подожжешь. Облизывают их медовые воды нашего Шаргоша, что по угро-венгерски означает «петляющий в лесу». Тут в омуте я окуней добываю, сидя на закамельных брёвках мельничного сруба.

Последним у реки стоит дом смолокура Никифора Ивановича Шумилова. В Союзе смолокуров он был первым человеком в волости. Через него сбывали продукт все смолоку-

личном фотоархиве.

В революцию он вместе с тремя сыновьями ушёл к белым. И погибли они тут недалеко, километрах в семи на Московском тракте в стычке с красными. Семеро красных там погибли и пятеро белых. Из них все три Шумилова.

Красным памятник соорудили на погосте. А белых закопали в лесу, как падал. Я было пытался дознаться, где их могилы, чтобы тоже перезахоронить как героев-земляков, пуская и не передового мировоззрения, но имеющего место быть в этом мире, таких же убеждённых, храбрых, со своей правдой. Но никто не смог указать могил. Тогда мы с одним из внуков Никифора Ивановича

ры-одиночки. Он бочонки в плоты связывал и сплавлял отсюда с Шаргоша аж до Архангельска. Смола и скипидар шли на экспорт, как теперь нефть и газ. И вот мужик деревенский не то чтобы пай имел в какой-то компании, но сам этой компанией заведовал. У него у первого в этих краях появились дрожжи на рессорах. В белом картузе, в белой поддёвке сам за кучера – позирует фотографу «Visit portret» в уездном городе Шенкурске, куда по делам прискакал на собственном каруром жеребце летом 1915 года. Любуюсь мужиком в своём

обычный крест водрузили на месте боя у дороги. Таких крестов сейчас много стоит вдоль любого шоссе – отметки аварий со смертельным исходом.

А на том холме, где в нашей деревне Вадик любил с гармошкой сидеть, а теперь я с гитарой сижу, стояла токарня Павла Филимоновича Синцова. О ней довольно подробно упоминается в книжке одного писателя, уроженца этих мест. Кстати, моего отца. Того самого гармониста-фронтовика, за руками которого следил когда-то молодой Вадик. Токарная машина с двумя колёсами,

верстак с деревянными винтами. Всяких рубанков, стамесок, пил, буравов – не счесть. В дальнем углу – горн с кожаными мехами, разные клещи, молотки, кувалды и огромная наковальня. Вот Павел Филимонович вставляет в машину берёзовую чурку, достаёт с полочки широкую полукруглую стамеску и ногой раскачивает подножку. Колесо с чуркой быстро вертится. Из-под стамески в потолок брызжет мелкая стружка...

Тележные колёса делали в токарне. Опять же как бы аналог нынешнему автосервису.

Теперь здесь кусты, но я не знаю, где подо мхом ногой можно нащупать валуны, на которые опирались углы той токарни. Место это для меня священное. Четыреста с небольшим лет назад здесь находилось капище угорского племени: рыли колодец – пробили слой костей в полметра. Угры знали только охоту и рыболовство. И Павел Филимонович по виду был из них, типичный венгерец. Прямой потомок тех угров. Видать, легко, желанно его предки переняли науки новгородских первопродчиков. Пережились все, перемешались. И собои одной только мыщцы да сметливостью, без дотаций и парткомов поднялись из землянок к двухэтажному хорому, от жерданных волокуш до рессорных брычек, от идолов к шатровым храмам, от лесных добытчиков до маслоделов. А были ещё середники лошадные, тоже люди абсолютной самостоятельности. И возле них разные вдовы, бобыли да отходники. И вот всех их, двести человек, в середине прошлого века с этих лесистых холмов вдруг будто ветром сдунуло, космическим ледяным вихрем. Показываются иногда здесь теперь только странные, в самом деле похожие на инопланетия существа на тракторах, ноги которых во весь сенокос не ступят на эту землю. Косят, воршат, грузят в кузовы – всё не выходи из кабины. Что и называется – от земли оторвались. Не чувствуют почвы под ногами. Живут в подвешенном состоянии. Потому уже половина лугов заросла ольхой. И вместо двадцати волостных деревень осталась од-

на, называемая центральной усадьбой – с маленькой буквы.

Мерка деяний на земле такая была у востеливого Вадика: «Встали бы старики из могил, поглядели на наши дела...» Видно, что ему стыдно было. Охал и вздыхал.

...По деревне из конца в конец носится старый «Минск». На нём городские отроки – дачники, правнуки колёсного мастера Павла Филимоновича, – учатся мотокроссу. За рулём вызывающе для этих мест длинноволосый. «Смотрите! Жёншына!» – тычет пальцем вслед ему одна баба. А другая ей в подхват – ночью поперёк дороги натягивает бревно, чтобы в завтрашнем утреннем заезде грянул оземь грязивый олух и обернулся «мушпыной».

А парням эти деревенские интриги «по фигу!» Перед бревном поднимают мотоцикл на дыбы, перескакивают. Вечером на повети что есть мочи врубают «пауэр-металл», устраивают дискотеку. Курят, пьют пиво. Изъясняются языком «Южного парка». Сочиняют «ацкие тэшники», тексты-пародии на «Эмо»: «Он будет резать вены вдоль и поперёк, пока не вырежет на руке надпись: «Я – эмо!» Ему будет больно, он будет плакать, но музыка «Эмо» не даст ему умереть!» Иногда выплёскиваются из молодой игроманской души и вопли далеко не ироничные: «Пожалуйста, перезагрузи этот мир, Господи!»

С моего наблюдательного пункта на холме видно, как внизу дымит старый мотоциклетный мотор, лязгают ржавые рессоры, слышно, как всадники орут свои страшилки на всю деревню. Отсюда же с самой высокой точки доступна глазу за лесом луковка деревянной церкви Святой Троицы. Там, в развалинах дома изгнанного перед войной священника, поселился нынешней зимой молодой монах, по крови вовсе не внук и не родственник даже того несчастного отца Константина. Инок Илларион пришёл сюда в послушание из Сийского монастыря, благословили его в епархии на восстановление прихода. Пока что к нему только местная молодая пьянь

лынёт, искушает насмешками и разными каверзами «насчёт баб». Ему под сорок, человек закалённый монастырской жизнью. Молча гнёт свою линию. На первые пожертвования купил досок, бензопилу «Тайга». И в чёрной расе, длинноволосый, бородастый, знай, ладит леса. Подбирается к маковке. Храмы сверху обновляют.

Я навесил его. Жилё у монаха в разгромленном попсовом доме выгорело чистое, с лампадами, двенадцатиструнной гитарой, музыкальным центром и компьютером. У инока есть диск собственных духовных песен. Голос поставлен в многолетнем хоровом пении, с приятной хрипотцой. В запястьях использованы флейта, колокола, гитара, фортепиано. Всё сведено в цифровых технологиях по программе «Coll editpro». Он подарил мне диск.

Вот и теперь у меня здесь на холме плесер в кармане и наушники на голове. Слушаю балладу на тему Святой Троицы. «Три путника, задумавшись, сидят / О тропеже предложенной забавы. / Просты одежды, скорбные лики, грустен взгляд / У страдной чаши руки словно бы застыли. / Во всём чудесная гармония видна, / когда Один, любя, повелевает. / Второй – в стремлении всё исполнить до конца. / В молчании Третий их деяния освящает. / Качнулось дерево... / Склонённая гора... / В вшвенном ужасе народ на них взирает... / Здесь возле пыльного пастушьего шатра / вином и хлебом старцы Бога угощают. / Три посоха, три лика, три пути... / Но одному лишь суждено испытать из чаши. / Покинув небо, по земле босым пройти, / смирившись, испытать заботы наши...»

Слушая в наушниках песни инока, взмахом руки приветственную бредущего на свой покос ковбоя Валерия. Включаю погромче, когда начинаю газовать под горой молодые байкеры. Смотрю, как сын покойного Вадика задним ходом загоняет грузовик на склон. Ставит на ручник.

Только сними с тормоза – покатится и заведётся.

С грузовиком это просто.

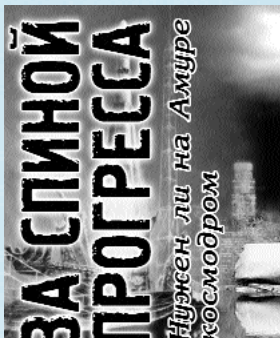
Шенкурский район,
Архангельская обл.

Любое передовое, в рамках разумного, — шаг к прогрессу, в том числе и во взаимоотношениях между странами и народами. На мой взгляд, нельзя ради достижения научных или других целей наносить урон природе, и более того, подвергать опасностям и страданиям людей, на которых в какой-либо степени могут повлиять отрицательные последствия внедряемого мероприятия. Поэтому исповедь «Не навреди!» как нельзя лучше предостерегает умы ведущих мыслителей науки от всяческих пагубных последствий, претворяемых высокими стремлениями и идей в жизнь.

Начну с самого, казалось бы, обычного и банального. В начале второй половины прошлого столетия вода в Амуре была относительно чистой. Её можно было пить в некипячённом виде, и она была пригодна для приготовления пищи. Но в конце пятидесятых годов в шестидесяти километрах выше Комсомольска построили город Амурск, в котором действовал целлюлозно-картонный комбинат. Предприятие имело ряд очистных сооружений и в первые десять с небольшим лет работало согласно техническим требованиям, заложенным в документациях комбината. Однако затем начались втихари прямые сбросы неочищенной воды в русло реки. Доказательством этого явления была слизь зеленоватого цвета с неприятным запахом тухлости, которая налипала на дели колхозных рыболовных ставных неводов в зимнее время. А весной 1976 года, начиная ниже города Комсомольска-на-Амуре, плыла по руслу реки масса гнилой рыбы. На территории Ульчского района по уловистым местам на берегах Амуре лежала слоями мелкая и крупная мёртвая рыба. Я сам являюсь очевидцем этого явления.

В восьмидесятых — девяностых годах и до 2005 года качество воды в Амуре было плохим повсеместно. В середине последнего десятилетия прошлого столетия я, как-то встретив своего знакомого, работавшего в природоохранной экологической системе края, спросил: «Вот ты работаешь в области

охраны природы. Скажи, пожалуйста, в загрязнении воды в Амуре нет ли доли участия космодрома «Свободный»?» И он ответил мне, что брали воду для анализов вблизи впадения в Амур притоки, на которой стоит город Свободный. Результаты — отрицательные, то есть не найдено никаких вредных или отравляющих примесей: она нормальная и исключительно чистая. Честно говоря, я не ожидал услышать от него иного ответа. Так как, если даже результаты были бы другими, любой человек, работающий в этой сфере, ответил бы точно так же. И пояснил, что в загрязнении в Амуре вина целиком и полностью лежит на Китае. Я же подумал: «Хорошо, что есть Китай, на который можно сваливать все грехи, в том числе и свои...» Конечно же, наш великий сосед выбрасывает громадное количество неочищенных бытовых и промышленных нечистот в воду. Однако, вероятно, в этом есть и наша доля вины, о которой мы скромно умалчиваем. Даже этот же космодром «Свободный» за десять лет своего функционирования, на мой взгляд, наделал немало «дел»: выбросил в атмосферу несметное число радиоактивной пыли, газа и другого сопутствующего состава, которые носились по небу ветрами и из которых оседали на землю вредные вещества на территории Амурской области и других регионов. Но это является тайной государственной значимости под грифом «Совершенно секретно». Поэтому, по своему убеждению, я вправе считать, что в загрязнении воды в Амуре есть значительная доля, вложенная нашим дальневосточным космодромом до приостановления его деятельности, то есть до 1996 года. Нельзя отрицать и то, что предприятия таких городов, как Комсомольск-на-Амуре, Амурск, Благовещенск, не исключая даже краевого центра Хабаровска, сбрасывают в Амур не на сто процентов очищенные промышленные отходы воды. Помимо всего этого немалую долю загрязнения вносят и населённые пункты все без исключения, у которых в бытовых отходах присутствуют всевозможные химические соедине-

ния в виде стиральных порошков, различных очистителей и других веществ, которые, попав на землю, с весенними паводковыми водами опять-таки уходят в Амур. В связи с этим хочется напомнить одну простую истину, что для разрушения чего-то или для загрязнения какой-либо среды достаточно одного дня, одного часа или даже одной минуты. Зато для восстановления потребуются годы, десятилетия или века. В некоторых же случаях нанесённый ущерб не может быть восстановлен вообще.

Возвращаясь к космодрому «Свободный», хочу ещё раз заострить внимание на том, что он, как любое предприятие, не может работать без воды и без нарушения воздушной и другой экосистемы. Не потому ли не так давно, после неудачного запуска нашего аппарата с космодрома «Байконур», республика Казахстан затребовала от нашего государства возместить немалые денежные средства за нанесённый экологический ущерб. Возможно поэтому после консервации «Свободного» (1996 год), на протяжении почти девяти лет наша великая река «боролась» с остаточными явлениями, чтобы к сегодняшнему периоду вода стала относительно чистой, а вкус рыбы изменился несколько в лучшую сторону. Непременно сказало и то, что по результатам неоднократных

соглашений с сопредельной с нами страной по оздоровлению водного состояния Китая приостановил работу ряда своих предприятий, которые выбрасывали неочищенные воды непосредственно в реки, впадающие в Амур.

За последние годы и особенно за последние месяцы 2007 года часто говорят по радио и телевидению о создании космодрома «Восточный», в Амурской области. Такой план страны не может не радовать нас, дальневосточников. Тем более Дальний Восток за последние десятилетия стал перед мировым сообществом настоящим форпостом с научными, техническими и природными потенциалами. В настоящее время начались изыскательские работы по определению места, на котором будет построен наш собственный космодром. Надо отметить, что в строительстве этого космодрома очень заинтересована Южная Корея и даже готова оказывать помощь в виде каких-то вложений или рабочей силой, чтобы затем, по всей вероятности, запустить с космодрома «Восточный» свои космические аппараты. Я очень хочу верить, что объект государственной важности задействует не на берегах Амура, Шилки или Аргуни либо какого-то другого, пусть даже небольшого притока, воды которого будут бежать в русло нашей реки, чтобы Амур вновь не подвергся большим испыта-

ниям, как от целлюлозно-картонного комбината.

Рассуждая так, не хочу выразить мнение, что я против каких-либо новшеств на благо Отечества и тем более родного края. Наоборот – я бесконечно рад и горд за достижения нашей страны в области космонавтики, в деле освоения не только околоземного, но и дальнего планетарного пространства. На мой взгляд, нельзя, недопустимо, имея благие намерения и желая претворить их в жизнь, подвергать опасностям жизнь и здоровье людей хотя бы одного небольшого населённого региона.

Я всегда удивляюсь обстоятельству, когда учёные умы, стремясь к прогрессивному, порой не всегда задумываются над тем, какой возможный вред может причинить окружающей среде тот или иной возводимый объект в процессе своей деятельности, то есть то, что скрыто за спиной прогресса. А примеры нанесённого природе дисбаланса имеются. Среди них – один самый последний пример, о котором заговорило радио, – это целлюлозно-бумажный комбинат на берегу озера Байкал. Поэтому очень бы хотелось, чтобы уже при проектировании будущего гиганта учёные, занимающиеся данной проблемой, не только подписывали бы контракты с руководством данных регионов, где будет возводиться объект, но и вели бы диа-

лог с населением, живущим на нём, чтобы вслепую не взыграть на спины людей мешок с иглами. Это во-первых. А во-вторых – почему в Амурской области, то есть на верхнем течении Амура? Не связано ли это с очень «удобной» ссылкой на Китай в загрязнении вод нашей родной реки? Я не верю и никто не переубедит меня в том, что космодром «Восточный» в процессе своей работы не будет выбрасывать в атмосферу множество вредных веществ с клубами пыли и газа. Ветра будут уносить их на большие расстояния, и от них непременно станут оседать на землю и водные акватории радиоактивные микрочастицы, которые не сиомиунтно, но обязательно окажут своё отрицательное влияние на жизнь и здоровье людей. Поэтому я бы хотел, чтобы к строительству космодрома «Восточный» вблизи бассейна реки Амур люди отнеслись со всей серьёзностью и ответственностью. Потому что здесь жить нам всем, а у амурских народностей нет иной земли. Нельзя забывать о том, что Амур – это не безлюдные пустыни Казахстана.

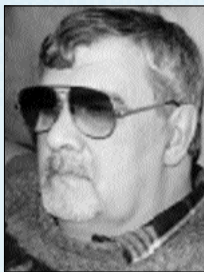
И последнее. Я не очень уверен, что все выводимые на орбиты космические аппараты будут достигать намеченных целей: по самым непредвиденным обстоятельствам они имеют способность возвращаться на далеко не предусмотренные точки Земли. Если вещи называть своими именами, это результат неудачного запуска или, говоря конкретно, – катастрофа. Следовательно, от такого запуска появится немалый ущерб не только в денежных выражениях, но и в области воздушного пространства, земной поверхности, водной акватории и, конечно же, непременно он скажется на здоровье людей. Причём результаты покажутся не сегодня, не завтра, а через годы – на детей и будущих поколений. Поэтому, на мой взгляд, проблема эта крайне серьёзная и очень даже стоящая вдумчивого, всестороннего, широкого обсуждения.

Константин БЕЛЬДЫ

село ТРОИЦКОЕ,
Хабаровский край

**Сергей
ТРОИЦКИЙ,**
гидрограф

**Сергей
ИГНАТЬЕВ,**
океанолог

Нынешнюю Арктику, т.е. географическое пространство под созвездием Большой Медведицы и Полярной звездой, древние греки называли страной Арктос. О стремлении отважных мужчин проникнуть в эту загадочную и недоступную в ту пору страну повествуют священные индийские книги, легенды древних персов, поэмы эллинов, позже – саги скандинавских викингов, былины русских поморов.

Летопись Крайнего Севера поры Средневековья и Ренессанса ещё более насыщена именами храбрецов, которые несколько столетий пробивались в самые отдалённые уголки Арктики.

Первопроходцам посвящены научные статьи и монографии, стихи и историко-приключенческие романы.

А вот тема участия женщины в первых полярных экспедициях ещё не обрела ни своего дотошного исследователя, ни талантливого литератора.

Фритюф Нансен, на примере которого воспитаны несколько поколений полярных исследователей, писал: «Кто желает знать человеческий дух в его благородной борьбе с суеверием и мраком, пусть листает летопись арктических путешествий».

Пролитаем же несколько литературных источников и вспомним первых «амазонок», устремившихся в страну Арктос ещё в те времена, когда зимовка в полярной ночи, по словам Фритюфа Нансена, грозила верною смертью.

АМАЗОНКИ ПОЛЯРНОЙ НОЧИ

Первые русские экспедиции по Северному Ледовитому океану начались в XI – XIII веках. Супердержава той поры – Господин Великий Новгород – старалась максимально расширить сферу торговли и своего влияния. К берегам «Студёного моря» один за другим отправлялись отряды новгородцев. На своих утлых кочах собственной постройки, не зная наук кораблевождения, они спускались на север по рекам, отваживались на переходы морем, открывали новые места, воссоздавали со встречающимися инородцами, приводили их к покорности, собирали ясак и двигались всё дальше и дальше. К концу XV века русскими поморами был освоен путь по Северному Ледовитому океану до устья Оби.

Об участии женщин в первых плаваниях по «Студёному морю» свидетельствует такой факт. Незадолго до Второй мировой войны на побережье восточного Таймыра было обнаружено место зимовки русской торгово-промышленной экспедиции, которая примерно в 1619 году прошла от устья Лены до острова Фаддея и, потерпев кораблекрушение, зазимовала в заливе Симса. Все участники этой экспедиции погибли. Исследования предметов, найденных на месте вынужденной зимовки, показали, что в плавании и «робинзонаде» мореходов принимала участие женщина. Эта отважная «амазонка», разделившая трагическую участь помо-

ров, навеки осталась безымянной.

В 1647 – 1648 годах промысловик Федот Попов и казак Семён Дежнёв предприняли плавание из Нижне-Колымского острога на восток для поиска морского пути на Анадырь. В состав экспедиции входили 90 человек. Среди путешественников была «**якуцкая жена**» Попова.

Во время бури суда Попова и Дежнёва разлучились. Коч Дежнёва выбросило на берег возле реки Анадырь. Коч, на котором находился Попов с женой, дошёл до Коряцкой земли. Попов, его жена и оставшиеся в живых поморы были пленены коряка-

чем она заслуживает (многие документы сгорели при пожаре в Тобольском архиве в 1877 году), известно, что вместе с лейтенантом Василием Васильевичем Прончищевым, руководившим обследованием Енисейско-Ленского участка Ледовитого океана на дубель-шлюпе «Якуцк», неотлучно находилась его жена **Татьяна Фёдоровна Кондырева** (в замужестве – **Прончищева**).

Во время плавания, проходившего очень тяжело, многие участники похода умерли. Труднее всех приходилось Татьяне. Всегда на людях, среди больных, уставших, голодных, огубевших мужчин. Только

Прончищева волею божьей жена его умре».

Василия и Татьяну Прончищевых похоронили с воинскими почестями в одной могиле в становище Усть-Оленёк. Через полтора столетия, в 1875 году, их захоронение случайно обнаружил русский путешественник А.Чекановский.

На могильном кресте, и поныне стоящем в посёлке Усть-Оленёк, надпись: «**Памяти славного Прончищева и его жены Марии**».

Но почему Мария, а не Татьяна?

В арктическую картографию Татьяна Прончищева вошла под именем Мария, и вот почему.

Из-за этических норм Петровской эпохи руководители Великой Северной экспедиции не называли в собственную честь острова, мысы, заливы, проливы, которые открывали и изучали. Они нарекали тот или иной географический пункт именами святых – в зависимости от конкретного дня рождения святого. Спустя десятилетия и даже столетия историческую справедливость на карте Крайнего Севера восстанавливали другие полярные исследователи.

Так, в 1913 году гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана под руководством Бориса Вилькицкого присвоила фамилию Прончищевой одному из мысов восточного Таймыра в окрестностях безымянной бухты. В картах того времени появился надпис: «Мыс Прончищевой». Через некоторое время слово «мыс» сократили до одной буквы «М», которую позже кто-то расшифровал как начальную букву имени Мария. Дальше наименование мыса перешло на «Бухту Марии Прончищевой».

Татьяна Фёдоровна Прончищева – первая ставшая известной нам полярница России.

Великая Северная экспедиция Витуса Беринга дала неограниченный географический материал. Стараниями девятилетних трудов «Петровских птенцов» С.Муравьёва, М.Павлова, Д.Овцына, В.Прончищевой, С.Челюсина, Х.Лаптева, Д.Лаптева, П. Лассиниуса впервые

Дубель-шлюп Петровской эпохи

ми. Вскоре Попов умер от цинги. Впоследствии отряд Дежнёва, пришедший на выручку, вызволил из неволи супругу Попова.

Попытки связать Атлантику и Тихий океан единой нитью сквозного плавания не удавались ни английским мореходам XVI – XVII столетия, ни голландцу Виллему Баренцу, ни Генри Гудзону.

В XVIII веке в России, при Петре Первом, изучение морских путей вдоль северных берегов Сибири впервые было поставлено как важное государственное мероприятие. Великая Северная экспедиция 1733 – 1743 годов, задуманная Петром Первым и осуществлённая под руководством Витуса Беринга, имела задачу создать первую карту всего сибирского и дальневосточного Севера. И хотя об экспедиции Беринга мы знаем значительно меньше,

великая любовь к мужу поддерживала в ней силы.

9 сентября 1736 года Василий Прончищев скончался на руках жены...

Нам уже никогда не узнать, о чём думала измученная, обесцеленная и больная Татьяна, глядя на безжизненное тело Василия. Проклинала ли она его за то, что он вовлёк её в эту страшную, холодную и цинготную неизвестность? Или, напротив, смиренно благодарил Бога, что он подарил ей счастье принять последний вздох мужа?

Да и недолги были раздумья Татьяны. После кончины Василия миновало всего две недели, и Семён Челюскин, принявший командование отрядом, внёс в корабельный журнал ещё одну скорбную запись: «**В начале сего дня 4 часа пополуночи бывшего командира дубель-шлюпки «Якуцка»**

был нанесён на карту северный берег Сибири.

В Музее Арктики и Антарктики хранятся старинные инструменты, с помощью которых Василий Прончищев и штурман Семён Челюскин определяли координаты неведомых мысов и островов, кремнёвые пистолеты, грубая деревянная посуда. На двух зимовках долгими полярными ночами вырезали из плавника эти чашки и плоские спутники Прончищева. И уж Татьяна Прончищева наверняка держала в руках эту посуду — мыла, скоблила, чистила, как добрая хозяйка, подавала в ней на стол скудную еду.

Были ли безымянная женщина, погибшая на восточном Таймыре, «якуцкая жена» Федота Попова и Татьяна Прончищева единственными женщинами — участницами русских «высокошироток» XI — XVIII столетий? Конечно, нет! Но каких-либо вещественных доказательств и документов, из которых можно узнать о других полярных путешественницах той поры, не сохранилось. Тайну первых женских следов в Арктике пока хранят многочисленные поморские могилы с повалившимися покосившимися деревянными крестами, разбросанные по всему побережью Северного Ледовитого океана.

Интересен эпизод, говорящий о возможном участии женщин в перепроходческих полярных экспедициях того далёкого времени.

В 1977 — 1979 годах научно-спортивной экспедицией

Дмитрия Кравченко проводились попытки найти захоронение Виллема Баренца в Ледяной гавани на Новой Земле. На месте зимовья экспедиции Баренца поисковики обнаружили около сотни предметов далёкого прошлого. Но сенсацией стала одна из находок — небольшой фрагмент останков человека.

Из дошедшего до нас дневника участника плавания Баренца Геррита де Фера поисковикам Д.Кравченко было известно, что вблизи своего зимовья голландцы похоронили двух умерших моряков.

Однако в Московском институте судебной медицины Кравченко выдвинули заключение: останки человека пролежали на Новой Земле не менее ста лет и принадлежат... молодой женщине в возрасте от 25 до 30 лет, женщина перенесла цингу.

Но в своём дневнике де Ферн своим не обмолвился об участии женщины в экспедиции Баренца. Либо он упустил этот факт, либо женщины могли участвовать в других полярных экспедициях той поры, о чём мы пока не знаем.

А полярный круг манил и манил смельчаков как ворота Вселенной. Тем, кто жаждал славы, лавры Колумба и Магеллана брезжили только там — в ледяных пустынях арктических морей. Тех, кто хотел богатства, северные территории зазывали золотом, углем, рудами. В XVIII — XIX веках даже страны, весьма далёкие от приполюсного пространства, снаряжали в Арктику свои экспедиции.

В 1878 — 1879 годах свершилась мечта целых поколений моряков: швед Адольф Эрик Норденшельд на судне «Вера» впервые прошёл через все моря Северного Ледовитого океана. Правда, сам Бог благоволил к отважному Норденшельду: в ледовом отношении 1878 год в Арктике оказался необычайно мягким. Да и состоялся бы триумф Норденшельда вообще, если бы к подготовке его похода, наряду с королём Швеции Оскаром-II и норвежцем Диксоном, не «благородничал» щедро денежными средствами русский купец Александр Михайлович Сибиряков?

Если зарубежная пресса писала, что после славных дел «Петровских птенцов» Россия словно уснула в своём интересе к северному «фасаду», то в начале XX столетия в Северном Ледовитом океане стало тесно даже русским.

В 1905 году из Германии в Енисей через льды Баренцева и Карского морей прошла уже целая флотилия Министерства путей сообщения России, состоявшая из 22 речных пароходов с баржами на буксире. В 1909 году приступила к работе Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана на транспорте «Вайгач» и «Таймыр», положившая начало комплексному и систематическому изучению морей Северного Ледовитого океана.

А в 1912 году над полярными льдами вновь зазвенели женские голоса.

28 июля 1912 года из Санкт-Петербурга вышла зверобойная шхуна «Святая Анна» под командой лейтенанта Георгия Львовича Брусилова. Экспедиция была снаряжена родственниками лейтенанта — богатыми московскими землевладельцами, решившими изучить коммерческие перспективы промысла морского зверя в неосвоенных иностранцами приисбирских водах.

Предполагалось, что шхуна Брусилова за одну навигацию пройдёт вокруг Скандинавии, а затем отправится «дорогой Норденшельда» по Северному морскому пути с запада на восток, ведя при этом пробные промыслы морского зверя. По плану, проведя одну зимовку во льдах, «Святая Анна» должна была завершить плавание во Владивостоке к октябрю-ноябрю 1913 года. Участницей этого плавания стала дальняя родственница Георгия Брусилова — генеральская дочь **Ерминия Александровна Жданко**.

Тем же летом 1912 года из Екатерининской гавани Александровска на Мурмане в плавание на Шпицберген направились парусно-моторный бот «Геркулес». Среди 14 участников экспедиции, которую возглавили полярный геолог Владимир Александрович Русанов и капитан «Геркулеса» Александр Степанович Кучин, была

Г.Л. Брусилов

Шхуна «Святая Анна»

невеста Русанова – французка Жюльетта Жан-Сессин.

Обе женщины были молоды и красивы. Оба начальника, Русанов и Брусилов, – талантливы и честолюбивы. И оба судна – «Святую Анну» и «Геркулес» – постигла одна и та же участь: они исчезли в Ледовитом океане неизвестно где, когда и при каких обстоятельствах.

О Ерминии Жданко мы знаем немало. На борт «Святой Анны» её привёл мальчишеский характер. Узнав, что Георгий Брусилов отправляется в такое необыкновенное плавание, девушку загорелась желанием совершить на «Святой Анне» путешествие вокруг Скандинавии до Александровска-на-Мурмане. Там она хотела проводить шхуну в плавание по неизведанным полярным водам, а затем вернуться в Петербург к родителям. Но, словно предчувствуя трагический исход плавания, в Александровске-на-Мурмане на шхуну не явились несколько членов экипажа, в том числе судовой доктор. Экспедиция, о которой «знала вся Россия», оказалась под угрозой срыва. И тогда Ерминия настояла, чтобы родители и Брусилов разрешили ей продолжить путешествие на «Святой Анне» до Владивостока, заменив собой струсившего

лекаря: ведь она, готовясь к войне с японцами, успела закончить курсы сестёр милосердия!

Вначале Брусилов резко сопротивлялся решению Ермины, но мог ли он устоять перед натиском этой напористой девушки? В полярном плавании и на зимовке во льдах без судового медика невозможно обойтись! После дезертирства нескольких офицеров в экипаже не хватало образованных людей для научных наблюдений! К тому же за месяц перехода вокруг Скандинавии девушка настолько вошла в курс экспедиционных дел, что даже внесла в судовую кассу 200 рублей из собственных средств – по тем временам сумму немалую! К тому же Ермина была не только дочерью известного генерала, она была ещё и племянницей адмирала М.Е. Жданко, много способствовавшего подготовке полярного плавания «Святой Анны»! К тому же... даже самые консервативные авторы пишут, что Георгий Львович был неравнодушен к Ерминии Александровне! И вряд ли его розовое чувство к Ерминии было безответным: кто ещё могла пожелать проводить в рискованный поход юная аристократка? Может быть, потому она и «увязалась» за командой «Святой Анны» в Ледовитый океан, что сама была полна розовых чувств к молодому и уже популярному командиру шхуны?

О дальнейших событиях на «Святой Анне» мы знаем из неполных и противоречивых документов. Главным образом, из книги-дневника штурмана Валерия Альбанова. Он и матрос Александр Конрад – единственные «святоанновцы», которые вернулись из той экспедиции. Из копии судового журнала, переписанной аккуратно почерком Ерминии Жданко, хранящейся в Музее Арктики и Антарктики. Из личных писем Ермины и других участников экспедиции, отправленных с пути шхуны до Югорского Шара, где служащие почтовой станции были последними, кто видел «Святую Анну», смело ушедшую под белыми парусами в Карское море навстречу льдам.

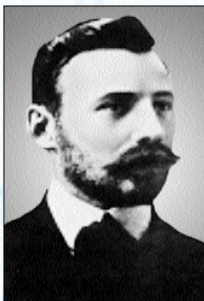
Но даже в дневнике Альбанова судьба «Святой Анны», её экипажа, включая Ерминию Жданко, прослеживается лишь до точки с координатами 83 градуса 17 минут северной широты и 60 градусов восточной долготы. В этом районе приполюсного пространства лейтенанта Брусилова постигла участь Генри Гудзона: ему изменила команда!

«Пробиваясь на восток через льды Карского моря, «Святая Анна» вмёрзла в ледяное поле, после чего начался её медленный, но неуклонный дрейф к северу. К лету 1913 года судно уже находилось севернее Новой Земли и было захвачено мощным течением, которое несло её на запад. Уже после первой зимовки вышел запас керосина. Для освещения использовали баночки с тюленьим или медвежьим жиром, но они больше коптели, чем светили. Все были невероятно грязны. Пробовали варить мыло, но неудачно – *«насилу удалось соскоблить с физиономии эту замазку»*. В каютах температура редко поднималась выше четырёх градусов. Стала ощущаться нехватка продуктов и топлива, а с середины 1914 года ожидался голод. А известный опыт дрейфа Нансена на «Фраме» и расчёты показывали, что «Святая Анна» имеет шанс – но только шанс! – освободиться из ледового плена где-то у берегов Шпицбергена не ранее лета 1915 года.

Неопределённость положения и надвигавшаяся голодная смерть, проживание в тесноте и болезни создали почву для разлада среди разношёрстного экипажа. *«Забывали, совали наиболее сильные мужчины, капризничали, сорились, швыряли в сардах тарелки с супом, чуть ли не в голову «обидчику», выкрикивали непристойности, вязывались в драки»*.

Вторая зимовка началась уже с ярых стычек между командиром шхуны и штурманом. Команда раскололась на «брусиловцев» и «альбановцев». Фактически это был бунт против командира.

15 апреля 1914 года наиболее здоровая часть команды, предводительствуемая Альбановым,

В.А. Русанов

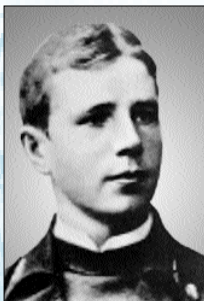
покинула судно, предоставив Брусилову с ослабевшими и больными матросами далее дрейфовать во льдах.

Из тех, кто ушёл со шхуны, Арктика пощадила лишь самого Альбанова и матроса Александра Конрада. Только у них хватило сил пробиться через льды к Земле Франца-Иосифа, где по счастливому случаю их подобрал экипаж «Святого великомученика Фоки» — судна экспедиции Георгия Седова (уже умершего на пути к полюсу). Другие «альбановцы» нашли смерть среди дрейфующих льдов и в трещинах ледника Земли Франца-Иосифа.

Из тех, кто решил продолжить дрейф на «Святой Анне», Арктика не пощадила никого: лейтенант Брусилов, сестра милосердия Ерминия Жданко и оставшиеся на шхуне моряки бесследно, безвестно и навсегда исчезли в приполюсных водах и льдах.

Спустя три года после его беспримерного похода через льды Альбанов опубликовал свой дневник. В первой половине дневника, посвящённого двум зимовкам на «Святой Анне», самые добрые его слова адресованы «барышне», «докторше» Ерминии Жданко.

Все документы без противоречий свидетельствуют, что при тяжелейших испытаниях, выпавших на долю участников этой полярной трагедии, молодая русская аристократка Ерминия Жданко проявила себя

А.С. Кучин

«на излом» крепче, чем многие мужчины-«святоанновцы». Повинуясь своему врачебному долгу и зову сердца, она осталась с теми, кто нуждался в ней больше: с командиром и больными матросами. Несомненно, что до самого трагического исхода дрейфа «Святой Анны» девушка вселяла в команду надежду на благополучный исход экспедиции.

Тайну гибели «Святой Анны» и Ерминии Жданко мы уже вряд ли когда узнаем. Вероятнее всего, Ерминия, Брусилов и оставшиеся с ними моряки скончались от голода и болезней не позднее 1915 года, а судно раздавило льды.

Ерминия Александровна Жданко вошла в историю Арктики как первая и, на верное, единственная в мире женщина-полярница, совершившая как минимум две зимовки подряд в дрейфующих льдах Центральной Арктики.

Если о подготовке экспедиции Георгия Брусилова на «Святой Анне» *«знала вся Россия»*, то весть о том, что в плавание через самый суровый океан планеты устремился небольшой парусно-моторный бот «Геркулес», стала для всех неожиданностью.

Официально экспедиция на «Геркулесе» была организована Министерством внутренних дел России для разведки угольных месторождений на Шпиц-

бергене. Руководителем этого важного правительственного мероприятия был назначен известный полярный геолог Владимир Александрович Русанов.

Репутацию талантливого учёного, обладающего к тому же большой личной храбростью, Русанову принесли исследования архипелага Новая Земля, который был почти не изучен, а полезные ископаемые не разведаны. В ходе одной из пяти своих экспедиций Русанов совершил первый в истории сухопутный переход через Новую Землю от залива Незнаемого до бухты Крестовой.

Высоко оценённая деятельность Русанова, власти Архангельска оказывали ему всяческое содействие в подготовке экспедиций на Новую Землю, а «третье отделение» Министерства внутренних дел даже простило Русанову «грех»: в юности он был активистом социал-демократического кружка, привлекался к дознанию, был исключён из Киевского университета, прошёл аресты, тюрьмы, ссылки. Это потом он уехал в Париж, учился в Сорбонне, с блеском защитил докторскую диссертацию, завоевал признание как полярный исследователь.

В соответствии с правительственным предписанием, по завершении геологических работ на Шпицбергене, в октябре-ноябре 1912 года «Геркулес» и все участники экспедиции были обязаны возвратиться в Архангельск или какой-либо другой русский северный порт. Однако со Шпицбергена на попущном судне вернулись только два научных сотрудника (они доставили научные материалы) и один матрос. Сам же «Геркулес» с начальником экспедиции Русановым, капитаном судна Кучиным и девятью членами экипажа, включая судового доктора Жюльетту Жан-Сессин, загадочно исчезли.

О намерениях Русанова и Кучина пройти Северным морским путём указывает записка Русанова, оставленная в губе Поморской на южной оконечности Шпицбергена: *«...Иду к северо-западной оконечности Новой Земли, оттуда на восток. Если погибнет судно, направлюсь к бли-*

**жающим по пути остро-
ва Уединения, Новосибир-
ским, Врангеля...»**

Из писем членов экипажа «Теркулеса» к родным, из рассказов их родственников следует, что никто из участников экспедиции, кроме самого Русанова, Кучина и Жюльетты Жан-Сессин, отправляясь на Шпицберген, не знал толком, куда конкретно и на какой срок уйдёт затем в Ледовитый океан «Теркулес».

Почему же начальник экспедиции, капитан судна и судовой врач скрывали свои планы от морского начальства, от Русского географического общества, от общественности и даже от остальных участников похода на Шпицберген?

Отчасти поведение «заговорщиков» объяснял сам Русанов:

«...имея в руках судно... я бы смотрел на обследование Шпицбергена как на небольшую первую пробу. С таким судном можно будет широко осветить, быстро двинуть вопрос о Великом Северном морском пути в Сибирь и пройти Сибирским морем из Атлантического океана в Тихий».

Остальное можно додумать. Русанова со студенческой поры занимала проблема освоения Северного морского пути. Он гипотетически предпологал, что наиболее свободный от льдов путь через Ледовитый океан лежит где-то около 80 градусов северной широты, где льды, по его мнению, разрушаются тёплым течением. Впрочем, Русанов полностью отдавал себе отчёт, что пока это лишь гипотеза, которую он должен подтвердить бесспорными доказательствами. И есть только один способ найти доказательства — успешное плавание! Но, в отличие от его Новоземельских экспедиций, рассчитывать на поддержку властей в организации пробного плавания Русанов не приходилось: в 1912 году в Северном Ледовитом океане уже вершилось масштабное государственное дело, запущенное адмиралом Александром Васильевичем Колчаком, — третий сезон с востока на запад двигались ледокольные пароходы «Вайгач» и «Таймыр» Гид-

рографической экспедиции Северного Ледовитого океана под командой кавторанга Бориса Вилькицкого!

Не исключено также, что на решение Русанова нарушить правительственную инструкцию и на свой страх и риск использовать «казённое» судно для никем не санкционированного плавания по Ледовитому океану повлияли и газетные сообщения о подготовке похода лейтенанта Брусилова на «Святой Анне». Русанов не захотел пропустить вперёд соперника! На него — человека независимого, смелого, не лишённого здорового честолюбия, — это было похоже.

Кто мог поддержать его в дерзком замысле и быть практически соучастником?

**Ж. Жан-Сессин и
В.А. Русанов на борту
«Теркулеса»**

Самым близкий ему человек — его невеста Жюльетта Жан-Сессин!

Эта студентка Сорбонны вошла в жизнь Русанова спустя два года после смерти его жены — Марии Булатовой, которая разделила с Русановым и ссылку в Усть-Сысольск, и первые несчастливые годы в Париже!

Жюльетта, ладная, спокойная, начисто лишённая кокетливости, с прямым взглядом из-под высокого лба, напоминала Русанову незабвенную Машу.

Жюльетта и Русанов на равных вели беседы, невольно заменяя друг друга на острую

ума, эрудицию, пристрастия. Девушка приятно удивляла нечитанностью, здравостью суждений, к тому же превосходно музицировала, пробовала силы в живописи акварелью.

А он рассказывал ей о своих Новоземельских походах, о всяких случаях из экспедиционной жизни. О неистовом русском бароне Эдуарде Васильевиче Толле, ушедшем десятилетий назад на своей «Заре» туда, где карты заменял притягательный миф о Земле Санникова. О том, что сами Ломоносов и Менделеев предрекали великую будущность Северного морского пути из Европы в Азию. О своей гипотезе — через Ледовитый океан кораблям надо идти приполюсными курсами!

И они, 37-летний мэтр и молодая студентка, зажгли друг друга любовью!

Но Жюльетта — это лишь его духовница! Она готова идти за ним в любую экспедицию, хоть к чёрту на рога, но плавание по Ледовитому океану представляет пока как яхтенное путешествие через Ла-Манш.

А кто встанет к штурвалу экспедиционного судна? Кто согласится рискнуть карьерой, нарушить правительственные инструкции и повести вместе с ним, Русановым, «казённое» судно от Шпицбергена на восток, навстречу штормам и льдам опаснейшего из океанов? Не согласится ли стать соучастником рискованного похода молодой моряк и океанограф Александр Кучин, снискавший уже известность как участник плавания Руала Амундсена к берегам Антарктиды на «Фраме»?

Мог ли Русанов сделать это предложение другому? Если взглянуть в короткую биографию Александра Кучина, то в ней просматривается... сам Русанов, только на 13 лет моложе!

Сын помора, 24-летний Александр Кучин с детства отличался большими способностями. Ещё недавно были живы старики, которые помнили его. Один из них, рассказывая о Кучине, вздохнул: **«Если бы не погиб, вторым Ломоносовым мог бы стать».** Так же как и Русанов, в ранней юности Кучин примкнул к организации соци-

ал-демократов и около полугодя работал в одной из типографий Норвегии, где налаживал выпуск революционной литературы на русском языке. Потом он немало походил на норвежских и русских промысловых судах. Составил «Малый русско-норвежский словарь», вскоре опубликованный издательством «Помор». Закончив с отличием Архангельское мореходное училище, Кучин видел своим будущим изучение полярного бассейна, чтобы проложить путь к устьям великих сибирских рек и покончить с дедовскими приёмами интуитивного поиска рыбы. Для этого он стажировался на океанографических курсах в Норвегии, а позже планировал купить бот и заняться изучением гидрологии и гидробиологии Баренцева моря.

Но большие успехи в учёбе на океанографических курсах внесли неожиданные коррективы в планы Кучина. Сам Фриц Нансен рекомендовал его Руалу Амундсену для участия в экспедиции к Северному полюсу. Норвежские газеты писали: «Кучин включён в состав экспедиции вопреки постановлению стортинга, который высказался за то, чтобы она носила исключительно норвежский национальный характер... такое нарушение организатором экспедиции пожелания стортинга было сделано ввиду исключительных способностей А.С. Кучина в области океанографии».

В контракте Кучина с Амундсеном были указаны его экспедиционные обязанности — океанографические исследования до сих пор не известных районов вокруг Северного полюса! Это было как раз то, к чему стремился Владимир Русанов!

Но Амундсен, как известно, круто и неожиданно для спутников изменил цель экспедиции — он повёл «Фрам» не к Северному, а к Южному полюсу!

Вот строки из дневника Кучина, который он вёл в плавании «Фрама» на Север:

«9 сентября 1910 года. Остров Мадейра. ...Начальник экспедиции (Р.Амундсен) позвал всех участников на палубу... Этот всегда спо-

койный человек... заметно волновался.

«Господа, я позвал вас сюда, чтобы сообщить вам весьма важную новость», — сказал он. — План экспедиции существенно изменён. С тех пор как американцы побывали на Северном полюсе и стортинг отказал нам в ассигновке, поездка к Северному полюсу утеряла несколько свой интерес. Теперь мы идём к Южному

Аслауг Паульсон

полюсу. Другая экспедиция, именно английская экспедиция «Терра Нова» под начальством капитана Скотта, имеет ту же цель и уже находится в пути. Именно это заставляет держать наши планы в секрете. Чтобы быть уверенным в вас, я позволю себе сделать опрос. Кто желает идти к Южному полюсу?»

Это известие поразило всех. Никто не подозревал... Но уныние скоро прошло. Наступило какое-то оцепенение. Все ответили «да»! Новые мысли, новые планы так же далеки от старых, как Южный полюс от Северного».

В октябре-ноябре 1911 года пятеро норвежцев с Руалом Амундсеном во главе совершили триумфальный поход к Южному полюсу. А Александр Кучин и штурман Ертсен пополнили на «Фраме» ценнейшие океанографические исследования приантарктических вод.

В Норвегии молодой русский океанограф впервые опутил вкус славы: он был представлен королю, а позже норвежское правительство наградило его денежной премией — 3000 крон.

— Какие у вас планы на будущее? — спрашивали Кучина корреспонденты.

— К Рождеству думаю быть обратно в России, надеюсь пристроиться к какой-нибудь русской научной экспедиции!

И было ещё одно личное обстоятельство, сделавшее их такими понятными друг другу: как и Русанов, Александр Кучин был влюблён и после «какой-нибудь экспедиции» мечтал надеть обручальное кольцо на руку дочери норвежского литературного критика Паульсона — Аслауг.

В конце 1911 года Кучин письмом уведомил родных в Онеге: «...Лучшей жены, лучшего друга мне не найти. ...Мы пошли к её родителям. ...Так как они знали меня давно и хорошо, то мы получили их согласие.

— Если она хочет ехать в Россию и сделаться русской, то с богом, — ответила её мать и отец.

И с тех пор мы женихи и невеста. Так как моё положение в России ещё не выяснено и так как Аслауг ещё так молода — ей всего 18 лет, — то я решил, что свадьба будет лишь через два года. За это время я что-нибудь сумею сделать для России.

Итак, круг ближайших сподвижников был Русановым определён.

Он ходатайствовал перед Министерством внутренних дел России об участии в Шпицбергенской экспедиции подданной Франции мадемуазель Жюльетты Жан-Сессин! Как и раньше, лояльные к Русанову власти в просьбе не отказали...

В феврале 1912 года в Онегу Александру Кучину прилетела телеграмма Русанова: не примет ли он, Кучин, должность капитана экспедиционного судна?

При встрече им не надо было долго объясняться. Замысел Русанова не мог не увлечь Кучина.

Уже в начале мая 1912 года они вместе выехали в Норвегию, чтобы купить подходящее судно.

По примеру Руала Амундсена выбрали крохотный «Геркулес», специально построенный в 1908 году для звериных промыслов около Гренландии. На такой же, если не меньшей скорлупке «Йоа», Амундсен успешно прошёл северо-западным путём.

Как и Руал Амундсен в его полюсной экспедиции, решили объявить спутникам об их плане направиться в Ледовитый океан лишь на Шпицбергене!

...Потом был Шпицберген: разведка угольных месторождений, океанологические работы. Из четырнадцати человек, ушедших с Русановым на Шпицберген, в Россию осенью вернулись только трое...

Через год после загадочного исчезновения «Геркулеса» президент Русского географического общества П.П. Семёнов-Тян-Шанский обратился к правительству с требованием начать поиски экспедиции Русанова.

Спасательную экспедицию возглавил известный полярный капитан Отто Сведруп. На судне «Эклипс» он обследовал всё побережье Карского моря. Следующей весной спасатели обошли побережье Ледовитого океана от мыса Вильда до мыса Челюскина. Никаких следов экспедиции Русанова обнаружено не было. Специальная комиссия при Архангельском обществе по изучению Русского Севера официально сообщила: **«Надежды никакой уже иметь нельзя».**

В 1921 году сподвижник Эдуарда Толля и Александра Колчака Никифор Бегичев отыскал на берегу бухты Михайлова остатки брошенного экспедиционного снаряжения. Среди находок Бегичева были французская монета 1903 года и пуговица с клеймом парижской фирмы «Самаритен», торговавшей женской одеждой. Вероятнее всего, это – след Жюльетты!

Русские гидрографы искали следы русановцев и в тридцатые годы. В 1934 году на архипелаге Мона у западного побережья Таймыра был обнару-

Предполагаемый маршрут бота «Геркулес» в 1912 – 1913 гг.

жен покосившийся столб с надписью «Геркулес, 1913 г.», составляющий ныне экспозиции Музея Арктики и Антарктики. Чуть позже на острове в шхерах Минина были найдены многочисленные вещи участников русановской экспедиции: патроны, фотоаппарат, буссоль, ножи, документы двух матросов, обрывок рукописи Русанова «К вопросу о северном пути через Сибирское море».

В 1977 году на архипелаге Мона побывала искавшая следы русановцев экспедиция Дмитрия Шпаро. К числу находок прибавился маленький якорь-эмблема, точно такой же, какие были на погонах капитана Кучина.

Наверное, осенью 1912 года «Геркулес» зазимовал в районе архипелага Мона. Следующая зима 1913 – 1914 годов, по-видимому, стала решающей в судьбе Русанова и его спутников. К тому времени запасы продовольствия у них были полностью исчерпаны. Несомненным представляется тот факт, что «Геркулес» не смог вырваться из ледового плена. Оставив судно, русановцы решили пробиваться на юг, на Пясину, в Енисейский залив, только там можно было надеяться встретить людей. На этом тяжёлым маршрутом все погибли.

Как и для русских дворянок Татьяны Прончищевой и Еремнии Жданко, для мадемуазель Жюльетты Жан-Сессин плавание в Ледовитый океан оказалось роковым.

А фрёкен Аслауг Паульсон всю оставшуюся жизнь продавала своего капитана Кучина. И даже многие годы спустя в Россию, в Онегу, шли и шли из Норвегии её письма: «...Я так долго не имею от тебя вестей, но верю в то, что ты жив, что любишь меня. Пусть любовь сохраняет нас, людей...» Она так и не вышла замуж.

Воды, льды и снега огромной белой страны Арктики принимали в себя Татьяну, Еремнию и Жюльетту, и они стали частицами этой прекрасной страны, а души первых льды Арктики вознесли к Полярной звезде.

Не оттого ли метельные заструги Таймыра так похожи на причудливые локоны русской дворянки Татьяны Прончищевой и плавные изгибы плеч французки Жюльетты Жан-Сессин?

Не оттого ли весенние снежицы на дрейфующих льдах Северного Ледовитого океана своей голубишной напоминают нам глаза русской аристократки Еремнии Жданко?

Не оттого ли великий Хансен писал: «Полярная ночь, ты похожа на женщину».

С Семёном Петровичем Даниловым меня познакомил поэт Михаил Львов в 1968 году. Знакомство наше произошло в ресторане гостиницы «Москва». Семён Петрович сидел в небольшой компании якутских писателей. Он внимательно посмотрел на меня и спросил: «У вас были знакомые якуты?» «Нет», — ответил я.

— Какое впечатление мы на вас производим?
— На ваших лицах отражена самобытность вашей природы.

— Вы, наверное, хотите сказать, что мы мало рафинированные?

— Ну что вы, у вас своя подлинная аристократичность, присущая только вашему народу.

Семён Петрович удовлетворённо кивнул. Он

значит, ехал к ним северный шаман. Если с южной — ехал южный. Видел, как шаманка отрезала свою голову, плясала с ней в руках, а затем приставляла обратно. «В одном аласе, — рассказывал он, — и поныне видят раз в году мараж праздника Ысыах. Видят, как на гору съезжаются якуты на оленьих упряжках, в старинных одеждах. Слышится пение, пляски, звуки хомуса. Об этом местные жители даже писали в ЦК, но ответа не последовало».

В трудные моменты жизни Семёну снился один и тот же сон. Он выходит на поляну, и белки предсказывают ему судьбу по ядрам орехов.

*Порой усталость свалит иль беда,
Лежу, поднять не в силах головы я.*

Поэт Семён Данилов

дал мне на пробу переводить свои стихи. Переводы понравились, и я стал его основным переводчиком.

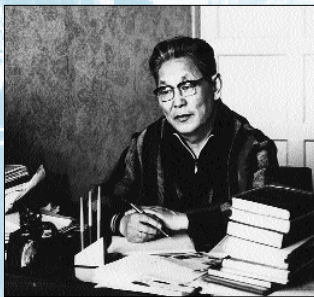
Лицо Данилова сочетало в себе твёрдость отшлифованного ледяной рекой валуна и живущую у рта и глаз мягкость вырвавшегося из-под снега весеннего стебелька. Он хорошо знал свою родословную. Однажды нарисовал древо своего рода, которое передаётся у якутов из поколения в поколение: «У нас знают свою родословную». Мы с женой похвастаться этим не могли.

Семён Петрович родился в 1917 году, в «Год Большого снега», перед «Годом Большой воды».

*Я родился в грозу по весне.
О раскаты, и свет отворённый,
И дымящийся в голубизне
Мир зелёный, со мной сотворённый!*

Его родителям предсказывали, что родится шаман. Крестил его православный священник — миссионер. Революция тогда ещё не дошла до Якутии. «А когда пришли большевики, — рассказывал он, — то собрали всех шаманов и поэтов и расстреляли». Однажды я спросил его, верит ли он в Бога, он ответил: «Верить не верю, а всё чего-то боязно». Как-то мы гуляли с ним в зимнем подмосковном лесу. Среди голубого неба сверкало солнце, пели птицы, по сосне летала белка. «Семён Петрович, — спросил я — откуда это всё взялось? Кто это сотворил?» — «Бог», — убеждённо ответил он. Он любил жизнь и ценил её как Божий дар. И понимал, почему Лев Толстой говорил, что глубина человека определяется тем, насколько он чуток к тайне смерти. Помню, он высказал мысль, что если душа бессмертна, то он согласился бы на самое плохое место на том свете — лишь бы его жизнь продолжалась.

Религиозность его была своеобразной. С самого детства, соприкасаясь с тёмной мистикой, он ещё ребёнком знал двух известных шаманов. Один жил на севере, другой на юге. Если трещали юрты в аласе с северной стороны,

*И снятся мне в такие дни всегда
В мелькании быстром белки голубые.*

*Там, на хребте далёком, за ручьём,
У крутояра запах хвои пряный.
И мягким-мягким устлана хвоем
Светающая круглая поляна.*

*Как у меня, должно быть, грустен взгляд!
А всё иду сквозь перелесок мелкий
К поляне той, где так и мельтешат
По веткам ели голубые белки.*

*Круглы хвосты из рыжего огня,
И вздуты серо-голубые стинки...
И набегает белки на меня,
И смотрят, смотрят — в странном поединке.*

*Они гадают о моей судьбе во сне,
Вылущивая чистые орехи.
И, угощая, сыплют ядра мне...
Но что за пламя в голубом их мехе!*

Николай Фомин. Спроси у огня

Сны — снами, но чтобы не погрешить в истине, следует сказать, что Семён Петрович, председатель Союза писателей Якутии, депутат Верховного Совета РСФСР, лауреат Государственной премии РСФСР, никогда не сбивался с «идеологических ориентиров».

Тем не менее в стихах он прежде всего опирался на традиции народного творчества. К «Олонхо» — якутскому эпосу — он относился с благоговением. Старался пропагандировать талантливых репрессированных поэтов Анемподиста Сафронова, Платона Ойунского (Слепцова). Он с восхищением рассказывал об Алексее Кулаковском, в поэме которого «Сон шамана» автор превращается в орла, взлетает на самую высокую сопку и наблюдает за тем, что происходит в мире. Кончается поэма нашествием китайцев.

*Когда твоя основа не деньги и не власть,
Ты сам живое слова таинственная часть.
Король печальных птиц, в снегу лежащий ниц,
Он в иступление страстным*

*разгадывает сны,
Задуманный пространством родной
своей страны...*

За годы совместной работы мы подружились. Я не перевёл ни одного его «идеологического»

стихотворения. Переводил только о природе, погоде, любви, состоянии души. Об этом у нас с ним был как бы негласный договор.

Семён Петрович был прирождённым охотником и рыболовом. Этой страсти он посвящал немало своих стихов. Прилетая из Якутии, он привозил нам обычно огромную свежую рыбу. Нельму или омуля. И учил, как её готовить. Одаривал унтами и меховыми шапками. Ему было одиноко и неуютно в гостинице, он часто ночевал у нас. Как-то у нас гостили родственники, и не было лишнего одеяла. Семёна Петровича накрыли шубой моей жены. Он был доволен, дул на мех и приговаривал: «Старый зверь, хитрый зверь».

Семён Петрович был очень деликатен и, можно сказать, стыдлив. Никогда не задавал бестактных вопросов. Он был по-звериному чуток. Он чувствовал другого человека, и мне кажется, его природную интуицию обмануть было невозможно.

Был он по-детски смешлив. Помню, кто-то спросил у Семёна Петровича: «А в Якутии евреи есть?» В ответ он лукаво улыбнулся: «А как же — а Якуталмазы, Якутзолото, Якутмеха?»

В 1976 году я поступил в семинарию. Семёну Петровичу, чтобы не пугать его, я ничего об этом не сказал. Так как у меня было высшее образование, меня приняли сразу на третий курс, и в том же году рукоположили в диаконы.

Подоспела декада якутской культуры. Я в это время был в Сергиевом Посаде. Моей жене позвонили из Союза писателей и сказали, что я должен выступать, и уже расклеены афиши с моей фамилией. Жена сказала: «Вы знаете, что он вам больше не подходит?».

— Как не подходит? Он нам очень подходит.

Тогда она объявила, что меня рукоположили в диаконы. «Как так рукоположили? В какие диаконы? — испуганно сказали в ответ. — Мы вам сейчас перезвоним». И, видимо посовещавшись с высшим начальством, перезвонили: «Нам он действительно больше не подходит». Семён Петрович воспринял эту перемену с печальной сдержанностью. «Я вчера листал свой двухтомник, где большинство переведено тобой, — писал он мне. — Я пришёл в ужас от мысли, что все эти стихи придётся переперевести. Видимо так? Или сам вы не мешаете заниматься литературным трудом и печататься в светских, советских изданиях? Узнай и пиши».

Приезжая в Москву, он всегда звонил мне, и мы встречались. У него было большое сердце. Когда его положили в очередной раз в кремлёвскую больницу, он позвонил мне и попросил навесить. Я был простужен и, боясь его заразить, сказал, что навещу, когда выздоровею. «Разве человек твоей профессии может болеть?» — удивился он и попросил достать ему Библию. Выздоровев, я приехал к нему и подарил Библию. Это была наша последняя встреча.

**Протоиерей Александр ШАРГУНОВ,
настоятель храма святителя
Николая в Пыжах,
преподаватель Московской духовной
академии и семинарии**

Мечта сбылась... Давняя, заветная! И что дальше?! Ну что?!!!! Что испытывает индивид, реализовавший цель, достигший её? Чувство удовлетворения, радости, полноты бытия, счастья, наконец! Всегда ли только их? Не приходят ли практически тут же, громко стучась в сердце, сразу за эйфорией от случившегося, восторгом опьянения, отдаваясь гулом в висках и комом в горле, грусть и тоска: а что же теперь с этим всем делать, как сохранить? В самом деле – ну как? Память – штука такая коварная: порой помнишь мельчайшие детали и подробности дней давным-давно минувших, а то, что было буквально пару месяцев назад, уже с трудом восстанавливаешь в своём сознании, скача с пятого на десятое. И поскольку речь идёт о предмете нематериальном, то остался единственно правильный выход – записать свои впечатления и воспоминания, поделиться ощущениями. Пока всё живо и ярко, пока поёт внутри. Итак, в путь...

Берёзово. Точка на карте. Известная всем со школы по знаменитой картине Сурикова «Меншиков в Берёзове». Полудержавный властелин, лишенный, как думали его недруги, всего и вся, возвращённый в первобытное варварское состояние, в месте своей ссылки, в крестьянской избе, в окружении детей, полный достоинства и мужественно принимающий ниспосланное ему испытание.

Но многие ли могут ответить, где оно, это Берёзово? Что за место? Скажут, что в Сибири... И будут правы по-своему. Но Сибирь – она ведь огромная. Берёзово же стало для русской истории местом не только и даже не столько географическим, сколько нарицательным. Местом, куда Макар телят не гонял. Край света, непролазная глушь, царство вечной мерзлоты, холода, снегов и медведей.

Тупик пути, из которого нет выхода. Хотя нет, не так выход ведь всегда есть, а зачастую, как минимум, два. Два их и было у попавших не по своей милости в Берёзово. Познав по прошествии времени всю полноту лишений и невзгод, испив до

дна чашу унижений и мучений, нравственных и телесных. На тот свет, как поруганная царская невеста, дочь Александра Даниловича – Мария, или на этот, ко двору. И неизвестно ещё, куда было лучше: расправа с братьями Долгорукими, возвращёнными из Берёзова Анной Иоанновной, – яркое, хотя и ужасное тому подтверждение. О temperas, o mores! Но вернёмся лучше ко временам нашим. Сегодняшним. Веку двадцать первому.

в наше время добраться до Берёзова весьма непросто.

В зобу от радости дыханье спёрло. Это дедушка Крылов про меня сказал. Меня! Я уже и не верил, почти перестал мечтать, что такое возможно. Надежда оставалась, теплясь угольками где-то там, далеко-далеко. В самых тайниках души.

Наутро, едва натянув штаны, я побежал в офис авиакомпании за билетами. Неужели? Я там окажусь: своими глазами

Наметившаяся было на ноябрь поездка в таинственный и манящий для меня край, который я не раз отыскивал в течение года на географической карте, опять отложились, и я уже грешным делом подумал, что всё... Не судьба мне побывать в Берёзове. А судьба... тем временем проверяла меня на вшивость, брала измором, выматывала нервы, расшатывала терпение, подогревая азарт ожидания.

И вдруг вечером раздался он. Звонкок. Телефонный. Знакомый голос президента Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова Сергея Викторовича Филиппова радостно сообщил мне, что я включён в состав делегации и могу покупать билеты в Берёзово. Вернее, два. Сначала до столицы Югры Ханты-Мансийска, откуда до Берёзова. Такие дела: даже

увиджу практически не изменившийся пейзаж Сосьвы, с её закатами и рассветами, те места, в которых горевали, тосковали, но и пытались радоваться малому Меншикову, Остерману, Наталье Шереметевой, Долгорукине, декабристы, революционеры и многие другие, менее известные для массового сознания фигуры Истории. Клию – дама очень капризная, девушка ветреная... Судьба же переменчива. Кто был ничем – тот станет всем. Берёзово реализовывало на практике изнанку этой формулы, её обратную сторону.

Вълет был назначен почти на середину декабря, и в запасе до поездки оставался ровно месяц. Взяв из загашника неоттуленную недельку отпуска, я мысленно стал предвкушать поездку, до осуществления которой оставался всего один шаг. В тру-

дах, заботах и работе месяц до поездки прошёл как-то особенно быстро и незаметно.

И вот пробил час отъезда. Или, точнее, отлёта. Миновав у конечной станции метро горячих южных хозяев четырёхколесных друзей, с влюблённой страстью в мои денёжки кормивших меня баснями про пробку длиной в сорок километров (до аэропорта расстояние всё-таки меньше), я загрузился стоймя в маршрутку и с ветерком домчался до воздушных ворот столицы.

В зале ожидания стал гадать, где встречу с коллегами из Питера: здесь или уже в самолёте? Они нашли меня сами, застигнув врасплох за чтением ноябрьского журнала «Родина», посвящённого Петровской эпохе. В самом деле, ну что ещё может читать в свободную минутку перед поездкой молодой

кандидат исторических наук... Двоих из подсевшей ко мне компании я хорошо и давно знал по общению в городе на Неве: талантливого профессора Санкт-Петербургского университета Пал Саныча Кротова и очаровательную сотрудницу музея-дворца Меншикова на Васильевском острове Катю Андрееву, к тому же недавно защитившуюся.

С третьим персонажем сей достопочтимой компании мы были представлены друг другу и быстро нашли общий язык: обаятельный и располагающий к общению потомственный интеллигент Николай Александрович Копанев, кавалер ордена Почётного легиона. О том, что сам Жак Ширак в последний день своего президентства подписал указ о присвоении почётнейшей награды российскому учёному, я узнал уже в Берёзове.

Столица Югры встретила нас снегом и морозом. Едва выйдя из здания аэропорта, мы успели это почувствовать. Но не прочувствовать, ибо сразу были препровождены в заботливые руки Александра Малышкина, главного государственного инспектора по охране и использованию историко-культурного наследия края, мигом загрузившего нас в «уазик». Могучий, пышущий здоровьем сибиряк рассказывал нам последние городские новости и весело шутил над своей говорящей фамилией, мол, ошибка природы...

Мне же подумалось: да, как быстро все меняется – ведь ещё буквально лет пять назад сентенция об отсутствии снега и мороза в течение большей части зимы в российских столицах была малопонятной, ныне же сделавшись явлением почти уже привычным.

Для аборигенов Москвы и Питера, вырвавшихся из бесснежных городов с температурой, плавающей вокруг нуля, снег с морозцем стал подарком. По дороге в гостиницу водитель сделал кружок по центру, и мы залобовались подсветкой офисов, торговых центров с ледяными скульптурами на площади. Другим подарком стал Дед Мороз перед входом в гостиницу «Югра», с которым мы наутро не преминули по совету Кати щёлкнуться на память. Новый год к нам мчится!

Знакомство с городом продолжилось утром. Что сказать: беглый обзор городских достопримечательностей вызвал в памяти до боли избитый штамп, однако как нельзя лучше подходящий к сегодняшнему Ханты-Мансийску: город контрастов. Пожалуй, нигде в России я не видел такого сочетания: ультрасовременных офисов, манящих неоновой подсветкой витрин бутиков и магазинов с ведущими мировыми брендами и тут же, буквально через дом или два, барачков тридцатых годов, в которых ещё теплится жизнь. Смотрится удивительно. Даже завораживающе в первый момент в чём-то: как будто два абсолютно разных мира каким-то волшебством (или скорее ошибкой волшебника) оказались

фантазмагорически перемешаны в одном времени и пространстве.

Ну а если совсем серьёзно, то присутствие денег в столице Югры чувствуется всюду: по обилию сверкающих бортами новеньких иномарок, по активному жилищному строительству, красивым девушкам в магазинах и развлекательным заведениям. Дыхание чёрного золота творит чудеса наяву, а значит, дни барокво сочтены. Забегая вперёд, скажу: вернувшись в Москву, я узнал, что в Ханты-Мансийске будут стро-

сийска благодарные потомки. 1997». Ещё один знак на пути к заветной цели.

А пока мы вконец не замёрзли во время знакомства с городом на усиливающемся морозце (хотя сверкающие на солнце ледяные фигуры и кресты куполов, подзабытый звук хрустящего под ногами снега рождали мысли продолжить прогулку на свежем воздухе), нас препроводили в музей Природы и Человека.

С детства у меня было предубеждение к такого рода естественно-научным заведениям:

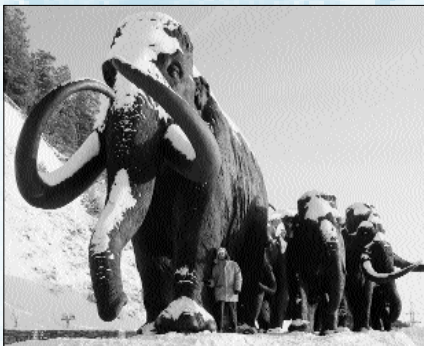
как рассказала нам директор музея Людмила Васильевна Степанова, вечером, когда стемнеет, через стекло изображение гуляющий на экране монитора по снегу семьи мамонтов процедирует на рожицу, заставляя замедлять шаг прохожих и развешать от удивления рты...

Приближение нового, 2008 года чувствовалось и в музее: приятно удивила подвешенная вверх ногами под потолком празднично разукрашенная ёлка, многократно отражающаяся в зеркальных панелях зала. Словом, музей Ханты-Мансийска не отстает от передовых модных традиций Европы и даёт фору по оформлению интерьера многим нашим провинциальным естественно-научным собраниям.

А затем в своём кабинете директор музея угощала нас ароматным чаем, настоящим на местных травах, с аппетитной пиццей, которая таяла во рту и которой для нас, нагулявших аппетит на морозе, оказалось так мало. Поблагодарив за радужный приём и обменявшись визитками, мы поспешили на знакомство с... мамонтами. Но уже не в виде трёхмерной компьютерной графики, а самими что ни на есть взырдавшими.

Ещё на подлётке к югорской столице, чтобы занять себя, я стал листать один из предлагаемых авиакомпанией журналов и наткнулся на любопытную статью, которая заставила меня задуматься. В ней речь шла о переходе армии Ганнибала через Альпы. Казалось бы, ну что может быть нового в известном всем (а специалистам до мельчайших подробностей) переходе знаменитого полководца. Его отвага и мужество останутся в веках, как и нашего непобедимого Суворова.

Ан нет, автор утверждал, что Ганнибал перешёл Альпы не с африканскими слонами, а с... мамонтами. Последних он купил и/или реквизирует у жителей предгорий. Логика проста и убийственна: дескать, слоны, привыкшие к тёплому климату, просто не выдержали бы сурового перехода, холода и снега, резкой смены пищевого рациона и в массе своей погибли бы... Что тут скажешь — очень заманчивая версия, ко-

ить первый в Сибири небоскрёб! Башня «Югра» после завершения строительства устремится в небо на 56 этажей, достигнув высоты 289 метров.

Во время обзорной экскурсии мы любовались безмолвием и величием замёрзшего Иртыша, оценили размах Центра лыжного спорта, где проходит Кубок мира по биатлону, из окна машины полюбовались природным парком в центре города и сделали остановку у восстановленной на южной окраине города, в Самарово, церкви Покрова. В ограде церкви на небольшой стеле из красного гранита выбит барельеф А.Д. Меншикова и надпись: «Светлейшему князю Меншикову на месте молебна и отдыха в Самарово в 1728 г. В год 360-летия г. Ханты-Ман-

бесконечные переходы из одного маленького зальчика в другой, запылённые чучела животных и птиц, дремлющие на стульчиках бабушки-смотрительницы с отложенной на подоконник газетой или вязанием. Тоска зелёная, одним словом. Примерно такую картину, ну или чуть лучше (новый век на дворе как-никак), я ожидал увидеть.

И вдруг: светлые просторные залы, сенсорные экраны в каждом зале, рассказывающие любопытному посетителю о любимом экспонате, приветствующие посетителей скаты в аквариумах, соседствующие со скелетами хоботистых чудищ их трёхмерные изображения, сопровождаемые характерным звукоядом. Вокруг здания музея есть небольшая рожица, и,

тую сложно опровергнуть или подтвердить. Только следуя такой логике, спустившись с гор в благословенную солнечную Италию, там должны были бы отбросить копыта и мамонты в непривычно тёплом для них климате. Перегрелись на солнышке бы, так сказать...

Как бы там ни было в века давно минувших дней и эпох, ясно одно: человек – животное куда более неприхотливое и выносливое. Которое, к тому же, как точно подметил наш знаменитый классик Фёдор Михайлович, ко всему привыкает. Ну или почти ко всему.

Мы же поспешили к нашим мамонтам, российским. Их семейка вольготно разместились на склоне горы и заметна с подножия – там, где проходит трасса, – всем. А зачем от кого-то скрывать свою мощь и величие?! Ну а тем, кто не верит в их существование, я готов продемонстрировать фотографии. А рядом был снег. Такой белый, такой чистый, что Катя с удовольствием стала в нём валяться, а я запечатлел сии прекрасные мгновенья. Между прочим, получилось очень здорово.

Под конец дня вечером как-то особенно быстро. От Ханты-Мансийска до Берёзова лететь чуть больше часа, а посему при посадке я смог любоваться лишь ночным пейзажем посёлка в обрамлении маяющих своим теплом и уютом светлячков-огоньков. Всюду жизнь.

Едва самолёт остановился, как у меня зазвонил телефон. Говорил, правда, не слон, и даже не хантымансийский мамонт, а приятель из Москвы, который пригласил вечером зайти в гости на чаёк выпить водочки. Под сосвинскую селёдку, знакомство с которой я уже предвкушал, давясь собственными слонами, это было бы самое оно. Но... пришлось мне расстроить гостеприимного хозяина, желавшего раздавить заморыша. Услышав, что я нахожусь очень далеко от славной столицы нашей Родины – города-героя Москвы, а именно в Берёзове, голос из трубки очень удивился и переспросил: а где это? Вот она, точка на карте... В которую я приземлился, но не сделал ещё

и шага по этой земле. Пришлось напомнить картину Сурикова – и всё стало ясно. Искусство – великая вещь! Правда, на том конце беспроводной (мобильной! – XXI век всё-таки на дворе) связи удивились ещё больше: «А что ты там, прости, делаешь?! Это же край света!» Вот так – ни много ни мало. Я лаконично отвечал: «Очень даже есть что. Тут был Меншиков» – и заспешил вместе с другими пассажирами к выходу.

Пока шёл от самолёта через здание аэропорта до встречавших нас, ещё незнакомых мне людей, думал: даже сейчас, в третьем тысячелетии, обыденное сознание жителя мегаполиса, учитывая все современные технические достижения, казавшиеся немислимыми ещё лет двадцать назад даже и фантастам, всё равно продолжает воспринимать Берёзово как полумифическую реальность из школьного курса истории, ярко расцвеченного в памяти репродукцией картины Сурикова.

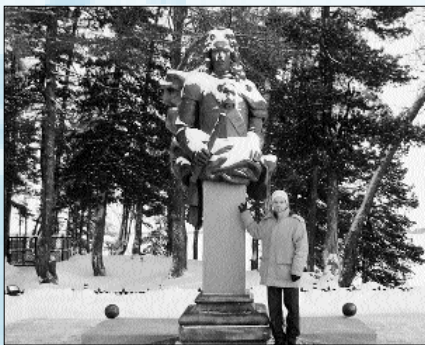
Прибывших с самолёта на научную конференцию «Меншиковские чтения» погрузили по машинам, и мы тронулись в путь до отеля «Град Берёзов». По пути Катя заметила (а она уже имела счастье побывать в сих краях на «Меншиковских чтениях» прошлых лет), что в посёлке появились светофоры. Прогресс динамики развития.

Да, забыл упомянуть: с советского времени один из первых сибирских городов Берёзов имеет статус посёлка и называется соответственно Берёзово. Когда же Суриков писал свою картину, Берёзов был городом, поэтому художник её назвал Меншиков в Берёзове. А не в Берёзово.

Отель оказался совсем новым и попервости произвёл впечатление весьма недурственное. К тому же к гостинице был пристроен ресторан в форме деревянной башни, соединённый с гостиницей переходом, что придавало оригинальный колорит обоим заведениям. Изнутри у меня номер, правда, оказался с весьма существенным минусом. В нём было холодно. То есть замёрзнуть и превратиться в сосульку, конечно, нельзя, но и согреться без приёма внутрь горячительных напитков – тоже. Вдобавок горячая вода из крана почему-то упорно не хотела идти. А ведь мы приехали на научную конференцию с серьёзными докладами.

Ну и ладно, где наша не пропадала. «Нам не привыкать», – подумал я и умылся холодной водичкой. Она приятно освежила, и я вышел из отеля навстречу вечерней или скорее уже ночной экскурсии по посёлку.

Первым делом мы с Катей, Копаневым и Кротовым пошли к берегу Сосьвы, туда, где на

крутом берегу стоят бюст светлейшему князя Александру Меншикову и церковь Воскресения, построенная примерно на том же месте, на котором полудержавный властелин во время своей ссылки соорудил деревянную. В темноте красиво подсвеченная церковь казалась белым космическим кораблём, приземлившимся в какой-то странный, завораживающий мир. В ответе подсветки смутно угадывались очертания замёрзшей Соссы. На её пустынные ночные берега наша могучая кучка благоразумно решила не идти, а повернуть обратно к отелю, у которого нас уже ждал автобус на обзорную экскурсию по Берёзово.

В тёплом автобусе было уютно, а сотрудница местного музея Маша Давыдова так убаюкивающе рассказывала о посёлке, что меня, к моему удивлению, сморило. Как я ни пытался бороться со сном, но внимать словам симпатичного экскурсовода смог только с закрытыми глазами и в сладкой полудрёме. Многочисленные повороты и зигзаги на выржах местного Шумахера создали у меня превратное впечатление о дистанции огромных размеров, но Катя опустила меня с высоты моих фанта-

зий на землю, доходчиво разъяснив, что размеры посёлка куда меньше.

Во время экскурсии мне врезались в память слова о газовой скважине из далёкого 1953 года, с которой и началось современное освоение природного богатства. Николай Александрович всё сокрушался по этому поводу: впервые ведь о вырывающемся из земли и пугающем местных аборигенов газе писали ещё в конце XVII века побывавшие в этих местах голландцы. Они же оставили свои записки о чёрных маслянистых пятнах, находимых в местных водоёмах и речках. То есть о нефти, проще говоря. Я же задумался. Если даже сейчас, в XXI веке, с его безумными скоростями, немислимыми коммуникациями, Берёзово так далеко, то действительно другая реальность, другая Россия, то как тогда воспринимали эти места иностранцы, те же голландцы?! Россия и Голландия даже сейчас, спустя триста с гаком лет после прорубленного Петром окна в Европу, две очень большие разницы, что же было тогда?! Восхищаться мужеству и отваге путешественников дней давно минувших...

В первый рабочий день кон-

ференции встали мы очень рано. Засветло. Наскоро поев, заспешили к скверу на берегу Соссы. При свете прожекторов состоялось мистическое действо: на продуваемой ветром маленькой площадке возложение цветов к памятнику Александру Даниловичу. Звучали речи о значении Меншикова в истории России и для России. После такого эмоционального подъёма нас повезли в Детскую школу искусств, в которой должно было состояться торжественное открытие научной конференции «Меншиковские чтения-2007». Так получилось, что доклады нашей могучей кучки были спланированы в первую половину рабочего дня и шли практически один за другим. Рассказав достопримечательной публике, кто, чем и чем занимается в изучении истории Петровской эпохи, а также жизни Меншикова и его мира, и ответил на каверзные вопросы слушателей, мы пошли на обед.

После него для нас предстояла важная миссия – рассказать детям местной школы о Петровской эпохе, её героях, о пользе изучения истории. По пути к школе на одной из площадей посёлка (о, как звучит-то!) меня поразила скульптурная композиция: земной шар, а на нём пульсирующей точкой Берёзово. На следующий день я увидел это же место в подсветке: точка манила к себе, призывно подмигивая. Вот она, точка на карте!

Для детей я сделал доклад по своей книге, тем более что приближающийся Новый год и празднично расцветшие иллюминацией окна школьного класса фактически не оставили мне другого выбора – рассказывать я стал о фейерверках Петровской эпохи, их пропагандистской роли, а также большим участием в них favorita Петра Великого – АД Меншикова.

Вернувшись из школы на продолжение научных чтений, мы попали под самое их окончание – а на десерт организаторы приготовили нам музыкальный концерт, оставивший приятные воспоминания. Вечер тесной компанией учёных историков вместе с Сергеем

Викторовичем мы продолжили в ресторане «Града Берёзова». Признаться, водку я пил третий раз в жизни – ну не принимает её мой организм. Правда, под сосвинскую селёдочку она шла хорошо, но тягаться с могучими желудками сибиряков мне было не под силу.

Наутро выпитое дало о себе знать: болела голова и очень некстати начался сушняк. Ещё с вечера мы с Катей договорились прогуляться утром на берег Сосьвы. Идя через мостик над оврагом, по которому мы, весело смеясь, прошли к памятнику полудержавному властелину в день приезда, мы с Катей похолодели: рядом с утоптанной на мосту пешеходными дорожкой в настилах досок, припорошенных свежим снегом, виднелись внушительные дыры. Угоди любой из нас ночью в одну из этих ловушек, и страшно даже подумать... Хотя нам с Катей вспомнился Шурик из гайдаевской комедии, проважавший Лиду к её дому.

Прогулка на морозце пришлась как нельзя более кстати: пронизывающий ветер, солнце и мороз быстро выдули остатки похмелья и вернули радость бытия. Виды замёрзшей реки, залитые солнцем сосны на пригорке, приветственный лай собак, вмёрзшие в лёд корабли, хрустящий под ногами снег – всё это радовало глаз, настраивало на умиротворяющий лад.

На вечер глава района Владимир Николаевич Мальцев пригласил всех участников конференции в местный музей на торжественное открытие нового экспозиционного зала. Надо отдать должное берёзовскому музею – несколько лет назад он переехал в новое просторное здание и для районного музея производит очень неплохое впечатление. Лично для меня стало открытием, что в Берёзове отбывал ссылку знаменитый для нескольких поколений советских школьников Брэдис, создатель знаменитых логарифмических таблиц. Подводя итоги нашего двухдневного продуктивного общения, все мы выразили надежду встретиться в недалёком будущем вновь.

На следующий день у нас был уже отъезд, или правильное сказать отлёт, в Ханты-Мансийск. С

утра нас завезли на рыбную точку. К большому сожалению, привезти в подарок в виде бочонка тающей во рту сосвинской селёдочки, так любимой создателем парадиза, никому из нас не удалось: ни рыбки, ни самих бочонков, образцы которых были представлены в одной из витрин музея, в продаже

лишь по местному центру. Запечатлев на фотик красоту ледяных скульптур с видами Москвы, Петербурга, Рима, египетских пирамид, зашли в местный торговый центр и скоротали вечер в баре, разговаривая о сущем. Или насущном.

Вылет в столицу нашей родины у нас был очень ранний, а с учётом разницы во времени в Москву мы прилетели всё равно утром. Снега как не было, так и нет, только после сибирских морозов (хотя местные ворчали, что они ночью стали совсем не то, что были, то ли дело раньше) мне стало даже жарко. А может, просто в самолёте согрелся. Добираясь от Внуково на маршруте по пробке до ближайшего метро, я остро ощутил, что вновь с головой погружаюсь в столичную суету сует вавилонского столпотворения, помноженную на шопинговый психоз Гарри new year. Поездка в Ханты с Берёзовым стала для меня глотком свежего воздуха, так необходимой и пришедшейся кстати передышкой между гонкой всех и вся за призрачным счастьем. А оно в малом и... рядом.

не было. Осталось довольствоваться тем, что было: консервами и замороженной рыбой не столь знаменитого бренда.

Летя к столице Югры, мне взгрустнулось: всё хорошее быстро кончается. Мы поселились в той же гостинице и втроём (я, Катя и Кротов) отправились гу-

Фото автора

Дмитрий Зелов родился в 1976 году в Москве. Окончил исторический факультет МГУ. Кандидат исторических наук. Автор свыше ста статей по русской истории, искусству и культуре. Член Союза писателей России. Руководитель пресс-службы благотворительного фонда «Гордость Отечества».

Мы все привыкли к тому, что наша страна фактически оказалась в «блестящей изоляции», политической и экономической. Со предельные и отдалённые государства испытывают к России целую гамму чувств – от ненависти и страха до алчных экономических притязаний и требований территориальных уступок. Но нет ни одной страны, которую мы можем записать в бескорыстные и надёжные союзники. За исключением Белоруссии, народ которой наша политическая элита демонстративно и бестактно игнорирует. Не станем забывать, что в недавнем прошлом немалое количество стран выбрали советскую модель развития, смелые эксперименты советского народа в социальной и идеологической сфере вызвали восхищение и поддержку миллионов людей во всём мире. Ведущие общественные и научные деятели не стеснялись оказать действенную помощь Советскому Союзу. В любом государстве мира существовали группы людей (и часто их было заметное большинство), которые бескорыстно и беззаветно готовы были отдать силы и знания (а подчас и жизнь) за интересы Советской России. Наши многочисленные сторонники (та самая «Ленинская гвардия планеты») были отнюдь не маргиналами и платными агентами советских спецслужб (как представляют нынешние средства массовой информации): сложно так именовать РРоллана, ГМанна, АЦвейга, ТМанна, ДНеру, ФЖолио-Кюри. Найдётся ли сейчас писатель или учёный мирового уровня, направляющий свой талант на помощь нашей стране?

А ряды наших недругов, напротив, не редут. Поэтому я хочу помянуть добрым словом верных друзей Советской России – финских коммунистов и социалистов, в сложнейших условиях протянувших руку дружбы русскому народу.

К октябрю 1917 года в Финляндии социалисты пришли к власти в результате победы на выборах (а не путём революционного выступления, как в Петербурге и Москве). Внешне единый социалистический

блок включал в себя явно противоречивые силы – кулако-буржуазные группировки П.Э. Свинхувуда, открыто националистические, русофобские, готовые мстить за столетие подчинения интересам Российской Империи (их смело можно называть национал-социалистами по аналогии с германскими «соратниками») и левое крыло социал-демократии (Куллерво Маннер, Юрье Сирола, Отто Куусинен и др.), видевшее будущую Финляндию демократическим и дружественным соседом Советской России (при этом совсем не обязательно

тально немного финнов – до двухсот тысяч (или не так уж и мало для трехмиллионной страны?), но это были в основном квалифицированные промышленные рабочие и частично интеллигенция (учители, служащие, даже депутаты финского парламента). Не стоит забывать и о «третьей силе» – военищен, большей частью на вербованной кайзеровскими спецслужбами и выученной в военных лагерях Германии в период Первой мировой войны. По планам германского командования, они должны были атаковать русские гарнизоны на

Константин ЕРОФЕЕВ

подчинённым ей политическим или экономическим). Правое крыло было нацелено на разбоиничье «первоначальное накопление капитала» за счёт имущества российских предприятий, армии и военно-морского флота, находящихся на территории Финляндии. Националистические лозунги, а также извращённая социальная риторика типа «грабь награбленное» (русскими оккупантами) и «эксплуатируй эксплуататоров» (военных и гражданских служащих российских имперских учреждений) нашли свой живой отклик в рядах кулаков-фермеров, которые составляли костяк финского крестьянства, городской буржуазии, мещанства и люмпенов. В рядах сочувствующих социалистическим изменениям в России было сравни-

территории Финляндии и совместно с националистами дестабилизировать ситуацию. Навиено верить сказкам новоявленных защитников «русской империи», пугающих зрителей «разоблачениями» о «германских шпионах» и «пломбированных вагонах». Нет, союзники Германии при были не в купейном вагоне: тысячи натренированных и вооружённых боевиков высадились на побережье Финляндии и сразу же развязали «белый» террор против своих политических противников.

Любопытна роль барона КГЭ. Маннергейма. Этот генерал царской армии, ставший впоследствии президентом и маршалом Финляндии, представляется российскими либеральными СМИ как мудрый

правитель и великодушный рыцарь, души не чаявший в Петербурге и России. Любопытно, что русскому генерал-лейтенанту и «патриоту» России понадобилось всего несколько недель для того, чтобы возглавить прогерманские войска и в союзе с германскими интервентами учинить погром русских военных учреждений и гарнизонов в Финляндии.

В ответ на террор шюкора (финских белогвардейских формирований; любопытно, что по-шведски он именовался Skyddskar, сокращённо «SS») 28 января 1918 года финская Красная Гвардия и её сторонники практически без боя заняли правительственные учреждения в Хельсинки и в промышленных центрах южной Финляндии – Турку, Тампере, Пори, Котке, Лахти, Выборге. В Хельсинки были сформированы: правительство – Совет народных уполномоченных и верховный орган власти – Главный рабочий совет. 29 января СНУ опубликовал программу демократических реформ – ликвидацию кабальной зависимости крестьян-арендаторов от землевладельцев, улучшение трудового законодательства, установление государственного контроля над частными банками и крупными предприятиями. 23 февраля был опубликован проект демократической Конституции, а 1 марта заключён советско-финляндский договор об укреплении дружбы и братства. Но предприятия и банки не были национализированы, не решился вопрос о наделении земель крестьян, не было ликвидировано контрреволюционное подполье.

Финская контрреволюция, отвергнув заключение каких-либо соглашений с СНУ, начала массированное наступление из северных регионов с хорошо подготовленных позиций. В кровопролитных боях под Тампере и Таммерфорсом (март – апрель) основные силы 80-тысячной Красной Гвардии были разгромлены. В спину красным финнам ударили германские интервенты, в начале апреля 15 тысяч немцев высадились в юго-западной Финляндии и 14 апреля взяли Хельсинки, а 29 апреля – Вы-

борг. Прилежавшую к советской границе карельскую территорию заняла «добровольческая» бригада шведских интервентов. Как писал Тойво Вяйя, «плохо вооружённые, вовсе не обученные и разрозненные красновардейские группы и роты оборонились героически. Но такими силами они не могли остановить продвижения регулярных войск. Было желание бороться, и мужество росло в боях. Но не хватало умения, не было единого командования, и уже не оставалось времени, чтобы его организовать».

К началу мая всё было конечно, состоялась расправа над участниками революции и членами их семей: до 90 тысяч человек были заключены в тюрьмы и концлагеря, свыше 8 тысяч – казнены. Но помимо красных финнов, геноциду подверглось русское население. В Хельсинки и других местах расквартирования бывших императорских русских войск расстреляли сотни русских солдат и офицеров. Они сочувствовали белому движению, но были уничтожены маннергеймовцами только за то, что были русскими. Но самая чудовищная расправа была учинена белыми в Выборге. Вступившие в этот многонациональный город (к 1918 году из двенадцати церковных зданий одиннадцать принадлежали Русской православной церкви) германцы и финские националисты осуществили полноценную этническую чистку. Уничтожали всех, не умевших говорить по-фински: нейтральных солдат выборгского гарнизона, русских рабочих, служащих и даже гимназистов. В течение нескольких дней расстреляли три тысячи человек. Насмешка истории: польская диаспора вышла на улицы приветствовать позор ненавистных русских, но была также расстреляна: уж больно польская речь напоминала русскую. По свидетельству русских жителей Финляндии, «14 апреля по городу были расклеены объявления о предполагаемом выселении русскоподанных...» Местные газеты проявляли по отношению к России исключительную злобность и выливали ушатъ грязи на все то, что так или ина-

че было связано с русским именем... Русские граждане принуждались к скорейшему оставлению Финляндии не только открытыми репрессиями властей, но и бойкотом, публичными оскорблениями, газетной травлей и условиями жизни, близкими к полному бесправию. В апреле 1918 года белофинны захватили русского государственного имущества на 17,5 млрд. золотых рублей.

Что ж, согласимся с мнением Ромена Роллана: «Во все времена белые армии похожи одна на другую».

Около десяти тысяч финских красновардейцев пробившись на территорию Советской России, сюда же перебрались тысячи политэмигрантов. Многие красные финны влились в ряды Красной Армии, защищали революционный Петроград, в 1919 году противостояли т.н. «Олонекскому походу» карельского кулачества, ставившего целью отторгнуть южные районы Карелии (Олонекскую губернию) от РСФСР. В 1921 – 1922 годах советскими войсками была пресечена попытка белофинской военной интервенции в Карелию (т.н. «Карельская авантюра») с целью присоединить советскую Карелию к южной Финляндии. Здесь важную роль сыграл лыжный батальон красных финнов под руководством А.А. Ино и Т.Анттиайнена, легендарных героев, чьи образы так и просятся на киноэкран. Батальон с боями прошёл более тысячи ста километров по тылам маннергеймовцев и провёл более десяти боев. На севере Финляндии финны-лесорубы создали отряд в триста лыжников, выступивший на помощь Советской России. Многие красные финны после Гражданской войны остались в кадрах РККА, дослужившись до генеральских чинов (Антти-ла, Э.Тойкка, Э.А. Рахья и др.).

Другие финны включились в производство, сельское хозяйство, поднимая хозяйство рабочей страны. В то же время не будем забывать и о необоснованных репрессиях, коснувшихся финнов, ингерманландцев, карелов, ижорцев в годы «ежовщины», когда пострадали и выдающиеся военные и хо-

зайственные руководители, и простые рабочие, и крестьяне.

В 1939 году военно-политическая обстановка в пограничных с Финляндией областях резко обострилась. Военное столкновение представлялось всем сторонам единственно возможным способом решения пограничной проблемы. Финская реакция была ослеплена националистическими идеями создания «великой Финляндии» за счёт отторжения советской территории. Президент П.Свинхувуд заявлял: «Любой враг России должен всегда быть другом Финляндии». Пограничный инцидент (по мнению ряда финских историков, спровоцированный всё-таки маннергеймовцами) привёл к началу активных военных действий 30 ноября. Одним из мифов «новорусской» историографии является заведомое преуменьшение сил маннергеймовской армии и признание советского наступления неподготовленным, провальным, чересчур кровопролитным и т.п. Но задумаемся: финская армия насчитывала более шестисот тысяч человек (больше чем наполеоновская), западные державы (Скандинавские страны, США, Великобритания, прибалтийские республики, а также находившаяся в состоянии войны с ними (!) гитлеровская Германия) передали Маннергейму 350 самолётов, 500 орудий, свыше 6 тысяч пулемётов и другую несметную помощь. Из Западной Европы прибыли более одиннадцати с половиной тысяч вооружённых «добровольцев»-антикоммунистов. И именно такую армию удалось (да, с потерями, трудностями) разгромить за три месяца. Современная российская армия проводит «анти-террористические операции» куда менее успешно...

В первых рядах наступающих советских частей были красные финны. Уже 1 декабря 1939 года в освобождённом Терийоки (Зеленогорске) было провозглашено создание Народного правительства Республики Финляндия во главе с О.Куусиненом и Финляндской народной армии во главе с генералом А.Анттилой. В ряды этого соединения, одетого в специальную форму, вошли 25 тысяч добровольцев и мобилизованных из числа финнов, карелов и других финно-угорских народов. Но принять участие в боевых действиях армия не успела: в начале марта финское правительство попросило начать мирные переговоры. 12 марта 1940 года военные действия были прекращены.

Выполнить «программу максимум» – полный военный разгром белофиннов и включение всей Финляндии в зону интересов СССР – помешали не столько ожесточённое сопротивление финнов и измотанность советских войск, сколько сильнейшее политическое давление Великобритании и США на СССР (Советский Союз был исключён из Лиги наций, готовилось вторжение крупных англо-американских соединений в случае дальнейших успехов Красной Армии). В условиях начавшейся Второй мировой войны вступить в конфликт с единственными союзниками в борьбе против Гитлера советское правительство не решилось.

Красные финны не осуществили свою мечту, Финляндия так и не стала коммунистической. Но разгром шюнкора советскими войсками в 1940-м и 1944-м, экономическое и политическое давление СССР, существование Карело-Финской ССР в приграничных областях до 1950-х годов, популярность

коммунистических идей в среде финских политэмигрантов и самих финнов вынудили послевоенных финских политиков провести масштабные социальные реформы. некогда пронацистски настроенная страна стала одним из лидеров Движения неприсоединения, провозглашая политику терпимости и антимилитаризма. На смену воинствующей русофобии и территориальным претензиям пришла политика мирного сосуществования и тесной экономической кооперации. Самым существенным образом было улучшено положение наёмных рабочих, на смену женскому и детскому труду, закабалённости рабочих в довоенной Финляндии пришли прогрессивное трудовое законодательство, реальные социальные гарантии. В противовес бессудным казням и репрессиям правительство Свинхувуда и Маннергейма современная Суоми уважает права человека и гражданина, славится низким уровнем безработицы и коррупции и независимой судебной системой. Страна с малодоступной медициной и низким уровнем образования стала одной из самых здоровых и образованных наций в Европе. Во всех этих достижениях есть и несомненная заслуга красных финнов.

Когда мы говорим о скандинавской модели социализма, мы вспоминаем Финляндию, которая уже в третьем тысячелетии не только не отказывается от социалистического опыта, но и активно развивает социальную политику. Мы же в очередной раз вступили в вираж смены политического строя, своими реформами возвращаясь к состоянию пресловутого 1913 года.

г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Недавно я ездила к брату в небольшой лесной посёлок Сёза, это в нашем Плесецком районе. Когда-то там были хорошо налаженное производство, несколько магазинов, основная школа, столовая, клуб, медпункт, почта. Словом, всё самое необходимое для жизни. Помню весёлые доброжелательные лица, спокойные, умиротворённые глаза людей, возвращающихся с работы домой.

С началом перестройки производство сошло на нет. Казалось бы, кто не богатеет на нашем северном лесу? А тут даже частник, в последние годы прикупивший лесопункт, не слишком разжился. В чём причина? Да просто посёлок удалён от центральной дороги. Вывозить лес по узкоколейке, перегружать его, переправлять через реку оказалось очень затратно. Пришлось даже километров сорок дороги, проложенной в глубь леса, закрыть. Ну не выгодно это для частника. Ему бы поскорее да побольше — он же не советская власть, в конце концов, чтобы осваивать, разрабатывать новое. И на том спасибо, что не отказался пока от своей затеи вовсе. Конечно, мало кто и остался в его ведомстве, но всё-таки и зарплату выдаёт: во время одной из остановок проводница мотовоза вышла с ведомости, выдавала кому по трусту, кому по семье. Не долларов, конечно... Ну да жены-дети, а в выходной и сами мужики за ягодами сходят — вот и целое состояние уже.

Ещё до поездики на станции я повстречала чету стариков, перевозивших имущество. Оказалось, они приехали как раз из того посёлка, куда направлялась я. Купили дом на станции, переехали, убоявшись слухов, что частник, снявший 40 километров дороги, скоро и часть узкоколейки прикроет.

— Вот взяли платформу, 600 рублей. А не всё влезло. Ещё платформу брать дорого. Ездим потихоньку туда-сюда, остатки перевозим. Какой раз дед кинул на станции полмешка картошки, ушёл рюкзак и относит, вернулся, а мешка нету. Молодёжь, хулиганье эдакое стянуло. Зачем? А на спирт ли,

на другое ли, что менять хотели. Хорошо, люди видели, как отдать пришлось. В канаву было кинуто, чтоб забрать потом. Ой, не дали нам на старости лет на месте спокойно помереть. А ведь вся жизнь в лесу проработана. Мне ведь 80 уж, а деду 82-й...

Еду, возвращаясь домой, в машине. Шофёр на чём свет стоит ругает главу местной администрации:

— Знаешь, сколько она получает? Двадцать тысяч. Сама себе такую зарплату назначила. Да за такие деньги должна день

невозможно прокормить семью. Хорошо, люди видели, куда-либо на заработки. Мужики многие из здешних мест и до Москвы, и до Тюмени ездили. А там кому как повезёт. Кто с деньгами воротится, а кто весь в долгах. Особенно если запнёт.

Пьют всё больше. Когда торговля спиртом, и не только спиртом, идёт денно и нощно, спивается большинство. Кодируются, кое-кто уже по третьему, пятому разу. Пьют и женщины. Навсегда запомнила разговор двух девчонок из одного моего выпуска:

и ночь пахать. А она из своего курятника не выходит. Ты, если глава, должна хоть в неделю, ну в две, побывать в каждой организации: что у вас, какие проблемы? А она только в магазин ходит, а больше нигде. И ведь что бы не обещала. «Разбудим людей, будем по домам ходить». Нет, раньше бы ей так не позволили. И зарплату бы не дали самой себе назначать, и спросили бы, что делаешь. А тут сиди, отчёты посылал, и всё хорошо. Нет совести у человека. Таким сейчас и жить...

Двадцать тысяч в глубинке, где и пять-семь кажутся состоянием... Разумеется, такая сумма, даже сам факт требования её, многое говорит о человеке, тем более о представителе власти.

— А шофёру у них платят пить. А он три раза в неделю в район ездит. Ему там поесть или с собой взять что-то надо. Вот эти пять и уйдут. Я с ним разговаривал, говорит: «Не, всё, уходить буду». И правильно. Жить-то надо. Он думал: будет пить получать, в совхозе-то три получал. А что тут эти пять...

Уйдёт шофёр, только вряд ли вернётся в совхоз, точнее в ЗАО, или в агрофирму, или как там ещё теперь, смысла нет возвращаться к копейкам, на которые

— Ты почему плохо учишься?
— Я на ферму хожу.
— Все на ферму ходят.
— Я маме помогаю.
— Все мамам помогают.
— У меня мама пьёт.
— Все мамы пьют.

...Как тут не вспомнить поучение мудрого епископа белгородского: «Как же я, видя не один лишь дом, но весь город, не только город, но и окрестности его погорающими, полностью сожжёнными, и не как от огня дерево, но от пламени погибающих, — то не восскорблю ли душой и, насколько есть во мне силы, не попытаюсь ли загасить пламя? Что же это за пламя? Скажите вы мне: не тот ли, которым вы наполнялись, когда пьёте вино и мёд или иные напитки безмерно, так что как будто от какого огня выгораете?» Сказано было в веке XII.

А голубые экраны настойчиво вещают, что жизнь налаживается, благосостояние народа улучшается. Вот-вот потекут те самые молочные реки с кисельными берегами...

Ольга КОРЗОВА

п. КОРЯКИНО,
Архангельская обл.

Волна репрессий, захлестнувших страну в тридцатые годы, не миновала и далёкую Эвенкию. Созданный в 1930 году национальный округ ещё только начинал обзаводиться всеми необходимыми институтами, становиться, что называется, на ноги, как от его руководства, правоохранительных органов свыше стали требовать усиления классовой борьбы.

В редакцию газеты «Эвенкийская жизнь» попал любопытный документ. Это копия 56-страничного машинописного доклада, почему-то названного «кратким анализом» о состоянии преступности по Илимийскому району Эвенкийского автономного округа в целом и с. Кислокан в частности за 1960 – 1969 годы. Какявляется из подписи, авторство этого труда принадлежит тогдашнему прокурору округа Н.Елагину.

Зачем и по какому поводу был сделан этот классический доклад, но никак не краткий анализ, мы не знаем. Но первые его 22 страницы, как и полагалось по тем временам, отведены борьбе вожда мирового пролетариата В.И. Ленина за установление «строжайшего революционного порядка в первом в мире социалистическом государстве». И лишь во второй половине доклада прокурор переходит к местному материалу, весьма, между прочим, насыщенному фактами, примерами из истории округа.

Как сообщает Елагин своим слушателям, к моменту законения Эвенкийского национального округа на первом окружном съезде Советов в июле 1931 года «...основная масса оленей и средств добычи пушнины... находились в руках местных богатей, которые эксплуатировали беднейшие массы».

В стране между тем полным ходом идёт раскулачивание, самые смелые и трудолюбивые крестьян лишают всего нужного добра и ссылают в холодные края, на стройки социализма. А в этих холодных краях, в Эвенкии например, с раскулачиванием пока – никак. И в Красноярский краевой комитет ВКП(б) из Эвенкии отправляется справка «старейшего работ-

ника округа А.С. Воронина (сентябрь 1934 г.): «Органы суда и прокуратуры в округе работают не удовлетворительно. Так, например, кочевые суды при кочевых советах, как правило, не работают. Правильное проведение революционной законности не обеспечено. Ещё имеются в отдельных местах родовые права (судит и разбирает дела между туземцами «старшинка»).... Органы НКВД очень слабы. Учёта паразитических элементов в округе не ведётся, характеристика политического состояния в округе не даётся».

Партийный секретарь и прокурор заняты выяснением от-

шего работника НКВД Н.М. Проновича, «...коренное население, эвенки и якуты, в те времена вели спокойный образ жизни. Кражами они не занимались. Единственными за ними были недостатки, они, особенно пастухи, убивали и кушали колхозных оленей, за это их привлекали к уголовной ответственности очень мало. А по части краж вещей или др. имущества, они этим не занимались, и, наоборот, помню один такой случай: бухгалтер Есеевского рыбзавода, фамилию его не помню, зимой 1944 г. получил в Госбанке деньги и, пьяный, по дороге утерял, а эвенки, двое, нашли эти деньги, почти пол-

ДЕЛО ВОСЕМНАДЦАТИ

ношений между собой. Воронин по этому поводу докладывает в крайком партии: «Между секретарём ОК ВКП(б) т. Чернышским и прокурором т. Кузнецовым имеются ненормальные отношения, последнему ОК не дал необходимых условий для работы и впоследствии это очень обострилось, оба беспрерывно пишут в край жалобы друг на друга, прокурор секретаря называет «грязным авантюристом», а секретарь прокурора «оппортунистом»...

Достается и судам. На бюро Байkitского РК ВКП(б) в качестве проявления «мягкотелости» судьи Мирошко приводился пример вынесения им в Байkitском нарсуде приговора за растрату работникам факторий Хромову и Капельникуму – всего лишь лишение свободы соответственно на 2 года и на 6 месяцев. Первый растратил 2500 рублей казённых денег, второй – 1000 рублей. За это их, видимо, следовало расстрелять. На бюро также особо отмечалось, что все рассмотренные этим нарсудом в 1933 – 1934 годах 17 уголовных дел были заведены исключительно на русских (работников торгово-заготовительных организаций). А за что было судить абортенов, если, по приведённому в докладе Елагина воспоминанию быв-

ный куль, и они привезли эти деньги и сдали в милицию».

Но вернёмся к тридцатым годам. Кстати, тогда эвенки домашних оленей без надобности не забывали, и их поголовье достигало 58 тысяч (сегодня – не более четырёх тысяч). Как отмечалось в докладе Елагина, 59 процентов этого поголовья оленей содержалось в «кулацких хозяйствах», удельный вес которых составлял 8 процентов: 59 процентов хозяйств абортенов было отнесено к батрацко-беднякам, 33 процента – к середнякам. Сами абортены ещё не знали, что большие начальники-«люда» разделили их на кулаков и бедняков-батраков. Просто жили себе в тайге, одни были половаче, умели хозяйствовать, другие – не умели или не хотели. И вторые или пастухами к первым, чаще всего это были родственники, и вместе вели хозяйство, поскольку у каждого пастуха в стаде была своя доля оленей. Конечно, случались между ними конфликты, но они без лишней волокиты получали своё разрешение у собственных «судей» – родовых старшин.

Но богатеям надо было раскулачивать – так требовали большевистские руководители, строители социализма на Севере. И такие попытки предпри-

нимались. В том же Байkitском нарсуде рассматривалось дело на «кулака Гаюльского Якуни» — ему было присуждено уплатить работавшему на него в течение десяти лет батраку (фамилия, к сожалению, не приводится) 3600 рублей. И приговор суда невозможно было исполнить по той простой причине, что батрак не хотел уходить от своего работодателя, как и брать с него денег. Так и заявил неоднократно посещавшему его нарсуде Мирошко: «Мне присуждённых денег не надо, и я от Гаюльского Якуни не уйду; что мне надо, я от него получил... что хотите со мной делайте, я от него не уйду».

Ещё по одному делу против того же Гаюльского судьи Мирошко взял да и передал материалы в кочевой совет «...с предложением к совету немедленно вызвать 50 оленей с кулака... кулака, конечно, безоговорочно на предложение к/совета 50

прокуратура Эвенкийского автономного округа в конце 90-х годов прошлого века заполучила из Красноярска и передала в «Эвенкийскую жизнь» для публикации.

Как прокомментировал тогдашний прокурор Эвенкии В.В. Ботулу, все 18 человек были осуждены по зловещей ч.2 ст. 58 УК РСФСР — за антисоветскую агитацию и пропаганду. Жители заполярных факторий Ессее (единственное на территории Эвенкии якутское поселение) и Чиринды, в большинстве своём уже пожилые люди, малограмотные и не знающие русского языка, обвинялись в том, что якобы восхваляли царский режим, при котором им жилось лучше, чем в советские времена, порочили политику ВКП(б), высказывались против колхозного строя. Одним словом — контрреволюционеры. А раз так, то окружной суд 21 ию-

Тем не менее чьих-то доносов по услышанным разговорам хватило на то, чтобы совершенно необоснованно и жестоко осудить мирных людей — эвенкийские служители Фемиды, похоже, хотели освободиться от прежних обвинений судебных органов в мягкотелости, примиренчестве. И явно перестарелись.

Это стало очевидным после кассационной жалобы осуждённых (бедняги в то время были уже в красноярской тюрьме, а там им более опытные сотоварищи по камере подсказали, что надо делать) в Москву. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 26 сентября 1939 года дело эвенкийских «контрреволюционеров» направляется на новое судебное следствие, а вынесенный им необоснованно жестокий приговор отменяется.

Лишь на третьем по счёту судебном заседании по этому делу окружной суд (обвиняемые к тому времени уже были этапированы обратно в Туру) вынес окончательный приговор по делу восемнадцати. Был первый день лета 1942 года. Приговор — зачёт в отбытие наказания по 4,5 года тянувшегося следствия и лишение гражданских прав на предстоящие 5 лет — молча выслушали лишь десять измождённых человек. Остальные восемь к тому времени поумирали.

В тот же день после освобождения оставшиеся в живых, но так и не понявшие, в чём же их вина и за что они пострадали, пешком отправились к себе домой, на север Илимпы. Самоу старшему из них, «кулаку и единоличнику» Ивану Петровичу Ботулу, исполнилось тогда 69 лет, самому младшему, сыну «кулака-трущуреселенца» Павлу Павловичу Казанцеву — 25. Впереди у них была отчуждённая жизнь с ярлыками «врагов народа». И ярлыки эти с них официально снимут, как с сотен тысяч других безвинно пострадавших, уже посмертно, в 1991 году по Закону РФ «О реабилитации жертв политических репрессий».

Марат ВАЛЕЕВ,
редактор газеты
«Эвенкийская жизнь»

олений батрачке Байки выдал».

Вот такой странный судья работал в Байките в тридцатых годах. Его за «неразбор дела на кулаков» обвинили в правом оппортунизме. Что с ним было дальше, мы не знаем. Но вот эти упреки, обвинения в адрес правоохранительных органов Эвенкии в мягкотелости, конечно же, со временем возымели своё действие. Репрессии начались и здесь... Мы ещё не располагаем полным списком всех осуждённых, которых можно отнести к жертвам политического террора: в Эвенкии таких списков просто нигде нет, как нет никаких упоминаний о репрессиях 30-х годов и в докладе Елагина. Но некоторые списки репрессированных — на 18 человек, и все по одному делу, —

ля 1939 года выдал разоблачённым «врагам народа» на всю катушку: двое из них были приговорены к расстрелу, остальные получили по 10 — 15 лет лагерей.

— Однако предварительное и судебное следствие было проведено необъективно, имело тенденциозный, обвинительный характер, — рассказывал Владимир Васильевич Ботулу, — Приговор голосовлен, достоверными фактами не подтверждён. На самом деле эти люди при общении между собой и окружающими вели обычные разговоры о материальных трудностях жизни на Севере, высказывали по этому поводу своё мнение. Разговоры их призывов к свержению советской власти не содержали...

Свершилось! После долгих размышлений Государственная Дума одобрила такое возвращение в армию института гауптвахты – самого радикального перед дисциплинарным батальоном способа воздействия на нерадивых солдат и сержантов. Вот только очевидная полновластность возвращённой гауптвахты (у давно отслуживших – «губы» или «кичи») немалого настораживает. В нынешней интерпретации на гауптвахту помещаются только солдаты. Как же быть с нарушившими Устав и вообще порядок офицерами и прапорщиками – не сказано. Но, так или иначе, с 1 января 2007 года гауптвахта гостеприимно распахнула свои ворота для нарушителей воинской дисциплины и требований Устава.

Воспоминания о «киче»

Мне, с одной стороны, отличнику боевой и политической подготовки, а с другой – отчаянному «залётчику», с «кичей» приходилось встречаться гораздо чаще, чем остальным моим сослуживцам. Неизвестно, как сейчас будут выглядеть гауптвахты, но в 1982 – 1985 годах, когда ваш покорный слуга проходил службу в Вооружённых силах СССР на юге Сахалина и островов Южно-Курильской гряды, эти карательные институты были разнообразны и специфичны, но объединяло их одно – изощрённое издевательство над солдатами.

Самой жуткой по тем временам на юге Сахалина была гауптвахта Южно-Сахалинского пограничного гарнизона и «кича» моряков в городе Корсаков. Пограничники всегда (и не без оснований) считали себя элитой Вооружённых сил СССР. Офицеры и прапорщики сознательно разжигали в умах рядовых и сержантов пренебрежительное отношение к представителям других «неэлитных» родов войск.

Пограничники жестоко угнетали собственных нарушителей дисциплины, как правило, употребивших спиртное или замеченных в неуставных взаимоотношениях. Чего стоит хотя бы трёхчасовая пробежка по плацу, размером в половину футбольного поля, с вещмешком за плечами, наполненным песком, весом в 45 кг! И если тренированные, специально отобранные для службы в этих войсках пограничники могли вынести подобные физические нагрузки, то попавшие к пограницам пехотинцы, танкисты или артиллеристы буквально сдыхали после первых же десятков кругов.

Моряки, служившие в те припоминаемые времена три года, тогда как остальные служили два, с известной долей ненависти относились к «сапогам» – сухопутным войскам. И попадание сухопутного воина на морскую гауптвахту, пусть даже на небольшой срок, было чревато изощрёнными издевательствами караула.

По сравнению с вышеперечисленными «воспитательными точками», «губа» Южно-Сахалинского общевойскового гарнизона была сродни пионерлагерю. Хотя и там время от времени по инициативе особо изобретательных начальников караулов случалось «безудержное веселье».

Первое попадание

Свое первое попадание на Южно-Сахалинскую гарнизонную гауптвахту помню до сих пор. Почему? Да потому что случилось оно 21 ноября 1983 года, когда прошёл ровно год, как я отбыл от стен военкомата отдавать священный долг Родине. Вплупили мне тогда трое суток, но на деле пришлось отсидеть десять.

Знаете, было с чем сравнить. В отличие от погранцовской «кичи», «губа» Южно-Сахалинского гарнизона поражала миниатюрностью плаца и жутким перенаселением. Для того чтобы попасть непосредственно на гауптвахту, мне и моему товарищу по несчастью пришлось четверо суток провести в камере гарнизонной комендатуры. Камера эта была обустроена простенько и без ненужных изысков, то есть голый цементный пол – и всё, никаких излишеств. Главной особенностью нахождения в камерах комендатуры было то, что будущих «кичмарей», т.е.

Михаил ИВАНЬКОВ

Моя

«посетителей» гауптвахты там попросту не кормили вообще. Единственной отдушиной, когда арестант мог устроить себе «танец живота», было попадание на работу в кафе «Дальневосточник», где сердобольные поварахи усиленно пичкали солдат пирожками и прочей снечью.

Арестованные войки, обычно двое, выполняли до обеда роль грузчиков, развозили буфеты по всему Южно-Сахалинску. А после обеда этот весёлый тандем отправлялся на гарнизонный свинарник, длина которого была никак не менее 500 метров, где им сначала предстояло вычистить свиньи загонь, а затем накормить отходами всю эту хрюкающую ораву.

После столь увлекательного времяпрепровождения арестанты, плотно отужинав, возвращались в родную камеру. Естественно, ребята, в том числе и я, не могли не воровать, например папиросы, дабы поддержать тех, кто безвылазно сидел в камерах или работал на расчистке снега. На подобные кражи работники склада всегда закрывали глаза, зная, что лишнего мы не возьмём. Но на «обжираловку» направляли только раз за весь срок нахождения в комендатуре, за этим строго следили дежурные офицеры.

Снегокопателям за их ударный труд полагалось две булки хлеба на шесть-восемь человек за весь рабочий день. В общем, с гастрономией в комендатуре всё обстояло как надо, и комендант докладывал, что арестованные солдаты обеспечены четырёхразовым питанием. О том, что рацион в основном составляла вода, он диплома-

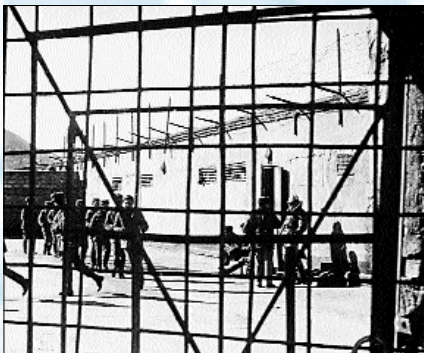
может, «дембель») и предварительное водворение в камеры.

Надо отметить, что сама гауптвахта была разделена на три части. В первом помещении находились караул и кабинет начальника «губы». Во втором – арестантское помещение для прапорщиков и офицеров, рассчитанное персон на десять-пятнадцать. Они ведь

сержантов срочной службы – как просто арестантов, так и тех, кто находился под следствием или уже был приговорён военным трибуналом, а также для «мабутовцев» – военнослужащих запаса, вызванных на переподготовку.

После возвращения с работ основной массы арестантов и смены караула вновь прибыв-

ГАУПТВАХТА

тично умалчивал. Немаловажным был ещё и тот факт, что отсюда в камеру комендатуры в срок ареста не засчитывалась, и, прибыв по назначению, арестант начинал отбывание наказания «с нуля».

И вот, наконец, перед нами гостеприимно распахнулись ворота гарнизонной гауптвахты. Поверхностный обывок, ибо в комендатуре солдат шмонали гораздо круче, чем зеков в следственном изоляторе. Беглый опрос: сколько (суток), за что (пынка, драка, неуставные взаимоотношения, неподчинение отцам-командирам), срок службы (дабы определить твой социальный статус: «дух», «черпак», «фазан» ли ты, «дед» ли, а

тоже люди: и водку пьют, и начальство по алфавиту посылают, и Устав нарушают).

Сидели на гауптвахте также офицеры, совершившие различные преступления. Так, во время моей первой посадки там пребывал майор, осуждённый за изнасилование несовершеннолетней девочки.

В камере обычного следственного изолятора офицер-наильник уже в первый же день сменил бы сексуальную ориентацию. Армейская же гауптвахта сохранила ему девственность до попадания в колонию, по всей видимости, строгого режима.

Третье помещение было предназначено для солдат и

ших выгнали на плац, и мы влились в тесный во всех смыслах коллектив злостных нарушителей дисциплины. Ведь на тридцать «посадочных мест» приходилось девяносто человек.

Ноябрь на Сахалине – месяц своеобразный, частенько идёт снег такой плотности, такой интенсивности, что начальнику караула нет нужды придумывать для арестантов издевательства и «приколы». Вот и тогда снегопад снял все вопросы о том, чем занять «кичмарей». Трёх совковых и двух штыковых лопат было явно недостаточно на всю нашу дружную бригаду, и поэтому снег мы убирали чем придётся: досочками, фанерками и прочим подручным инструментарием, в нормальной жизни для уборки снега неприемлемым. Но и в этом случае изощрённый мозг обалдевшего от безделья офицера сыграл с нами злую шутку. Он заявил, что арестанты пойдут спать только в том случае, если плац останется чёрного, естественного цвета.

Посменно упирались до подъёма. Снег, зарза, как валит, так и валит – это на острове Сахалин может продолжаться несколько дней подряд. Разбитые и злые, мы выстроились на утреннюю поверку – якобы кто-то мог сбегать, перепрыгнув через «запиретку», колючку и четырёхметровый забор. Дальше следовало очень экономный завтрак, причём ложек на всех не хватило, и многим пришлось заменить любимым

солдатский «инструмент» хлебом.

В армии самый дешёвый труд – рабский, сиречь солдатский. И нас использовали, как говорится, «на полную катушку», выжимая жизненные соки, как орловские помещики из своих крепостных крестьян.

Мы с сослуживцем попали на самый мрачный и трудоёмкий объект: производство шлакоблоков и заборных плит. Сам процесс этого каторжного труда описывать смысла нет. Единственное, о чём нужно заявить, – к обеду мы могли не сгибаясь почтёшь себе колени, настолько у нас были растянuty сухожилия и мышцы рук. Но и в этих экстремальных условиях у нас имелись маленькие радости.

Бывалые «кичмари», количеством три человека, попросив нас отвлечь выводных, куда-то исчезли, появившись примерно через час с бумажными мешками. Как выяснилось позже, эта троица нанесла визит на Южно-Сахалинскую кондитерскую фабрику, затарившись обрезками шоколада, вафель и притащив с собой три бутылки коньяка. Подобный харч стал весомым и приятным довеском к скудному обеду, привезённому нам непосредственно на объект ради экономии времени. Но после шоколадных обрезков и коньяка (в те приснопамятные времена понятие «палёного» коньяка отсутствовало напрочь) работать стало как-то веселее. Так что концовка рабочего дня прошла ударно и незаметно. А

снег тем не менее всё падал, вызывая тоску не столько самим своим падением, сколько предчувствием того, что нам предстоит очередная увлекательная ночь в борьбе с осадками.

Прибыв же за родимый забор кичи, мы с удивлением обнаружили, что плац оказался если не девственно-чёрного цвета, то близким к этому. Маявшийся от безделья и творческого зуда начарк выгнал на уборку территории и подследственных, дабы жизнь им мёдом не казалась.

Солдаты и сержанты, находящиеся под следствием за совершение различных преступлений (большинство «погорело» на неуставных взаимоотношениях – гоняло молодых слишком ретиво), работали в охотку. Оно и понятно: из камеры они выходили только в туалет и на получасовую прогулку, а тут целый день на свежем воздухе, да ещё и разминка какая!

Мы построились на плацу в ожидании смены караула. За забором раздался рокот автомобильных моторов, и чей-то истошный голос проорал: «Зеки! На пол!» В открытых воротах «кичи» показался коренастый капитан-артиллерист. Мы пали ниц. Капитан, закончив формальности передачи караула со своим коллегой – начкаром, обратил своё высокое внимание и на нас, простых смертных.

Новый начальник караула называл фамилию арестанта, и тот поднимался с плаца. Про-

верив таким образом весь личный состав и осмотрев наши стройные ряды, капитан отправил всех по камерам. Это был поистине благородный жест, так как в дополнение к отдыху капитан разрешил нам взять в камеры шинели и бушлаты. Ночь на голых нарах, но под шинелями показалась поистине королевской!

Унияз как спасение от беспредела

Следующий день принёс ещё пару неожиданностей, напавших коснувшихся меня и моего сослуживца. Старшина гауптвахты отбывал в краткосрочный отпуск, и ему необходима была замена. Мой напарник по несчастью, одного со мной призыва парень по имени Саша, атлет, блондин, роста под два метра, приглянулся начальнику «кичи» старшему лейтенанту Шеину. И последний, не мудрствуя лукаво, добавил Саши к имеющимся у него трём суткам ареста ещё пятнадцать дней – как раз столько, сколько отдыхал старшина.

Меня же он осматривал достаточно критично и поинтересовался: «Ты кто по специальности?» Услышав мой ответ, что, мол, монтажник, он спросил: «А унияз мне в квартире помянуть сможешь?» Получив утвердительный ответ, старший лейтенант задал следующий вопрос: «Поставить сможешь... А украсть?» Серьёзный был вопрос. Но и на него я решил ответить утвердительно: от таскания плит ломило руки, и перспектива провести ещё один день за этим увлекательным занятием не прельщала меня абсолютно.

Пришлось подробно объяснять старлею, что наша часть работает на строительстве Дома офицеров Советской армии в Южно-Сахалинске, и почти вся сантехника там исключительно из загнывающей от капитализма Финляндии, а стирать её можно без шума и пыли. Вот только как в город выбраться?

Моё сообщение о стране-производителе санфаянса вызвало лёгкое волнение у старлея Шеина: сбывалась «голубая» мечта любого советского обывателя 80-х годов про-

шлого века. Ещё не до конца поверив в свою удачу, он почти прошептал: «А бачок?» Пришлось объяснять неразумному офицеру, что бачок идёт непосредственно в комплекте со стульчаком, и пришпандорить к финской сантехнике отечественный аналог вряд ли удастся. Надо ли говорить, что в этот день я на пилитовую каторгу не поехал?

Вопрос с отправкой в город решился очень просто: мне выдали ремень (у арестантов ремни со звёздочками изымаются, чтобы подчеркнуть их статус, наверное), и, получив напутствие в виде пожелания «попадёшься патрулю – на гауптвахте мне лучше не показывайся», я отбыл в оригинальнейшую самоволку, не имея на руках никаких документов, воровать унитаз для начальника «кучи».

По пути следования к строящимся зданиям Дома офицеров я трезво рассудил, что требуемый санфаянс лучше всего будет привезти не за день, а за два или лучше за три. И если при подобной затяжке доставки «заказа» увеличивался риск попасть на глаза патрулю, то всё равно я гарантированно обеспечивал себе целых три дня относительно вольготной жизни.

Сама же кража унитаза была делом несложной техники, в подробности которой я не вдавался, поручив эту ответственную миссию одному «духам» (молодым солдатам, не отслужившим ещё и полугодя), а сам, перекусив, завалился спать,

ибо давно известно: «солдат спит – служба идёт».

Вернувшись с импортным сантехническим изделием на гауптвахту, начгуба я не застал, и мне по прихоти заскучавшего начальника караула пришлось присоединиться к группе военнотружущих, сосредоточенно подметающих плац ломами. Да-да, обыкновенными железными ломами, причём подметали их тупой стороной. Эти упражнения прервал старший лейтенант Шенин, оторвав меня от столь оригинальной уборки территории, попутно отмастерив начкара за то, что он не знает «кого можно кантовать, а кого нельзя».

Осмотрев с радостью ребёнка, получившего новую игрушку, теперь уже своё «законное приобретение», старлей тут же озадачился вопросом: «Где бачок?» Пришлось пояснить ему, что при наличии всего двух рук и без каких-либо документов прикрытия в случае попадания комендантскому патрулю бежать от них с бачком в унитазом будет проблематично. Но офицера уже поразила вирус стяжательства и халовы. На мою личную безопасность ему было глубоко наплевать: его мечта об импортной сантехнике приобретала реаль-

потянуть время с доставкой его на место.

Прибыв на «губу» после полноценного отдыха и плотного обеда, который доставили мне «молодые» в Дом офицеров, с чистым взглядом и пустыми руками, мне не стоило больших усилий убедить не разбавившегося в сантехнике старлея в том, что целый день мы комплектовали этот хитрый бачок. Комплектовать должны закончить к завтрашнему дню и уже можно будет установить весь комплект в квартире начгуба. Благо весть неслыханно обрадовала старлея, и он, не подозревая, что его попросту водят за нос, отбывая лишние сутки от беспределного издевательства на плацу, отправил меня отдыхать в камеру, попутно наказав начкару, чтобы «этого солдата не кантовали».

Данное указание было тем более ценно, что для подметания плаца многокилограммовыми ломами уже собирали «желающих» подкачать мышечную массу. Как оказалось, к дружному коллективу арестантов прибавился и бывший коновойр. Караульный грузин-артиллерист зашёл ночью погреться в кочегарку при гауптвахте. Сняв с плеча надоевший автомат, он положил его на дрова. Грузинский биджо, разнежившись в тепле, уснул, и иногда в полудрёме подбрасывая в печь дровишки, коротал время в более комфортных, чем холодный двор «губы» условиях. Но когда он собрался вернуться на пост, автомата не было. Оказалось, что будучи «в плену Морфея», в погоне за теплом горе-караульный метнул в печь и своё оружие. Хорошо ещё, что магазин, снаряжённый патронами, он до сна отстегнул от автомата.

После этого недоразумения артиллерист-залётчик ожидал денежного перевода из солнечной Грузии, дабы возместить ущерб родной Советской армии. И надо отметить, отнеслись к нему более чем гуманно: могли бы вообще посадить лет на несколько. Но здраво решили, что восемь тысяч рублей – достаточная компенсация за разгильдяйство теплолюбивого грузина. А что? «Жигули» по тем временам стоили пять ты-

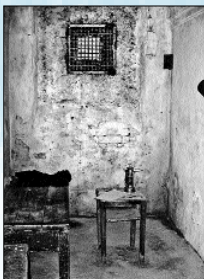
сяч рублей, ещё три «штуки» на пропой, а автомат списать – вполне, вполне!

На следующее утро я вновь отбыл на свой объект и привёз-таки ближе к вечеру столь необходимый начугбу бачок. Старлей только не прыгал до потолка от радости. А когда я сказал, что мои ребята спёрли со склада биде, и объяснил дремучему офицеру, что это за приспособление, тот надолго впал в ступор, беззвучно шевеля губами и делая какие-то непонятные жесты руками. Затем он тряхнул головой и сказал: «Моя супруга и без этого буржуйского биде обойдётся, а вот горшок ты мне в субботу поставишь. Ладно?»

У братьев Стругацких или ещё у кого-то из фантастов есть роман «Понедельник начинается в субботу». Для нас суббота началась в пятницу вечером, когда заступил самый «мрачный» по характеристике старожилов «кичи» караул пехотинцев-краснопогонников из посёлка Соловьёвка, что недалеко от Южно-Сахалинска. Офицеры этой части (сплошь ребята исключительных моральных качеств) специально набирали в караул на гауптвахту молодых солдат, отличавшихся в армии склонностью к садизму и издевательствам.

Офицеры гауптвахты дорожили этими молодыми садистами. Бывали случаи, когда «кичмари» снимали у засыпавших караульных штук-ножи, но тех не оставляли на гауптвахте из-за боязни расправы над ними в камере. Другими словами, предстоящая суббота для нас была окрашена отнюдь не в цвета радости.

Уныния добавил начальник караула – двухметрового роста и полутора центнеров веса капитан, вышедший перед строем арестантов. Помахивая нунчаками, он произнёс следующий монолог: «Я знаю, как сейчас трудно попасть на гауптвахту. Значит, вы сделали так много зла своему начальству, что оно нашло возможность заснуть вас в этот весёлый дом. Некоторые из вас ошибочно говорят, мол, «кича» – дом родной. Я постараюсь разувьрить вас в этом заблуждении. А сейчас мы займёмся физичес-

кой подготовки на уровне мастеров спорта международного класса!»

И он заржал при этом, как взнузданный конь.

Перед физическими испытаниями капитан предложил всем арестантам добровольно выдать запрещённые на «киче» спички, папиросы и сигареты. Строй не дрогнул. Тогда капитан шагнул к стоящему в первой шеренге пехотинцу и рванул погон на правом плече. Из-под погона вывалились сигаретка «Примы» и пара спичек. Удар у капитана был поставлен что надо. Провинившийся солдат сначала впечатался в стенку, потом медленно стёк по ней бесформенной массой – глубокий кокаут.

На середину плаца вышел какой-то кавказец, удобно устроился на стуле и, передёрнув затвор автомата, загнал патрон в патронник. Клацнул затвором и караульный на вышке. Обещанная физическая подготовка продлилась пять часов. После полуночи мы, выжатые как лимоны, попадали на камерные нары.

Я заснул без сновидений, будто провалился в тёмную яму. В мозгу долбило только высказывание капитана: «Завтра суббота – выходной, который мы посвятим продолжению вашего физического воспитания! Я надеюсь, что дежурство нашего караула надолго отложится в ваших бестолковых головах, ногах, руках и брюшном прессе! Ха-ха-ха!»

Суббота. В шесть утра мы снова на плацу. Пять кругов бе-

га – пятнадцать отжиманий от плаца. Пять кругов бега – круг гусиным шагом. Пять кругов бега – пятнадцать выпрыгиваний из положения сидя. Мышцы гудят немилосердно. Джигит с автоматом по-прежнему сидит на стуле и отдаёт отрывистые команды.

Завтрак. Полчаса отдыха с лозами для подматывания плаца и опять развивающие физические упражнения. «Шлангануть» ни у кого желания нет, мы уверены, что для уроженца курортных мест застрелить человека и получить краткосрочный отпуск на родину – мечта всей службы. Поэтому все дружно напрягаемся, отсчитывая круги.

И вот, о чудо! За воротами «кичи» раздаётся такой знакомый, почти родной голос начугба, и я, как на крыльях, вылетаю вместе со старшем устанавливать ему мечту советского обывателя. По пути замечаю, что для работы мне необходимы некоторые инструменты, цемент и кое-что ещё. Он недоливо морщится, но, раз надо, отпускает в город.

Надо ли говорить, что, возвратившись после обеда выспавшимся, отдохнувшим от вчерашних и сегодняшних мучений, я приступаю к работе по установке дефицитнейшего санфаянса. Работаю аккуратно, с душой, чувством, толком, расстановкой. Спешка в работе чревата досрочной встречей с садовой-капитаном и его шизанутым караулом – это в мои планы никак не входило. Поэтому закончил я работу под вечер, в аккурат к смене караула на гауптвахте. Довольный результатами моего труда начугб решил сам проводить меня к месту отсидки. И, как оказалось, вовремя.

Когда мы со старшем оказались за воротами «кичи», между сдающим дежурство капитаном и принимающим вахту старшим лейтенантом шла бурная дискуссия. Отойдя в сторонку, я прислушался к сути перепалки. Диалог вёлся в основном с широким использованием ненормативной лексики, но главный смысл до меня всё-таки дошёл.

Выяснилось, что несколько человек-арестантов были вы-

везены в город для каких-то срочных работ. Конвойным с ними отправился южный абортен, любитель посидеть на стульчике во время истязаний. Во время несения службы по охране «кичмарей» он приуныл. В итоге по возвращении на гауптвахту сей юный садист не досчитался снаряжённого боевыми патронами магазина. А также у него из автомата куда-то исчез затвор.

Пахло несмешным скандалчиком. Выезжавшие на работу арестанты молчали как партизаны. Магазина и затвора не было, и перед караульным маячила перспектива остаться на «губе» уже не в качестве охранника. Представление, с каким вождением его ожидали в любой из камер!

Нет сомнений, что капитан, командовавший соловёвским караулом, «пустил под пресс» подозреваемых в хищении боеприпасов и части автомата арестантов. Но сладкое чувство предстоящей мести за унижения и издевательства держало рты «кичмарей» на замке. В хищении затвора и магазина никто так и не сознался.

Начуд тут же разрулил ситуацию. Сам он человеком был не людоедского склада характера. То, что требовало от него должность, исполнял без излишнего служебного рвения, по обязанности. В солдате он иногда видел человека, но терпеть не мог «туристов» — беглецов из частей. И впрямь идиотизм: куда можно сбежать с острова Сахалин?

Не терпел старлей Шейн также небрежения при несении службы, а в данном конкретном случае было налицо много ни мало, а целое воинское преступление, при нормальной юридической оценке

вполне заслуживающее заключения караульного в дисциплинарный батальон.

Но решили обойтись «малой кровью». Караул из Соловьёвки заступал на гауптвахту два раза в месяц, и те две недели, которые, судя по крику начальника гауптвахты, предстояло провести любителю поспать на посту, должны были стать самыми тяжкими за всю его армейскую службу. Сам горец озирался за травленным зверьком, поёживаясь под многообещающими взглядами тех, кого он не так давно угнетал.

Пока шла смена караулов, солдатско-сержантское население гауптвахты занималось «строевой подготовкой», монотонно проходя круг за кругом по плацу, не стараясь придать своему хождению даже видимость строевого шага. Офицеры и прапорщики в подобных прогулках участия не принимали, предпочитая вальсировать с книжками и газетами на нарах в своём отделении.

Караул сменился. Взрвели машины, увозящие соловёвцев в часть. Их опальный караульный всё ещё стоял на территории караула, не решаясь влиться в общий арестантский строй — ему действительно было грустно и страшно. Но новый начкар пинком отправил его в общий строй. Когда офицер исчез в помещении, сразу несколько рук потянулись вяло упавшегося садиста в туалет для приватной беседы.

Под аккомпанемент глухих ударов и сдавленных криков, доносившихся из туалета, на середине плаца, как по мановению волшебной палочки, оказались искомый магазин и затвор от автомата. Вышедший минут через двадцать из караулки пожилой майор, заступивший новым начальником караула, хмыкнул и, забрав возвращённое арестантами воинское имущество, удалился.

Подобный демарш с украденным магазином и автоматным затвором был неким предупреждением новому караулу. Мол, смотрите, ребята, к чему приводит беспредел и излишнее служебное рвение. Часовому с вышки было прекрасно видно и слышно, как арестанты обошлись с джигитом из пре-

дыдущего караула, да и в караулке все были в курсе происшедшего, поэтому клацать затвором он поостерегся.

Помнятого, испанканного в фекалиях бывшего стража пинками поставили во главу монотонно нарезающей по плацу круги колонны. И это был очень тонкий ход. Ибо во главу колонны арестанты всегда ставили «молодых». Так, если какой-либо взбесившийся начкар подавал команду «строевым марш!», то в случае невыполнения команды впереди идущим автоматически получал дополнительно трое суток ареста. А если он выполнял команду, то получал (гм...) проблемы в камере.

Молодые же, как правило, приезжали на гауптвахту с незначительными сроками ареста, болтались в самом низу арестантской иерархии и старались не портить взаимоотношений со старослужащими. Они предпочитали получить трое суток «добавки», чем жить под нарами весь оставшийся срок.

Начуду напомнил мне, что затвора, то есть в воскресенье, я должен быть у него дома и ещё раз проверить свою работу, после чего плавным жестом отпустил в медленно вышагивающий строй. Опять пошёл снег, и майор, загнав нас после ужина по камерам, вывел на уборку территории подследственный контингент. Сидельца тоже надо было поразмять и подышать свежим воздухом. Засыпая под шарканье лопат по асфальту плаца, как-то лениво подумалось, что ребята будут скрестись до самого нашего подъёма.

В воскресенье должно было закончиться моё санфаянсовое безделье, и по дороге к дому научуба в голову лезли нехорошие мысли о понедельник и встрече с производством плит и шлакоблоков. Но начгуб, окончательно поражённый вирусом стяжательства и благоустройства семейного очага, сумевший по достоинству оценить все преимущества финского горшка над отечественным аналогом и окрылённый похвалой супруги за предпринимчивость и оборотистость, решил использовать мое

наличие на подчинённой ему гауптвахте по полной программе.

Не знаю, рассказал ли окрылённый женой похвалой старлей об имевшемся у нас в наличии биде, но он начал острожно зондировать почву на предмет сноса стенки между туалетом и ванной. Пришлось приложить немало усилий и привести кучу аргументов против объединения туалета и ванной в совмещённый санузел. Начуб не без сожаления отказался от своей идеи, но тут же выложил новую, не менее захватывающую.

Семейство Шеиных решило облагородить ванную, туалет и кухню кафельной плиткой. Причём меня пригласили как специалиста, разбирающегося в этом непростом декоре помещений. И хотя мне ни разу не доводилось выкладывать кафель, пришлось пойти на обман, дабы сохранить свои арестантские привилегии.

Сделав задумчивое лицо, я посетовал, что плитки нужно изрядное количество, и на добывчу её уйдёт как минимум неделя или даже больше. Ведь сразу много украсть – это явное «попадалово». Тащить надо изредка, по чуть-чуть. Но старлей с присущей всем армейским офицерам смекалкой успокоил меня касательно сроков мол, сколько надо, столько суток ареста я тебе добавлю – чего не сделаешь для нужного человека!

Повторная встреча с караулом из Соловёвки, обозначенным жестоким обращением

сидельцев с их коллегой, который ежечасно огребал неприятности в любой из камер «губы», абсолютно не прельщала, и пришлось осторожно возражать, обещая в свободное от службы время привозить лично начубу ящики с плиткой. Узнав, что и кафель у нас также не отечественного производства, старлей и его супруга пришли в лёгкий истерический восторг. Немного подумав, офицер изрёк: «Ты пока сидишь, вози мне понемногу плитку, но только импорт! Судя по твоим замашкам, сидеши ты ещё не раз и не два, – успокаивай он меня – а там, глядишь, и работу закончишь. Мне спешить некуда – ты уже на дембель уйдёшь, а мне ещё год на Сахалине куковать. Так что всё нормально, давай трудись!»

Остаток срока своего ареста я провёл в поисках и доставке на квартиру начальника гауптвахты кафеля производства какой-то из стран победившего социализма. Слова же начальника гауптвахты оказались пророческими. До июня 1984 года, до самого отбытия на Курильские острова, мне ещё несколько раз пришлось побывать на «киче». Кухня и санузлы квартиры старшего лейтенанта Шеина засверкали импортным шиком. Кроме этого были украдены два грузовика мраморной крошки для заливки полов в продовольственных складах части, соседствующей с гауптвахтой. Сменила место прописки и шифровальная машинка, вывезенная моими сослуживцами из Дома офицеров

Советской армии на тот же склад.

Когда мне пришёл черёд уходить на дембель, единственным офицером, которому я от души выставил бутылку армянского коньяка, был капитан Шеин.

Сейчас институт гауптвахты возрождается вновь, но, как я уже отмечал, в усечённом варианте: только для солдат и сержантов срочной службы, будто бы прапорщики и офицеры – ангелы небесные и нарушений по службе категорически не допускают. А как же демократия?

За комментариями по поводу того, нужна гауптвахта или нет, я обратился к начальнику 2-го отделения Н-ского военкома. И вот ответ: «Я застал как раз период, когда отменяли гауптвахту, и, как я считаю, сделали это зря. «Губа» – пусть это и крайнее перед дисциплинарным батальоном средство, но инструмент воздействия на солдат, сержантов довольно сильный. Да и прапорщиков, и офицеров она также дисциплинирует».

А скажите на милость, куда офицеру девать солдата в алкогольном опьянении? Не в вытрезвитель же его везти?! Да ещё потом деньги за эту услугу платить! Если же пребывание солдат на гауптвахте будет сообразовано с требованиями Устава, без различных издевательств, а станет именно нацеленным на исправление солдат, будет сопряжённым с изучением уставов, законов РФ, интенсивной строевой и физической подготовкой, то, несомненно, от этого нововведения толк появится».

Не могу не согласиться с офицером, прилично отслужившим непосредственно в войсках. Так что гауптвахта нужна, но не в том виде, который я застал в далёких восьмидесятих годах прошлого века.

Михаил Юрьевич Иванов родился в 1964 году в Салехарде. В 1991 году закончил историко-английский факультет Тобольского госуниверситета имени Д.И. Менделеева. Работал учителем истории и английского языка в средней школе Нижневартовска, оперуполномоченным УВД Сургута, телевизионным и газетным журналистом.

В первый класс

Чине давно хотелось пойти в школу. Ведь там столько интересного: много ребят, есть уроки и перемены, с детьми занимается учитель – учит писать, читать, считать, рисовать. В школе выдают красивые учебники, тетради и карандаши. На переменах школьники играют в игры и даже, бывает, хэде танцуют. А иногда выбегают на улицу и перебрасываются снежками.

Вот и семь лет Чине исполнилось – осенью в школу. Всё лето она с бабушкой Кукуче и братом Юриком собирали ягоды,

А тут и сам он вышел на кухню:

– Что ты тут делаешь, Чина?

– Хочу печку растопить, вскипятить чай. Ведь в школу опоздаю!

– Глупенькая, сейчас три часа ночи. Все спят, и ты ложишься. Не волнуйся, я не просплю, разбуджу тебя обязательно. Не опоздаешь в школу.

Ничего не оставалось, как снова лечь спать. Долго вертелась Чина в постели, пока в конце концов не уснула. Когда же папа стал будить её, никак не хотела просыпаться. А потом вспомнила: сегодня в школу!

Зинаида
БАБЦЕВА

Детство Чины

чтобы помочь семье деньгами. Возвращались из тайги вечером и, не заходя домой, шли в магазин сдавать собранную голубику, моршучку, жимолость, бруснику. Тут же получали у продавца плату. Кроме того, он вёл учёт сданной ягоды и, подсчитав в конце сезона, выдавал талоны, на которые можно было приобрести дефицитные вещи.

Чине купили к школе пальто с пушистым воротником, платёж и ботиночки. Приодели и брата: ему тоже взяли пальто и костюм. Вся семья радовалась покупкам.

Наконец наступило первое сентября. Чина проснулась как никогда рано, хотя, если честно признаться, была большой соней – не привыкла вставать спозаранку. Но сегодня – в школу!

Посмотрела в окно: на улице ещё темно. Всё же встала, стараясь не шуметь, оделась и на цыпочках пробралась на кухню.

Дрова и щепки для растопки папа или дедушка заготавливали с вечера. Чина налила в чайник воды, поставила на печку. Щепки в топку положила вроде бы с краю, но, когда засовывала поленья, щепки задвинулись куда-то влево, так что и не видеть их. Поленья не разжигались. Чина стала волноваться: полкоробка спичек уже извела, папа будет ругаться.

Чай пила, обжигаясь. Не допив, оставила кружку, поцеловала папу – и бегом в школу, хорошо, что та рядом.

В школе было две больших комнаты для занятий. В одной учились первый и третий классы, в другой – второй и четвёртый. Учитель один на всех, ведёт занятия сразу с четырьмя классами. Звать его Дмитрий Иванович Фисенко.

Чину он посадил на заднюю парту, с Иваном Трифоновым. Тот учился в первом классе второй год. Рядом, за соседними партами, сидели и другие второгодники: Кириндя учился в первом классе уже пятый год, Чиета – второй год и Уля – тоже второй. Чина была единственной первоклассницей, пошедшей в школу в этом году.

Дмитрий Иванович выдал Чине новый большой альбом и цветные карандаши. И дал задание: нарисовать букву «А».

Чина не запомнила, сколько уроков было в тот день. Она с усердием вырисовывала букву «А», пока не закончились занятия. Когда учитель отпустил её, Чина, счастливая, прибежала домой и на вопрос папы, чему она научилась, с гордостью сказала:

– Я рисовала букву «А»!

– И как, нарисовала?

– Нет, – смутилась Чина. – Не успела раскрасить её до конца.

Бабушкин подарок

Только побывав у бабушки Веры, Чина поняла, что ходить в гости – занятие увлекательное. И чаем тебя там напоят, и подадут к нему вкусную лепёшку, а то и конфеты. И на прощание подарят что-нибудь необычное.

Чина с нетерпением ждала, когда она с мамой отправятся в гости. Неделя, другая прошли с тех пор, как та обмолвилась: нужно, мол, навестить как-нибудь бабушку Веру. Это «как-нибудь» долго не наступало, и Чина уже было отчаялась, что они вообще выберутся в гости. И тут мама объявила:

– Всё, завтра идём к бабушке Вере.

Как оказалось, бабушка Вера жила одна, никого из близких у неё не было – почему, Чина так и не узнала. Хозяйка усадила их с мамой за стол, поставив перед ними такие красивые чайные чашки, что у Чины просто дыхание перехватило. Фаянсовые посуды к тому времени у эвенсов почти не сохранилось. В послевоенные годы пользовались в основном эмальрованными кружками, а то и жестяными, сделанными из консервных банок.

Чашки у бабушки Веры были синие, с золотой каёмкой, тонкие, почти прозрачные. При виде их Чине пришло в голову вот что: они с мамой у бабушки

Веры первый раз, и, может быть, по такому случаю та подарит ей одну из своих чашек?

Бабушка Вера заварила свежий чай – настоящий, плиточный, – положила на блюдца конфеты-подушечки, разложила лепёшку. Угощение было, конечно, очень вкусным, но Чина не чувствовала вкуса – затавив дыхание, пила чай маленькими глотками, нежно поглаживая чудесную чашку. Она уже придумала, где дома поставит её. Никто, понятно, пить из неё не будет, тем более братец – руки у него на редкость неуклюжие, где ему управиться с хрупкой посудой, мигом разобьёт. Нет, подаренной чашкой все будут только любоваться.

Чина не прислушивалась к разговорам взрослых, погружённая в свои мечты. Но вот мама стала собираться домой. Бабушка Вера вышла из кухни, и у Чины замерло сердце: сейчас та подарит ей чашку! Однако её ожидания не оправдались: бабушка вернулась, держа в руках жёлтое металлическое блюдо для хлеба, дырчатое. Чина чуть не расплакалась от разочарования. Почти шёпотом сказала «спасибо», и они с мамой отправились домой.

По дороге мама объяснила, что у бабушки Веры больная голова, и поэтому ей полагаётся дарить гостям только дырчатые вещи, чтобы не передать вместе с подарком и свою болезнь.

Хлебница долго служила в семье, напоминая Чине о красивой чашке, из которой так чудесно было пить чай.

Кукундино угощение

У Чининой бабушки Татьяны Иринарховны, которую Чина называла Кукуче, была сестра Матрёна Иринарховна, жившая со своим мужем Измаилом Гавриловичем Слепцовым. Сёстры совершенно не походили одна на другую. Бабушка Кукуче была невелика ростом, худенькая, очень подвижная. Её сестра, наоборот, выдалась рослой, тучной.

Кукундя с дедушкой Измаилом пасти колхозных оленей. Прежде у них и собственные олени были. А ещё дедушка Измаил был хорошим охотником. Когда вдвоём с бабушкой

они появлялись в посёлке, для Чининой семьи это становилось настоящим праздником.

Не засажая к себе домой, дедушка с бабушкой первым делом сворачивали к ним. Сначала в сени заносили замороженную тушу оленя, затем мороженую рыбу в мешках – речную или озёрную, – и также, в мешках, мороженные тушки зайцев, глухарей, куропаток. Только после этого дедушка с бабушкой ехали домой. А на следующий день утром Кукундя приходила в гости.

Чине хорошо запомнилось, как она увидела бабушку в первый раз. Войдя с улицы, та прямоиком направилась к ней и сунула в рот ей что-то большое, холодное, круглое. Чина оторопела и в растерянности уселась на скамеечку возле бабушки Кукуче, которая расположилась на полу, дошивая на швейной машинке юбку для госты.

Кукундя величественно приблизилась к сестре, поздоровалась и стала раздеваться. Размотала большой платок на голове, сняла оказавшийся под ним цветистый полushалок и осталась в небольшом белом платочке, под которым надет был нарядный цепец, а под него аккуратно уложены волосы.

Никогда до этого Чина не видела, чтобы носили сразу столько головных уборов. Притихшая, она сидела неподвижно от бабушек, слушала их разговоры, играла лоскутками. Сёстры попили чаю, потом пообедали, опять пили чай, беседуя, затем поужили. Чина к еде не прикасалась: то, что сунула ей в рот Кукундя, всё ещё оставалось во рту.

Вечером гостя за собиравалась домой. Поверх цепца надела белый платочек, потом полushалок, последним намотала на голову большой платок. Простилась с сестрой, чмокнула Чину в лоб.

Едва за гостией закрылась дверь, Чина тотчас с облегчени-

ем выплюнула то, что было поначалу круглым, ледяным, а после превратилось непонятно во что – раскислое, безвкусное.

– Наконец-то эта Кукундя ушла! – избавившись от скользкого комка, радостно выпалила она.

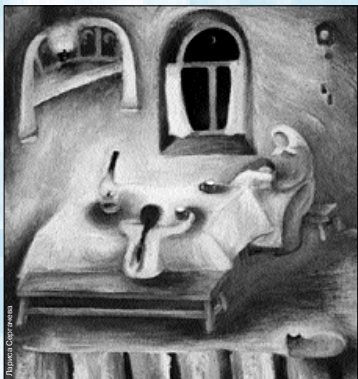
Бабушка Кукуче, когда разобралась, что приключилось с Чиной, хохотала от души.

– Утром Матрёна в гости пришла, – давась от смеха, рассказывала она домашним. – Хотелось ей Чину побаловать, угощение для той принесли. Настоящее лакомство: мороженые оленины глаза. Сунула Чине в рот, ничего не сказав. А та – представляете? – глаз этот целый день во рту мусолила. Уже вечером, только Матрёна за дверь, – выплюнула его. «Наконец-то, – говорит, – эта Кукундя ушла!»

Семья покатывалась со смеху. Только Чине было не смешно, а обидно: из-за Кукунди весь день просидела дома, даже погулять не вышла.

Назавтра та опять явилась. Бабушка Кукуче и ей поведала, как Чина мучилась с её угощением. Кукундя хохотала громче всех. Перестанет смеяться, взглянет на Чину – и опять в хохот, всхлипывает и повторяет:

– Целый день с ним во рту си-

Людмила Сорокина

дела? Боялась выплюнуть? Ха-ха-ха!

Так Чина познакомилась со своей большой и доброй бабушкой Кукундей, благодаря которой и стала зваться Чинной. Ведь бабушка совершенно не умела говорить по-русски и все русские слова и имена перенимала на свой лад.

Чтобы вырос урожай

Папа читал Чине множество детских книжек. Но от этого бесцельных «почему?» у неё не становилось меньше.

Однажды Чина задумалась: откуда берется хлеб, крупы, макароны, сахар? Отец долго и терпеливо объяснял ей, что всё это растёт на огромных полях, на материке – далеко от мест, где они живут. Чтобы вырос урожай, нужно много солнца, необходимо всё лето поливать посаженное, ухаживать за ним.

Под окном у дома был небольшой огород, где бабушка Кукуче сажала летом картошку. Чина попросила выделить ей на нём участок, чтобы посадить то, что она задумала.

Бабушка ответила ей маленькую грядку, которую Чина весь день рыхла. К вечеру вырыла ямки, в которые насыпала понемного рисовой крупы, пшёнки, овсянки. В отдельные лунки воткнула по половине макаронины, в оставшиеся положила по кусочку хлеба. Потом полила свою грядку из чайника, не пропустив ни одной лунки.

Когда вернулся с работы папа, Чина за руку повела его на свой участок. Показала, где и что посадила, стала расспрашивать, когда теперь ждать урожая? Папа огорчил её, объяснив, что из посаженного ею ничего не вырастет. Но потом успокоил – пообещал, что на следующий день переговорит с агрономом, и тот посоветует, что можно у них посадить и как ухаживать за посаженным, чтобы дожидаться урожая.

И правда: на следующий день, в обеденный перерыв, к ним заглянул агроном дядя Вася Карпов. Он принёс немного овса и гороха, показал Чине, как правильно посадить их. Объяснил, как ухаживать за посевами.

То-то радости было у всей семьи, когда на Чининой грядке появились первые всходы овса

и гороха! Если Чина вдруг забывала полить свой участок, ей об этом обязательно напоминали папа или бабушка.

Осенью всей семьёй радовались выросшей из овса и гороха зелёнке. Горсточку две собранного овса Чина отнесла на колхозную конюшню лошадям. А зелёный горох они с братом сами съели.

Когда же вновь настало лето, Чине было уже не до грядок. С бабушкой и братом она собирала ягоду – готовилась к школе.

Как выучиться грамоте

Закончилось первое школьное полугодие. После зимних каникул, с новой четверти, первоклассники стали учиться писать уже не карандашом, а чернилами. Учитель Дмитрий Иванович Фисенко выдал им ручки с перьями и чернильницы.

И карандашом-то научиться писать нелегко. То ломался грифель, такое часто случалось, и тогда карандаш заново приходилось затачивать. То, сделав ошибку, нужно было написанное стирать резинкой. А дело это непростое: поначалу и дырки в тетрадных листах протирались.

Без слёз не обходилось. Посмотрит Чина в тетради второгодников – такая там чистота, залюбуешься: ни помарочки! А у неё, как нарочно, на каждой странице грязь, разводы. И не захочешь – слёзы сами на глаза навернутся. Обидно: старалась же!

– Не расстраивайся, – утешал её Дмитрий Иванович. – Чистота в тетради – не самое главное. Важнее, чтобы задание было правильно выполнено. У тебя вот в тетради грязно, зато ни одной ошибки. Я поставлю тебе пять. А у Чисты, гляди, сколько ошибок, хотя написано и без помарок. Ей придётся поставить двойку.

В Чинином классе всем без исключения ученикам трудно давались диктанты. Дело в том, что в эвенской азбуке нет букв С, Ц, Ш, З, Ф, эвены таких звуков не произносят. Когда Дмитрий Иванович проводил диктант по русскому языку, хоть для первого класса, хоть для третьего, ученики начинали со всех сторон спрашивать Чину по-эвенски:

– Какая буква здесь пишется? «Чапоги или «чапли» – то есть С или Ц?

Ш у них называлась «тэти», что по-эвенски означает «шуба». Ф – «Педя» (Федя), В – «Бера» (Вера), З – «Чина».

Усвоив мало-помалу, где следует писать «чапоги», а где «тэти», «Бера» или «Чина», с диктантами начали справляться и первоклассники, и те, кто учился в третьем классе.

Когда в новом полугодии карандаши сменились на уроках ручками, огорчений у Чины не стало меньше. Вместо дыр от резинки в тетради появились класки, а на пальцах и на лице – чернильные пятна.

Все девочки вскоре научились шить перьечистки. Из старой одежды и лоскутков они выкраивали кружки одинакового размера и сшивали их в несколько слоёв. Самым важным в перьечистке была пуговица, которая пришивалась в центре. Она служила главным украшением, поэтому чем крупнее и красивее пуговицу удавалось найти, тем лучше.

Как нельзя кстати приехала из Магадана погостить тётя Лина, которая училась в педучилище. На ней была новая кофточка с такими красивыми пуговицами, что глаз не оторвёшь: большие, узорчатые, при каждом движении они переливались искорками. Одну из пуговиц, верхнюю, Чина выпросила у тёти – та её всё равно никогда не застёгивала. Вот повезло! Девчонки в школе просто поумирают от зависти.

Весь вечер Чина возилась с лоскутками. На следующий день её перьечистка и впрямь вызвала в классе шумное восхищение. В обмен на тётиную пуговицу чего только не предлагали: стиральную резинку для чернил, красную прозрачную бусинку... В конце концов Чина не устояла и поддалась на уговоры. Она обменяла пуговицу на карандаш нежно-голубого цвета.

Дома на перьечистку Чина пришла другую пуговицу – от матросского бушлата, который носил брат Юрик. На бушлате она оставалась последней, остальные давно потерялись.

На другой день в школе каждому давали к чаю по конфете.

Чина свою ешь не стала, спрятала. После уроков принесла её домой и отдала брату, чтобы не расстраивался насчёт пуговицы.

Я не буду их носить

Мама купила Чине ботинки. Угодила дочке! Та недавно видела точно такие же у одной девочки на улице. Обувь – на заглазенье: новая чёрная резина прямо-таки сверкает, а внутри – подкладка из ярко-розовой ткани. Обувь – ногам тепло, уютно. А какие застёжки у ботинок, какие бархатные отвороты!

Одно огорчение: как нарочно, установились ясные, солнечные дни, и мама не разрешала надевать обновку, чтобы не рассохлась. Чина каждое утро с надеждой выглядывала в окно: не соберётся ли дождь?

В воскресенье папа решил сводить её в городской парк. Младший брат Чины Юрий с ними пойти не мог: его недавно выписали из больницы, где он лежал с воспалением лёгких, и гулять на улице врачи ему пока что не разрешали. Юрий остался с мамой дома.

Долго папа с Чиной пробыли в парке. Смотрели медведя, кормили его булками, конфетами. В клетках неподалёку сидели белки, они с удовольствием грызли орехи и семечки. Видели в клетке и красавицу-лису. Выглядела она какой-то усталой, невесёлой.

Когда вернулись домой, Чина тараторила без умолку. Сколько интересного она повидала за день! И с горки катались, и на качелях. Наверное, весь вечер она делилась бы впечатлениями, если бы не перебил её брат Юрий.

– Зато я в твои ботинки написал!

Чина застыла с открытым ртом. Не может быть! Так пошутить с её новыми, красивыми ботинками! Не веря услышанному, она полезла под кровать, где в коробке должна была лежать обновка.

Мама пыталась объяснить Чине, как всё случилось. Она, мол, была на кухне, готовила обед, пока Юрий спал. А потом, когда зашла в комнату, было уже поздно. Юрий, проснувшись, не обнаружил на при-

вычном месте своего горшка, бегал-бегал и в конце концов нашёл выход...

Чина плакала навзрыд и в отчаянии выкрикивала:

– Я не буду такие ботинки носить!

Мама успокаивала её, как могла:

– Я их хорошо помыла, высушила. Ничего страшного, обувать можно.

Что дальше сталося с ботинками, надевала их Чина потом или нет, она не запомнила. Папе предложили новую работу, семье нужно было переезжать в посёлок Бараборка. Сборы в дорогу, переезд, жизнь на новом месте, среди новых людей – эти события вытеснили из памяти всё, что касалось дальнейшей участи её обновки.

Ничего, что кукла

Бабушка Кукуче с дедушкой Иваном Кириковичем поехали летом на следочную путину на Атарган. Взяли с собой и брата Юрия. Уже перед самым отъездом с Атаргана брат сломал ногу и потом долго лежал в областной больнице.

Когда семье сообщили, что Юрия наконец выписывают, папа отправился за ним в Магадан. Ему предстояло пешком дойти до Олы, а уже оттуда на катере добираться до Магадана.

Юрик, пока лежал в больнице, изю всех своих одежек вырос. И ещё: на лечение он поступил летом, а теперь стояла глубокая осень. Так что папе пришлось покупать ему почти всю одежду заново. Он купил Юрику костюм-матроску, матросский бушлат с блестящими пуговицами, шапку с «крабом», новые ботинки. На всё, конечно, ушло много денег.

Папа помнил о том, что обещал и Чине привезти какой-нибудь подарок. Но оставшихся денег хватило только на простенькую деревянную куклу. Кукла была сделана из двух планок, раскрашенных под русский сарафан. Скреплялись они между собой проволокой, на которой помещалась качающаяся головка.

Папа довёз Юрика на попутках до Гадли. Оттуда до Бараборки надо было добираться пешком – через сопку, по тропинке. Большую часть пути па-

пе пришлось тащить Юрика на себе. Часто он останавливался отдохнуть и, чтобы дорога не показалась чересчур утомительной, шутил: вон какой ты, сынок, разодетый возвращаешься, а Чине в подарок мы никакого наряда не взяли, лишь деревянную куклу, которая только и может, что головой качать. И стоит всего ничего – копейки.

Очтившись дома, Юрик долго чеголял во всех своих обновках. А Чину дразнил:

– Тебе-то мы ничего не купили, кроме раскрашенной девятишки.

Чина не обижалась. Она была старше брата и понимала, сколько денег пришлось потратить, чтобы одеть его. Знала и то, что отец любит её, – когда настанет время ложиться спать, он расскажет ей много историй: и как нашёл её, новорождённую, в лесу, и ещё – про любимых её зайцев.

Какие глаза бывают

В Бараборке, куда Чинина семья переехала из Магадана, домик бабушки Кукуче стоял рядом с поселковой больницей. В ней появился недавно новый фельдшер. Весь посёлок звал его доктором Антоновым. Поэтому и Чина называла его просто: Антонов.

У доктора были чудесные глаза – ярко-синие. Больше ни у кого в посёлке не было таких глаз.

При первом же знакомстве Чина спросила у фельдшера:

– Антонов, почему у тебя синие глаза, а у меня чёрные?

– Наверное, потому, что ты плохо их моешь.

– Я всегда по утру умываюсь!

– Надо умываться с мылом.

– Тогда и у меня глаза будут синими?

– Конечно.

Придя домой, Чина взяла мыло и принялась старательно умываться. Глаза щипало нестерпимо, но она продолжала их намывать. В конце концов не выдержала – заплакала. Тут как раз и отец пришёл с работы.

– Что случилось? – спросил он.

– Хочу, чтобы у меня были синие глаза, как у Антонова.

Отец промыл Чине глаза чистой водой, а перед сном долго рассказывал ей сказки. На следующий день, встретив фельдшера, рассказал тому о Чинином усердии.

Фельдшер был молодым парнем – недавно окончил медучилище и приехал в Бараборку по распределению. Жил он при больнице, рядом с домом бабушки Кукуче. Поэтому Чина часто встречала его на улице.

– Что такое? – спросил он, увидев её вскоре. – Почему у тебя глаза красные?

– Мылом мыла, чтобы синими стали.

– И как?

– Не помогло.

– А песком тереть их не пробовала?

Чина бегом кинулась домой, зачерпнув по пути пригоршню песка. Стала тереть им глаза – и опять в слёзы.

– Что опять случилось? – встревожился пришедший отец.

– Песком глаза тёрла.

– Зачем?

– Чтобы стали синими.

Отец взял Чину на руки – сама она идти не могла. Отнёс её в больницу. Антонов, узнав, в чём дело, перепугался, бросился оказывать помощь.

Потом отец с Антоновым терпеливо объясняли Чине, что на земле живёт много разных народов. Есть белые люди, а есть чёрные, коричневые. Чтобы Чина не расстраивалась, фельдшер подарил ей новый большой альбом для рисования и коробку цветных карандашей.

Домашняя Чина весь вечер рисовала в подаренном альбоме. Потом показала рисунки папе:

– Видишь? На свете много разных людей живёт. Есть белые люди с белыми глазами, есть красные – с красными глазами, а есть голубые – с голубыми глазами.

– Интересно, – сказал отец, – почему же в посёлке только у Антонова глаза синие?

– Потому что Антонов доктор.

Со временем Чина, конечно, разобралась, у кого из людей какие глаза и почему.

А Антонов больше с ней не шутил. На любое «почему?» всегда отвечал серьёзно и обстоятельно.

Владимир Потопов

Что дарят друзьям?

Чине нравилось встречать папу с охоты. Каждый раз он столько интересного рассказывал: и про хитрую лису, и про медведей – хозяев леса, про зайчат, белочек и других зверушек.

Как-то зимой, вернувшись с охоты, отец достал из кармана кусочек чёрного мёрзлого хлеба.

– Что это? – спросила Чина.

– Не видишь – хлебушек, зайчата тебе передали.

До чего вкусным оказался зайчий хлебушек! Гораздо вкуснее того, что ели дома. Чина осторожно обобрала с кусочка табачные крошки и принялась его грызть, иначе не откусишь – так промёрз.

– Папа, а какие зайцы передали угощение?

– Те, что приходили к тебе играть, когда ты была маленькой. Ты об этом не помнишь.

– Почему же они с тех пор больше не приходят?

– Потому что мама-зайчиха увела их подальше в лес – после того, как их чуть не подстрелили.

– Ой, папа! Встретишь снова зайчат – скажи им, чтобы были осторожнее, – встревожилась Чина. – А можно, я им тоже что-нибудь передам?

– Конечно. Готовь гостинцев.

Долго думала Чина, что же передать зайчатам, посоветовалась с отцом. Тот сказал:

– Помнишь, летом ты собирала и сушила ягоды шиповника? Зайчата их любят.

Чина приготовила посылочку, представила, как обрадуются зайчата угощению.

На следующий день, когда папа пришёл с охоты, она бросилась к нему – узнать, как зайчата приняли её подарок.

– Конечно, были рады-радёшеньки, – заулыбался отец. – Не только сами ели шиповник, но и других зверушек угостили.

С нетерпением ждала Чина, когда папа снова отправится на охоту. Дождалась, когда он вернётся, – и к нему:

– Что мне сегодня передали зайчата?

– На этот раз я их не видел, – развёл руками отец и, не дав Чине огорчиться, утешил: – Зато белочка передала тебе орешков. Посмотри у меня в куртке, в кармане.

Полезла Чина в карман, а он полон орешков. Да каких вкусных!

– Папа, – запрыгала она от восторга, – передай белочке большое спасибо!

– А ты ей что подарить?

– Не знаю. А что она любит?

– Грибы, орехи.

– Как жалко! У нас ведь нет

грибов. – Чина задумалась. – А знаешь, я сейчас нарисую грибки. Ты отнесёшь рисунок и скажешь белке, что летом я насушу грибов и потом передам ей. Можно так?

– Можно.

Настало лето. Чина помнила о своём обещании и, когда гуляла с другими детьми в лесу у посёлка и находила грибы, приносила их домой и сушила. А после папа подсказал ей:

– Доченька, вовсе не обязательно каждый раз, найдя гриб, нести его домой. Лучше повесь сушиться на дерево, на сушok повыше. Белочка найдёт подарок и скажет тебе спасибо.

Чина с тех пор так и делала, не забывала о белочке. А осенью, когда собирала бруснику и ей попадались ягоды шиповника, запасала и их, сушила дома – для зайчат. И сама Чина с бабушкой Кукуче всю зиму заваривала чай с шиповником. До чего он вкусный! Особенно если знаешь, что и зайцам заготовленные тобой ягоды будут в удовольствие.

Папины чудеса

Спать обычно Чина укладывалась с папой. Тот перед сном рассказывал ей множество историй. Чаще всего, по её просьбе, начинал с рассказа о том, как нашёл её, маленькую.

В тот день, по словам отца, он отправился на охоту. Шёл берегом реки и о чём-то задумался. Вдруг слышит: ребёнок плачет, и совсем близко. Папа подошёл вокруг, видит поваленное дерево. Заглянул под него, а там маленькая девочка – с мизинчик ростом. Взял её на руки – она сразу и перестала плакать. Папа завернул девочку в носовой платок и положил в карман.

Он тогда настрелял много дичи. Еле донёс домой, отдал маме с бабушкой. Потом и говорит маме:

– А я девочку из лесу принёс, – достал из кармана носовой платок, развернул.

Так появился у них дочка. Назвали её Зиной. Но бабушка не выговаривала это имя, перенимала на эвенский лад, следом за ней и все стали звать девочку Чиной. А росла она не по дням, а по часам.

– Сначала ты была такой вот, – показывал папа Чине мизинец, – потом с ладонь, а там и с локоть ростом. Ну а теперь вон ты какой уже стала, – и он принимался мерить Чину с головы до пяток.

Рассказывал папа и другие истории – про зайцев, белочек, про хитрую лису. Так, слушая, Чина и засыпала, и снились ей добрые звери и сама она, размером с мизинец.

Чудеса продолжались и утром, без них не обходилось. Как-то проснулась Чина у папы под боком, слышит – бабушка на кухне кастрюлями гремит. Подняла голову, посмотрела в окно – солнце светит вовсю. А потом на полу, у окна, увидела десяток уток, связанных за шеи.

– Папа, откуда утки? Их же вечером тут не было.

– Ты, Чина, многое проспала. – Отец вроде только и ждал её вопроса, сразу открыл глаза. – Рано утром вышел я на крыльцо, слышу: утки летят. Я бегом в дом, схватил ружьё и назад. Дробью выстрелил да в самую середину стаи попал. Утки прямо к крыльцу посыпались. Эх ты, соня, столько интересного пропустила! Ну вставай. Быстренько одевайся и иди помоги бабушке уток ощипывать. Она у нас старенькая, а вся работа по дому на ней. Ей помогать нужно.

Сваренные утки были очень вкусными. А вдобавок Чине достались утиные клювы и крылья, которыми она долго потом играла, ведь в послевоенные годы игрушек в магазинах почти не было.

Уже потом, когда подросла, Чина узнала, что пока она спала, отец успевал сходить на ближайшее озеро, поохотиться и вернуться домой с дичью.

Без помощи не обойтись

В школе началось обучение счёту. Учитель Дмитрий Иванович давно дал родителям задание – изготовить счётные палочки. Но у Чины и папы, и дедушка надолго уехали, и сделать палочки было некому.

Чина нашла выход: когда выполняла домашние задания, считала на пальцах. Всё получалось прекрасно, пока счёт шёл до десяти, а затем до двад-

цати, пришлось только всякий раз разуваться.

Но тут Дмитрий Иванович стал задавать примеры, в которых надо было считать уже до тридцати и сорока. Как быть?

Оставалось одно: обратиться за помощью к бабушке Кукуче. Чина делала уроки за столом, а бабушка здесь же на полу шила на швейной машинке. Когда очередь доходила до примеров и задач, Чина подскакивала к бабушке и считала по пальцам на руках и ногах, у себя и у неё.

Через неделю новое затруднение: счёт пошёл до пятидесяти и шестидесяти. Что делать?

– Сбегай, позови Матрёну, – подумав, сказала бабушка Кукуче. И правда: как они сразу не вспомнили о бабушкиной сестре, Кукунде? Вот только согласится ли та помогать? Не теряя времени, Чина оделась и выскочила на улицу.

Бабушка Кукунда была дома. – Собирайся скорее, – затаропила её Чина. – Тебя Кукуче зовёт!

Кукунда не знала, что и подумать.

– С чего такая спешка? В чём дело? – попыталась она всю дорогу Чина отмалчивалась.

Войдя в дом, Кукунда даже поздравляться забыла.

– Ну? Что случилось? – бросилась выяснять она с порога.

– Ничего, – спокойно ответила бабушка Кукуче. – Раздевайся, проходи – поможем ребёнку задачи решать.

– Кукунда долго возилась, разматывая и снимая один за другим платки. Величественно прошла в комнату, села на пол.

– Фу, – перевела она дух. – А я так бежала! Думала: что у вас тут стряслось? Постой, – спохватился она, – как же я помогу с задачками? Сама знаешь: я неграмотная совсем.

– От тебя грамоты и не требуется, – успокоила её бабушка Кукуче. – Разувайся и подставь ребёнку руки-ноги. Чина, что нужно, сама по пальцам сосчитает.

Кукунда, кряхтя, сняла торбаса, потом меховые носки-чики. Шьются они из оленьей шкуры, мехом внутрь. А мех оленя очень ломкий, ворс так и лезет с него пучками. Поэтому ноги Кукунды, когда она стянула с них чики, сплошь

были в прилипшей шерсти, особенно пальцы – розовые, распаренные, они казались лохматыми.

Кукундя с интересом уставилась на свои ноги, пошевелила пальцами и вдруг расхохоталась. Следом прыснула и бабушка Кукуче.

– Ой, не могу! – потешалась она. – Тебе, Матрёна, и обуваться незачем – столько шерсти на ногах. В любой мороз не холодно будет.

Нескоро сёстры утомнились. Первой вспомнила о делах бабушка Кукуче.

– Давай, Чина, займись уроками, – сказала она. – Не забывай, тебе вон сколько примеров и задач надо решить!

Чина старалась, как могла. Выскакивала из-за стола к бабушкам, пересчитывала свои и их пальцы и бегом возвращалась назад, записывала в тетрадь решение. Кукундя внимательно следила за ней и не переставала удивляться:

– Надо же! Такая малышка, а какие трудные задачи уже решает.

– И правда, что умница, – соглашалась бабушка Кукуче. – Только ведь и мы не зря тут сидим. Без нашей помощи ей бы не управиться. Ох, – покачала она головой, – не знаю, как дальше получится. Скоро и наших с тобой пальцев не хватит. Не пришлось бы в конце концов всех поселковых созывать, чтоб помогли ребёнку уроки делать.

Чина представила местных жителей, усевшихся в ряд вдоль улицы – дома они бы не поместились, – разутых, замёрзших, с протннутыми к ней руками и ногами: соседей, агронома, фельдшера, дядю Кирика, тётю Марусю с мальчишками и всех-всех, – и ей стало не по себе. Попробуй столько пальцев сразу пересчитать!

С того дня трижды ещё приходила к ним бабушка Кукундя, помогала решать задачи. А вечером на третий день вернулся наконец из поездки дедушка Иван Кирикович – его послали из Бараборки на Олу славить колхозные продукты. Дедушка потоптался на крыльце, отряхивая снег с торбасов, и шпатель в дверь – покрытый инеем, раскрасневшийся с мороза.

Евгения Хилуцкая

– Приехал? Давно ждём, – встретила его бабушка Кукуче. – Ребёнку вон палочки для счёта нужны. Учитель когда ещё давал задание сделать их! Мы тут с уроками и Матрёне голову заморочили – каждый день приходило задачи решать.

Не раздеваясь, дедушка вышел во двор, нашёл подходящий чурбак, наколот из него лучинок. Дома подстругал их, зачистил, и палочки для счёта были готовы – новенькие, гладкие. Конечно, считать с их помощью было гораздо удобнее, чем на пальцах. Но вскоре палочки не понадобились – Чина научилась считать в уме.

Пожадничала

Каждую весну поселковые мужчины отправлялись на Атарган, Бугурчан собирать птичьи яйца. На колхозных лошадях, привозили полные ящики яиц – утиных, гусиных, чачычих.

Как-то утром Чина проснулась от постукивания варёных яиц по столу. Сразу вспомнила: папа вчера вечером вернулся с Атаргана, привёз ящик с соевыми яйцами. Значит, бабушка сварила их, и папа завтракает.

И верно. Когда, умывшись, Чина вышла на кухню, там на

столе стояла большая кастрюля с варёными яйцами. Папа рассказывал, как собирали их, лазая по скалам и отыскивая гнёзда.

– Садись. На тебе. – Выбрав, он протянул Чине гусиное яйцо. Самое крупное и до того красивое!

Чина принялась старательно очищать его от скорлупы. Но выяснилось, что сделать это совсем не просто. Яйцо обжигало пальцы, а скорлупа никак не хотела счищаться. Пришлось потрудиться.

И всё же как ни медленно продвигалось дело, в конце концов Чина управились с яйцом. Оно лежало перед ней на блюде – округлое, гладкое, белое с синевой.

И тут, как нарочно, в эту самую минуту в гости к ним явился Витя. Он был Чининым одноклассом, хотя и приходился ей племянником. Конечно, папа усадил пришедшего за стол. А потом предложил Чине:

– Ну, доченька, поделись с Витей яйцом, которое ты почистила.

Вот горе-то! Не поделиться нельзя, нигде не денешься. Но ведь она так трудилась, совсем измучилась. И сколько же теперь отдать? Половину? Разве это справедливо?

Чина взяла нож и, вздохнув, осторожно отделила кончик яйца. Только кончик – даже желтка не задела. Отрезанный кусочек положила Вите на блюде. Папа лишь головой покачал:

– Вот уж не думал, что моя дочь такая жадина! Ты же знаешь: в кастрюле ещё много яиц. Так почему ты такой маленький кусочек отрезала?

– Я не жадная, – расстроилась Чина. – Разве мне жалко яйцо? Вон их сколько. Но это я так долго чистила...

Папа ничего ей больше не сказал. Молча достал из кастрюли десертный ящик, почистил и разделил поровну между Чиней и Витей. Чине было ужасно стыдно. Ведь что получается? Должно быть, и в самом деле она пожадничала?

**Литературная обработка
Станислава БАХВАЛОВА**

г. МАГАДАН

СНЕГА БЫЛЫХ ВРЕМЁН

Борис ВАСИЛЕВСКИЙ

*Людьми, побывавшим в Арктике,
всегда хочется туда вернуться.
Они не находят себе покоя и
готовы многим пожертвовать,
только бы ещё раз бросить
взгляд на полярные льды.*

Петер Фрейхен, Финн Саломовсен
«Арктический год»

Не столь давно, в конце прошлого года, редакция газеты «Литературная Россия» выпустила сборник «Чукотская литература: Материалы и исследования» (составитель Вячеслав Огрызко). То есть мы имеем тут дело не с хрестоматией, не с текстами самих чукотских писателей, но со статьями о них, с разбором их творчества. В аннотации так и написано: «В данной книге сделана попытка проследить все этапы формирования и развития письменных традиций чукотского народа... Среди авторов сборника – крупнейшие севе­роведы России и Франции, известные литературоведы, знаменитые историки и выдающиеся фольклористы»... Сборник действительно объёмный, более пятисот страниц, авторов много. В соответствии с обозначенной в аннотации задачей он разбит на разделы – от «петроглифов Пеггымеля» и «исероглифов Теневилы» до современности. До бывшей, до недавней нашей современности, точнее было бы сказать. И в этом смысле появление такого сборника – в отношении его издателя – можно расценить как поступок, по меньшей мере, отважный. Что я имею в виду? В одной из статей сборника со значительным названием «Рок судьбы», посвящённой чукотскому поэту Виктору Кеулькату, её автор В.Огрызко делает не менее значительное признание: «Увы, стихи Кеульката уже давно ничьи души не бередают» (с. 77). Я бы уточнил: их никто и не читает. И ещё уточнил бы: как вряд ли кто из широкой публики зачитывается да и просто хотя бы знает имена Владимира Тыметугве, Василия Ятыргина, Михаила Вальгиргина, Владимира Тынескина, Сергея Тиркигина и прочих «чукских Анакреонов». И я, откровенно говоря, не пред-

ставляю, на кого сейчас, на какого читателя рассчитан этот сборник. Это – если быть объективным и беспристрастным.

Однако мне – как человеку, когда-то жившему на Чукотке и навещавшему её потом не раз, – быть объективным и беспристрастным невозможно. Хотя бы потому, что для меня вся эта чукотская да и вообще магаданская литература – вещь до сих пор наглядная, зримая. Первая моя дорога на Чукотку в 1964 году пролегла через Магадан, и впоследствии – хотя можно было уже летать напрямик, через Анадырь, – я всякий раз, направляясь на Чукотку, всё равно летел через Магадан. Я любил этот город...

*Улетаю в Уэлен,
Не минуя Магадана.
Снежный плен, сердечный плен –
Оба полны власти странной, –*

как сочинил однажды один мой герой... А в Магадане обязательно заглядывал в книжные магазины – их было немного, всего три или четыре, и один из них, помню, размещался на проспекте Ленина, как раз рядом с гостиницей «Центральная», – и набирал там разнообразной, выпущенной Магаданским издательством литературы. Всякой – от художественной до популярных брошюр вроде «Как искать золото». Или, скажем, «Памятка жителям Магаданской области о поведении в лесу, тундре, на водоёмах». («Вылов крабов разрешается одной краболовкой на человека с диаметром не более одного метра, допустимый лов – не более 10 штук на краболовку в сутки»). Это по нормам 1976 года. Как теперь – не знаю. Но кто их и когда там соблюдал, эти нормы?..) И даже статистические сборнички типа «Магаданская область в цифрах». Всё, всё, что касалось Севера, было тогда интересно... Кроме того, и сами эти книжечки были привлекательны, одним своим видом и размером – чуть поболее почтовой марки, если воспользоваться образом известного писателя. У французов подобные книжечки называются «Le livre de poche» – карманная книга, т.е. книга, которую можно су-

нуть в карман. Действительно, для читателя весьма удобно. А Магаданское издательство, выпускающее такие миниатюрные книжечки, поступало ещё, как понимаю я теперь, просто гуманно по отношению к их авторам, особенно молодым: наскрёб, допустим, какой-нибудь начинающий прозаик листиков пять своих первых рассказов или чучка-пастух, бегая по тундре за своими оленями, вдохновился на несколько стихотворений, и этот мизерный объём облеклся в обложку с именем автора, и это для молодого писателя событием было неоценимым – получалось, что у него уже есть *своя книга*...

Так вот, все эти приобретённые тогда в Магадане книжечки у меня, по счастью, сохранились, сейчас я извлёк их со своей «северной» полки и вижу, что среди них много и тех, что поминуты в сборнике «Чукотская литература». Михаил Вальгирин «Вельботы уходят в море» и «Хорошо родиться на этой земле», Владимир Тынескин «Олени ждали меня», Владимир Леонтьев «Антымавле – торговый человек» и «Охотники пролива Беринга», Н.Н. Диков «Древние костры Камчатки и Чукотки», Т.Лейн «Тайна Чёртова оврага», стихи Антонины Кымытылкин и Толи Пчёлкина, первые крошечные сборнички Алика Мифтахутдинова «Рассказы про Одиссея» и «Головы моих друзей». И проч., и проч. Так что сейчас, листая «Чукотскую литературу», приятно находить там знакомые названия и имена... Тем более что многие из тех книг были подарены самими авторами и с такими трогательными надписями, на которые были способны только «суровые и сдержанные» северяне...

Дарил в ответ и я своим друзьям свои книжки – тоже о Чукотке, но вышедшие здесь, в Москве. Признаться, было время, когда мне очень хотелось опубликоваться в Магаданском издательстве. Я тогда писал свои первые чукотские рассказы и приступал уже к своим путевым чукотским очеркам, и казалось, где же ещё всё это и печатать, как не в Магадане? Выйти наверняка и напрямую на *своего*, на северного читателя, единственно способного по-настоящему понять и оценить то, что ты стремишься выразить. А ещё конкретнее – на читателя *узенского*, которого я в основном и имел в виду, когда начинал писать... Но дело, признаюсь ещё, было не только в читателе. Ещё больше, пожалуй, хотелось мне, чтобы книжку мою оформил кто-нибудь из магаданских художников. В то время в Магадане жили и работали отличные художники, с некоторыми из них я был знаком, особенно мне нравились работы Вити Кошелева. Все эти ребята сами знали и прошли Север, прочувствовали его, у них выработалось своё видение и свой стиль. Им не надо было объяснять, как выглядит море, и лагуна, и коса между ними, и посёлочек на этой косе, и тундра за лагуной, и сопки на горизонте. Им не надо было растолковывать, как а однажды одному «материковскому» художнику, что хвост кита расположен вовсе не так, как у рыбы, – не в вертикальной, а в горизонтальной плоскости, и даже рисовал ему для наглядности. А он, сам ни разу не видавший этого кита, ещё и не верил, и мне приходилось отсылать его к классике, т.е. к известным иллюстрациям Рокуэлла Кента к «Моби

Дику», а также непосредственно к тексту самого этого романа, а в нём непосредственно к главе LXXXVI – «Хвост». «Горизонтальный по своему положению хвост левиафана действует отлично от хвостов других морских тварей. Он никогда не виляет. Влияние – у человека ли, у рыбы ли – есть признак слабости...» И: «Чем больше думаю я о могучем китовом хвосте, тем горше я сетую на своё неумение живописать его»...

Ну короче – как хотелось мне, чтобы книгу мою читал прежде всего свой, северный читатель, точно так же хотелось, чтоб и обложку к ней рисовал тоже художник-северянин... Но... так, к сожалению, и не довелось мне выпустить самую первую мою чукотскую книжку в Магаданском издательстве. Зато навсегда врезалась в память его тогдашний адрес: Пролетарская, 15. И вид: где-то на самом краю Магадана, и с одной стороны, повыше, расположились массивные здания бывшего «Дальстроя», затем «Северостокзолота», там же и обком, и, кажется, СБВУ, в стиле ещё сталинской архитектуры, а с другой стороны, внизу, над каким-то овражком прилепилось это приземистое, одноэтажное строение, типа барака, с открывающимся за ним видом на заболоченный унылый пустырь. Скорее всего, некогда это и был барак и очень может быть, что лагерьный. Тоже, в общем-то, сталинская архитектура... А потом я и сам оставил эту идею – напечататься там. Даже когда пошли у меня другие книги о Чукотке, даже когда написал роман «Конечная Земля» – фактически о своём Узлене. Почему? Не сразу, но мне показалось, я это понял. Ничего личного, и атмосфера в издательстве, когда заходил туда, ощущалась какая-то уютная, располагающая, и женщины-редакторши какие-то все милые, доброжелательные, и я их всех помню, но... окончательное решение насчёт автора, видимо, исходило из невыговоренного вслух, однако чёткого противопоставления: свой – не свой. Наш – не наш... Дифференциация, в общем-то, извечная и понятная, и, если уж на то пошло, мы были в этом схожи: как мне хотелось иметь дело прежде всего со своим, северным читателем, так и издательству прежде всего хотелось печатать своего, северного писателя. А под северным писателем понимался не только пишущий о Севере, но и живущий там же, на Севере. Осевший там *навесегда*. Даже у Алика Мифтахутдинова это однажды проскользнуло, в одном из его писем, где он, не помню в связи с чем, но вдруг написал мне, что если доведётся выбирать, то лично он всегда предпочтёт «живого магаданца уехавшему москвичу». Буквально так. «Уехавший москвич», разумелось, был я...

Но я не обиделся на этот неожиданный выпад Алика, воспринял спокойно. У меня вообще не было вот этого комплекса – обязательно зачислиться в какие-то ряды, стать там *своим*... До Чукотки у меня была ещё Сибирь с Ангарой, ещё прежде – детство в деревне под Зарайском, кроме того, я никогда не забывал, что родина моя в Москве, и не *вообще* в Москве, а на *Пресне*. И всё это я тоже продолжал помнить и любить и надеялся когда-нибудь написать об этом, так что Север не явился для меня единственным светом в

окошке. Поэтому меня не задел даже знаменитый вопрос Олега Куваева, которым он начал и которым завершил свою «Территорию»: «Так почему же вас не было на тех тракторных саях и не ваше лицо обжигал морозный февральский ветер?» – вопрос, покорошивший тогда многих его читателей. Вопрос был исполнен того, что я называл «северным снобизмом». И сам всегда мог ответить (и отвечал): «А потому что находился в это время несколько северо-восточнее, и никаких тракторных саян не было, топал на своих двоих». Но и в моём ответе того же снобизма содержалось не меньше. Все мы, побывавшие и поработавшие на Севере, тогда им грешили, этим «северным снобизмом», кто в большей, кто в меньшей степени, но со временем это, слава богу, проходило... А с Аликом мы были давно дружны, познакомились, когда я ещё жил в Уэлене, а он прилетел туда в командировку, тогда же и подружился, и по нашему северному кодексу дружбы обихаживать на друга не полагалось, его полагалось понять. И я понял, Мифта, как мы его называли, заделася тогда каким-то там секретарём... я до сих пор не разбираюсь в этих должностях... в общем, стал кем-то вроде главного магаданского писателя, и я понял, что он проникся своим назначением и почувствовал себя ответственным за судьбу всей, вверенной ему магаданской литературы... Я, конечно, мог бы ему объяснить, что, прожив в Уэлене безвыездно «три года незаметных», во все эти три года не написал о нём ни строчки, и не ощущал никакой в том нужды, потому что мне было достаточно самого Уэлена, и оставшаяся там вся жизнь... – ну, словом, ясно... Но я почему-то не стал писать Алику об этом, просто сделал для себя вывод, что подтверждаю, что я, хотя и «уехавший», но всё-таки «живой», мне придётся через московские издательства и журналы...

И что-то ведь получалось! При тогдашних тиражах книги, вышедшие в столице, доходили и «до самых до окраин». Помню, я снова приехал на Чукотку, уже в командировку от какого-то журнала, кажется, от «Вокруг света», и какой-то незнакомый парень, услышав мою фамилию, воскликнул: «А знаешь, что я из-за тебя свой самолёт пропустил?!» Выяснилось: он сидел в анадырском аэропорту, дожидаясь рейса к себе в Беринговский, читал мою книжку «Где Север?» и – прослушав объявление на посадку. И его самолёт улетел без него... Кто бы понимал. Самолётов в чукотских аэропортах ожидают, бывает, неделями. А в Беринговский, особенно если зимой – и по месяцам... В другой раз мы собрались за столиком в ЦДЛ в очередную годовщину смерти Куваева, помнют его, были там и «живые» северяне, и «уехавшие», но все знали и помнили Олега, и

женщина, сидевшая рядом со мной – она оказалась преподавательницей Анадырского педучилища, – сказала мне: «Мы ваши учительские рассказы используем как методическое пособие...» А я там описывал, как мой герой только что приехал на Чукотку, учитель в школу, и мало ещё что мыслит и в Чукотке, и в особенностях тамошнего преподавания, и как то и дело возникают у него в общении с учениками-чукчами всякие непредвиденные, парадоксальные ситуации, и как ему приходится из них выпутываться... И вот, оказалось, эти мои рассказыгодились для подготовки будущих чукотских учителей... В общем, вот эти два отклика на мою книжку, малопонятные чьему-нибудь постороннему уху, я не променял бы и на тысячу самых лестных рецензий...

Однако – всё это уже, как говорится, плюсквамперфект: «снега былых времён». Сочтём неизбежным лирическим отступлением. Возвратимся к тому, с чего начали: что мне трудно быть объективным в отношении как сборника «Чукотская литература», так и самой чукотской литературы. Из только что сказанного уже, наверное, понятно, почему. Но – «разберём ещё на конкретном примере», как говорил я когда-то на своих уроках. Вот поэт Михаил Вальгиргин (1939 – 1978). В «Чукотской литературе» его жизни и творчеству отведено довольно много страниц. О нём написал В.Христофоров «Но нет конвертов для сердец», А.Трапезников «Памяти Вальгиргина», С.Каратов «У линии перемены дат», О.Рычкова «Дневники Питицы», Мелькаете его имя и на других страницах. И действительно: один из самых, кажется мне, значительных чукотских поэтов. Выпустил несколько сборничков. Печатался не только в Магадане, но и в Москве, в таких журналах, как «Наш современник» и «Новый мир». Необыкновенна и судьба его: в девятнадцать лет был застигнут в тундре пургой, обморозился, в результате остался без ног. Однако нашёл в себе силы для работы не только за письменным столом, но продолжал выходить на вельботе в море, охотником-стрелком. Опять же –

кто может себе это представить... Один из критиков называет его даже «чукотским Мересьевым, который сумел подняться в небо силой своего поэтического дара» (с. 313). Справление, впрочем, близкое, «на поверхности»... С самим Вальгиргиным я, к сожалению, знаком не был, он жил в Уэльске, это на выходе из залива Креста, и мне там бывать не приходилось. В Эвекиноте однажды был, а в Уэльске не довелось... Зато хорошо знал основного переводчика Вальгиргина – поэта Анатолия Пчёлкина (1939 – 2002). Жил и работал в Магадане, но если, напри-

мер, Мифтахутдинов и многие другие (да в общем-то все!) магаданские литераторы без этого определения: «магаданский поэт», «магаданский прозаик» – не воспринимались, то Пчёлкин в подобной, «сужающей» и как бы «заранее преудуствующей читателя» географической привязке не нуждался, он сам по себе был хороший, крепкий, а в иных своих стихах – просто превосходный поэт. Умный, точный и честный. А лучше сказать – интеллигентный, что включает в себя все три предыдущих эпитета. (Хотя любил представиться эдаким выдавшим виды работягой.) Мог беспощадно отозваться о каком-то другом человеке, но и о себе был способен сказать тоже беспощадно... В «Приложениях» к «Чукотской литературе» о нём написано: «Он, увы, умел часто и быстро наживать врагов. Причём ладно бы по каким-то принципиальным вещам. Он нередко вспыхивал и задирился буквально из-за пустяков» (с. 532). Не знаю. Что «нередко вспыхивал и задирился» – верю, но вряд ли «из-за пустяков». Просто он очень тонко чувствовал и безошибочно распознавал в человеке то, что для иного, невнимательного взгляда выглядело «пустяком», а для него самого оказывалось существенным и принципиально неприемлемым...

Но в наших с ним отношениях ничего такого, никаких таких «вспыхиваний и задирианий» не случалось. Подружились мы не сразу, но с первой же встречи ощутили для начала какую-то взаимную безоговорочную симпатию. На литературном поле делить нам было нечего – тем более что он был поэт, я прозаик, – а меряться «любовью к Северу» было глупо. У каждого из нас он был свой... И вообще я всегда считал и считаю до сих пор, что писатели вовсе не выстраиваются в ряд на единой гаревой дорожке, срываясь по чьему-то хлопку, и не соревнуются, поминутно оглядываясь друг на друга, кто убежит быстрее и дальше, но каждый в свой черёд и в одиночку выходит на свою дорогу, и идёт в своём, одному ему назначенном направлении, и ищет там что-то своё. Подчас даже не отдавая себе отчёта, что именно... Взгляд, в общем-то, естественный, нормальный. Думаю, что Толя считал так же... Встречаясь с ним в Москве или в Магадане – и в последние годы чаще у меня в Москве, чем у него в Магадане, – мы как-то не говорили ни вообще о литературе, ни тем более «о дальнейших путях развития магаданской литературы». Ни тем более «о положении дел в магаданской писательской организации», о которой кто-то из московских литературных отшельников, съездивший туда в командировку, отозвался с изумлением: «У них там всего три писателя, зато пять враждующих группировок!... Встретившись, мы просто бывали рады друг другу и сидели нормально пить водку. И не надо было объяснять один другому, что может чувствовать человек, наконец-то вырвавшийся из Москвы на свой Север... Или наоборот: вырвавшийся в Москву со своего Севера... По его стихам и по его настроению в последнюю нашу встречу очень ощущалось, что Север стал ему тесен, что он давно вырос из него, т.е. из того жёстко регламентированного, непременно «восхищённого» восприятия Севера, которое там же, на Севере, самими

же писателями-северянами когда-то было задано и пересмотру с тех пор не подлежало. В сборнике «Глубина вдоха» (Магадан, 1989), который он мне тогда надписал и подарил («с чувством сложной любви»), есть небольшое, но прозвучавшее какой-то безысходностью стихотворение «Провинция». Хочется привести его полностью.

*Как ты мелка, провинция, о боже,
как честь свою замешую блудить!
В толпе твоей незримым не пройдёшь
и выделиться в ней
опасно тоже.*

*Ее гипертрофированный слух
скор на язык и лёгок на расправу:
Умри! – иль выберай одно из двух:
вдохнуть всю жизнь её тлетворный дух
иль пить как мёд
молвы её отраву.*

*Сойди на нет, поникши головой,
да не болит коробка черепная
о том, что ты – увы – ещё живая
и что она –
увы! –
всегда живая.*

Это стихотворение – тоже о Севере, и думаю, оно лучше, чем я, пояснит, что я хотел сказать... Да, наступил однажды момент – мы и не заметили, как! – когда этот Север, который мы чуть не обожевствовали и полагали единственным достойным местом для достойного приложения сил, где ещё сохранялась и обостренно чувствовалась свобода, где исключительно водились люди особенной, высокой породы, «гордые и крепкие, как львы», а прочие просто не прижились, отторгались сразу и бесповоротно, где даже самый последний бич смотрелся лордом в своём великоплетном пренебрежении к обычным, «материковским», «добропорядочным» представлениям о жизни, где... ну, словом, вот этот наш прекрасный и возвышенный Север превратился как-то мгновенно и для нас неожиданно в заурядную провинцию. Причём не в том своём патриархальном, наивном и всегда милом сердцу обличье, но в провинцию в самом худшем значении этого слова. Туда вдруг прихлынула масса постороннего и чуждого Северу люда, со своими, вывезенными с материка, устоявшимися «коммунальными» понятиями и привычками, со своими, весьма убогими и приземлёнными, однако весьма агрессивными устремлениями. То есть публика эта накапливалась там, может быть, сначала исподволь и незаметно, но в какой-то момент оказалось, что её там уже очень много, так что не замечать её стало уже невозможно... Вот о такой провинции и прорвалось у Пчёлкина в его стихотворении, её «тлетворный дух», думаю, начал ощущать и Алик, только продолжал «делать вид» и отстраняться, судорожно ещё цепляясь в своих вещах за «старый, добрый Север», эту утраченную себя провинцию очень прочувствовал и я, ещё в 60-х, под конец своей жизни в Уэлене – может, потому и решил тогда уехать...

Однажды мне даже пришлось в голову, что мы сами, воспевавшие Север, отчасти и были виноваты в таком столь неприглядном его преобразении: мы *обозначили место*. «Засветились», как нынче принято выражаться. Помню, я опубликовал в «Вокруг света» свой очерк о Билибино, а когда приехал туда в следующий раз, тогдашний и уже знакомый секретарь райкома Валентин Васильевич Лысковцев, завидев меня, воскликнул: «А, вот и он, виновник тысяч писем!»... Выяснилось, что после моего очерка к ним посыпались письма – «со всех концов страны», – и пришлось даже выделить специального работника – чтоб отвечал на те письма. И помню, такая популярность меня не обрадовала, подобные письма получал и я, суть их, после необходимого объяснения в «давней и непонятной любви к Северу», сводилась к двум вопросам: «Как туда доехать?» и «Сколько там платят?». Тот мой очерк был *романтический*. После, когда я перешёл к очеркам «деловым и проблемным», т.е. стал писать о повседневных житейских заботах северян, в том числе и о зарплатах, письма продолжали приходить, но вопрос уже оставался один: «Как проехать, как устроиться?»... Вот я и пришёл к выводу, что помалкивать бы нам надо было про наш дорогой Север и про свои, особенно любимые там места... Однако это всё так, как говорится, из области грустного юмора – конечно же, признали бы, разведали бы и без нас...

Но вернёмся к нашим поэтам. Общеизвестно, что в советские времена многие русские писатели вынуждены были браться за переводы «братьев наших меньших» из элементарной нужды, по соображениям чисто материальным, и иногда даже не скрывали, что тяготились этим занятием. (Вспомним хотя бы знаменитое признание Арсения Тарковского: «Ах, восточные переводы, / Как болит от вас голова!», – вызвавшее тогда же, соответственно, бурное негодование некоторых наших «восточных» поэтов...) Не знаю, как пришёл к идее переводов Пчёлкин – думаю, всё же, что не только как к «заработку», но как к ещё одному способу проникновения в тот мир Севера, в котором он жил, – однако несомненно то, что к своему переводческому делу он старался относиться добросовестно и творчески. Кроме того, был дружен с самим Вальгириным. Так что с переводчиком этому чуток-сому поэту повезло...

Повторяю, сам я – сутубый прозаик, и мне трудно судить о стихах, тем более о стихах в *переводе*. Но при имени Вальгирина сразу вспоминаю: «Вельботы уходят в море». Я знаю: это название его стихотворения, ставшее названием и всего вальгиригинского сборника (Магадан, 1970). Мне это название, честно говоря, не нравится, оно откровенно расхожее, из тех самых времён, когда всё у нас только и делало, что куда-то уходило, улетало, уплывало, собиралось, отправлялось... Корабли в поход, самолёты в полёт, шахтёры в забой, металлурги к печам, комбайны в поля, лесорубы в тайгу, геологи в марш-рут, пастухи к стаду, пограничники в дозор... и т.д. и т.п. И за всем этим подразумевался с виду, конечно, будничней, а на самом деле героический труд, наш общий неустанный труд – «на бла-

го»... Под стать названию и само стихотворение – тут весь набор необходимых, очень мужественных строк: «С рассветом уходят вельботы... Натужно утожат моторы... А волны вздымаются круто... Но мы передышки не просим... Такая работа...» и проч. Не представляю себе, как «моторы» могут что-либо «утожать»... Что же до «круто вздымающихся волн», то это, мягко говоря, поэтическое преувеличение – в такую погоду и охоты никакой не получится, да и в море выходить просто опасно... Лучше бы, думаю я, вынести в заголовок сборника название какого-нибудь другого стихотворения. «Косатки играют», например. Или, на худой конец, «О чём поют полозья». («Воспевают те пути, / что не раз ещё приснятся, / когда будут позади»...) Подозреваю, что не сам Вальгирин выбирал и утверждал название для своего сборника, и не переводчик его Пчёлкин – сделал это наверняка какой-нибудь издательский начальник. Желая, конечно же, начинающему поэту добра... Но что ж теперь? Те-

Крест в память С.Дежнёва, 1978

перь, перефразируя известное обиходное выражение: вельбот ушёл. И давно...

А с другой стороны... Эти вельботы... (Кстати: у кого-то из авторов сборника промелькнуло: «рыбачий вельбот». «Рыбачьими» могут быть какой-нибудь баркас, карбас, шаланда, дора, но обозвать «рыбачьим» вельбот – считаю, просто оскорбить это хотя и небольшое, но с прекрас-

ными мореходными качествами судно, созданное специально для *морской охоты*. Обратиться хотя бы к этимологии: «whale-boat» – китобойный бот. И эскимосы, и береговые чукчи – все прирождённые мореходы и морские охотники – сразу оценили эти вельботы, выходили на них в море и добывали нерпу, и лхтакта, и моржа, и самого кита...) Мне повезло: я получил возможность составить понятие о вельботе, едва приехал на Чукотку. Погода в конце августа стояла нелётная, просвета не предвиделось, а до начала учебного года оставалось несколько дней, и меня из Лаврентия отправили в Уэлен на вельботе. Вот так сразу посчастливилось пройти от одного океана до другого, через весь Берингов пролив, вокруг мыса Дежнёва – вожденная мечта мореплавателей всех времён и народов... И тогда же увидеть вынырывающих возле самого вельбота моржей, и фонтаны китов неподдаёму, и те самые *хвосты*, медленно и наискось уходящие в морскую пучину, и стелющиеся низко, почти вплотную, над волнами стаи топорков и кайр. Впрочем, путешествие это я однажды где-то уже описал...

А в самом Уэлене любил приходить на берег, он был в нескольких шагах от дома, и смотреть, как охотники снаряжаются в море, а после возвращаются с добычей; ещё там рядом была сопка с маяком над обрывом, откуда вельботы можно было разглядеть совсем вдалеке, возле самого горизонта, там же неподвижно стояли льды, множество разбросанных по гладкой, как стекло, поверхности моря льдин, и вельботы от них можно было отличить только по расходящимся тонким морщинкам волн. По этим морщинкам можно было определить и направление движения вельботов: если они удалялись, морщинки расходились в сторону берега, если возвращались домой – то в сторону горизонта... Пока я спускался с сопки, вельботы с моржами на буксире уже причаливали, в туши моржей, чтоб не затонули, были воткнуты гарпуны с привязанными к ним «пытыгами», надутыми нерпичьими шкурами... Вельботы сразу вытаскивали на берег; а моржи оставались перекачиваясь в лёгком приборе, переваливаясь там с боку на бок, как-то мирно, по-домашнему, и лапы их сваливались со стороны на сторону, словно у живых, только вода вокруг была красной... Приходили на берег дети, мои ученики, они брали у охотников, у своих отцов и старших братьев, карабины и несли их домой. Некоторым приходилось тащить по два, по три карабина... Подъезжал старенький колхозный ДТ-75, моржей цепляли тросом за клыки и выволакивали на берег. И кто-нибудь из детей обязательно вскакивал при этом на широкие задние лапы – чтоб прокачаться... Начиналась разделка. Подходил, опираясь на палку, какой-нибудь старик. Охотник двумя-тремя взмахами длинного отточенного ножа отхватывал большой кусок мяса, протыкал его посередине, протягивал старику, тот просовывал руку в прорезь и брёл к себе домой, неся на согнутой руке этот кусок мяса, будто муфту...

Словом, я опять к тому, что, если вам есть что самому вспомнить при виде строчки «Уходят вельботы в море», то вам всё равно, исполнена

эта строчка каких-то особых поэтических достоинств, не исполнена, – вы неизбежно привнесёте в неё собственное воспоминание, дополните вашим воображением, и одним тем уже, что оказались способны пробудить вашу память, эта строчка будет вам дорога... Мог бы, для большей ясности, сравнить эти стихи ещё с прибрежной галькой – у меня до сих пор сохраняются несколько таких вот, плоских, округлых, гладких, окатанных камешков, светло- или тёмно-серого цвета, с виду самых обычных, но ценных для меня тем, что они *оттуда*, с уэленского берега. Я помню, какими красивыми казались они, когда то и дело окатывало их прихлынувшей волной, как они там сверкали, играли, отливали влажным глянцевым блеском. И знаю: если вернуть их туда, т.е. снова поехать, как когда-то, в Уэлен и бросить на берег, где они когда-то лежали, они опять сделаются красивыми. Заиграют... Потому не стану говорить о других чукотских поэтах, ни об их стихах – принципе моего, весьма личного их восприятия, надеюсь, понятен...

Однако о некоторых впечатлениях общего свойства надо сказать. Эти впечатления – не от самой непосредственно чукотской поэзии, знатком которой я не являюсь, – они от прочтения сборника «Чукотская литература». И чуть ли не главное из них: все эти чукотские поэты, их творческие, а следовательно, и личные судьбы находились в страшной зависимости от переводчиков. А переводчики и сами были поэтами, со своими собственными амбициями, проблемами и устремлениями, со своими, исправно чередующимися взлётами и провалами. И было их там, в Магадане и на Чукотке, в общем-то, наперечёт... Поэтому очень всё понятно, когда читаешь, например, о Тынянские: «Выпустил единственный поэтический сборник «Олени ждали меня» (1978), который писал больше пятнадцати лет (и который около десяти перевёл Анатолий Пчёлкин). А вошло в него всего 18 стихотворений и поэма, давшая название книге» (с. 412). Или о Тиркыгине: «Уже в середине 1980-х годов Пчёлкин от переводческой деятельности практически отошёл. Тиркыгина это серьёзно подкосило. Едва сделав первые в литературе шаги, он фактически остался без учителя и оказался предоставленным самому себе» (с. 473). Ещё о Тиркыгине: «Если Ракеткин удалось бы в 1990-е годы издать книгу Тиркыгина в своём переводе, наверняка творческая судьба чукотского поэта сложилась бы несколько иначе и была бы чуть счастливее» (с. 535)... И т.д.

Кроме того, все эти поэты-переводчики, хоть и «патриоты Севера», но являлись на Севере людьми т.н. «приезжими», от культуры «коренных народностей» они были, естественно, далеки, многое в ней им самим только ещё предстояло постигать. «Одно из главных условий, обеспечивающих высокое качество переводов, – хорошее знание Севера, местных условий жизни, традиций коренных жителей», – справедливо пишет В.Огрызко в заключительной статье сборника «Чукотская литература» «Перекрёстки перевода» (с. 433). И что тут возразишь? Однако

это всё – в прекрасном идеале, а когда, где и в чём он осуществлялся полностью, такой идеал?.. Поэтому даже от Антонины Кымытваль, можно теперь сказать, классика чукотской поэзии, слышишь следующее признание: «Я стала бояться неточных переводов. Дошло до того, что каждый свой поэтический сборник, изданный на русском языке, я года три не могу взять в руки. Иначе начинаю расстраиваться чуть ли не из-за каждого стихотворения... Большинство переводов пока получаются далёкими от оригиналов». (С. 356) Но что же делать? Кэлюк'ым мин'кыри, как говорят чукчи – ничего не поделаешь. Никто из приезжих поэтов, разумеется, не мог знать чукотского языка, все они переводили по подстрочникам, а, как заметил ещё Пушкин, «подстрочный перевод никогда не может быть верен». (Что же касается Тони Кымытваль, она, мне кажется, давно уже т.н. «билингв» и сама могла бы стать далеко не худшим переводчиком своих стихов. И издавать их не по отдельности – на чукотском и на русском, а размещать эти тексты параллельно, в едином сборнике... Есть у меня, например, такой сборничек французской поэзии, от Вольтера до Аполлинера, в переводах русских поэтов, от Ломоносова до Бунина: слева страничка оригинального, французского текста, справа, рядом, страничка того же текста по-русски. Смотрится весьма неплохо... А для читателя Кымытваль, понимающего по-чукотски, было бы ещё и небесполезно: он имел бы возможность тут же слышать...)»

Ещё одно, немаловажное, на мой взгляд, соображение... Подавляющее большинство тогдашних «энтузиастов Севера» приехали на этот Север с уже готовым представлением о нём – по многим книгам, по Т.Семюшкину «Ангит уходит в горы», по фильму «Семеро смелых» и т.д. И с той, может быть, даже до конца не осознанной, но всё-таки заранее сложившейся в голове установкой, которая в сборнике обозначена термином «выравнивание» (с. 159), а я для себя, по-учительски, обзываю нелепую «общей программой». Тана-Богораза они вряд ли читали, но уж Ленина-то, разумеется, читали, а если и не внимательно и не *всего* Ленина, то принципы «ленинской национальной политики» усвоили хорошо. А Чукотка тех времён, т.е. 1950-х – начала 1960-х гг., была ещё такова, что там спокойно можно было чувствовать себя первопроходцем и начинателем. Поле деятельности представало необозримое... Вот они и принимались – партийные и хозяйственные работники, строители, лётчики, учителя, врачи, пекари, повара и т.д. – возводить дома, клубы, школы, больницы, переселять чукчей и эскимосов из яранг в дома, собирать детей в интернаты, прокладывая новые воздушные пути, налаживать быт, завозить с материка топливо и продовольствие, учить, лечить, кормить... Искренне желая, чтобы всё у этих чукчей с их «многовековой отсталостью» поскорее сделалось, «как у нас»...

Впрочем, и написано об этом тоже необозримо много, в том числе и в разбираемом нами сборнике, могу так же отослать заинтересовавшегося читателя к книжечке воспоминаний В.Ивакина «Между двух океанов» (Магадан, 1986).

Этот человек приехал на Север в молодости, после фронта, и отдал ему, а конкретно Чукотскому району, практически всю свою жизнь. (Для читателя несведущего: Чукотский район – это далеко не вся Чукотка, это лишь небольшая часть её, самая оконечность Чукотского полуострова.) Так вот, изъездил там за эти годы на собаках, исплывал на байдарках и велбботах, исходил пешком тысячи километров и во всякую погоду. Однажды даже прыгал с самолёта – с маленькой нашей «аннушки», безо всякого, разумеется, парашюта, а «бреюшем». Подлетели к Уэлену, дом – вот он, рядом, а сесть невозможно. Пурга начинается: сидеть, потом не взлетишь. А он дождался месяца этого самолёта. Вот Валентин Алфеевич, договорившись с лётчиком, и спрыгнул... Знаю обо всём этом даже не по его книге – в те годы, что я учительствовал в Уэлене, он работал там председателем колхоза. Мы дружили, и я был в курсе всех его хозяйственных начинаний, успехов и многих его, казавшихся поначалу неуспешными идей... Так что могу засвидетельствовать: и он, и многие другие, приехавшие тогда на Север (по зову), трудились там честно, на совесть, с предельной отдачей, главное же – с верой в безусловное *благо* своей работы. И чувствовали себя счастливыми. Тем и закончил Ивакин свои воспоминания то что счастлив... Из Уэлена его потом перевели в «Лавру», как называли мы райцентр Лаврентия, затем и в Магадан, но «с особенным ощущением счастья», как сам он мне не раз говорил, он всегда вспоминал наш Уэлен. Как «лучшую часть своей жизни». Могу его понять...

Но я здесь в связи с чем... При чтении «Чукотской литературы», в особенности разделов, посвящённых поэзии, не оставляет мысль, что и наши, приехавшие на Север с материка поэты приступали к переводам поэтов чукотских исходя из той же идеи «выравнивания», из того же искреннего желания помочь, подтянуть, как-то подвстать к уже существующей великой русской поэзии. Поскорее переселить этих «младописьменников» из их буколических, но примитивных яранг в давно обжитой и благоустроенный общий дом нашей литературы... Известно определение Жуковского: «Переводчик *в прозе* есть раб; переводчик *в стихах* – соперник». Наши – назовём их условно всех «магаданскими»,

Дети тундры

хотя иные жили и на Чукотке, – поэты, они же переводчики, ни о каком таком «соперничестве» благородно не помышляли, напротив, ощущали себя доброжелательными «наставниками», «учителями». А чукотские поэты были для них «подопечными», с которыми требовалось «вести целеструслённую и кропотливую работу». (См. «Чукотскую литературу», с. 445.) Пример такой работы на той же странице: «Внимательный переводчик не только объяснил своему подопечному, что такое сюжет и композиция, но и давал списки книг для чтения: Пушкина, Лермонтова, Фета, Горького, а затем подолгу беседовал с ним о прочитанном»... Знакомить с Пушкиным, Лермонтовым и Фетом само по себе, конечно же, прекрасно, но к чему она ещё могла привести и приводила, эта «целеструслённая работа»? Естественно, к потере начинающим поэтом своей оригинальности, самобытности, к её извещению ещё на корню... Когда долго печатать на машинке или набиратьшь на компьютере и устаешь, начинают проскакивать невольные опечатки. К примеру: *стихотворение*. Однажды я взгляделся и понял: да это же термин! Вот примеров такого «стихотворения» в имеющихся у меня сборниках чукотской поэзии можно отыскать великое множество... И они – не только результат «целеструслённой работы» учителей, но и следствие прямо детской доверчивости и такой же детской восприимчивости учеников. С одной стороны – «целеструслённость», с другой – доверчивость. «Чем народ первозданней, самобытнее, тем он чище, доверчивее» – как сформулировал однажды один мой герой. И эту доверчивость, и её последствия приезжим доброжелателям надо было бы учитывать в первую очередь...

Много чего надо было учитывать!.. Не забуду, как однажды я, молодой учитель, решил сходить со своими шестиклассниками «в поход», в старинное эскимосское селение Наукан. Это километрах в двадцати от Уэлена, через тундру, сопки, распадки. Снова через сопки... Был сентябрь, начало осени, но уже выпал первый снег. Мы брели по этому снегу, переходили вброд через незамерзшие ручьи и речки... Наукан стоял на крутом обрыве, над Беринговым проливом, кругом было дикое нагромождение скал. Место необыкновенное!.. В самом селении никто уже не жил, но там же был маяк, при нём станция, где проживали четыре человека, обслуживавшие этот маяк. На этой станции мы переночевали, на другой день двинулись обратно, нас застигла... настоящей пургой не назовёшь, но что-то вроде слабой метели – ветерок со снегом... Впечатлений, в общем, было предостаточно. У меня, по крайней мере... После, как водится, я задал своим ученикам написать сочинение об этом путешествии. Ожидая от них, естественно, какого-то взрыва чувств. Но получил спокойные и точные отчёты: сколько ручьёв перешли, где повернули, где был подъём, где спуск, где останавливались на привал... Ни слова о «непередаваемой красоте окружающей природы», о собственных «незабываемых ощущениях»... – только приметы пути. Я понял: они, дети тундры, описали самое важное и самое интересное для себя... И старики-чукчи, которые так любили светлыми летними ночами

сидеть на берегу моря... – они, глядя на морскую гладь, на застывшее над горизонтом солнце, вовсе не медитировали, не погружались в воспоминания, не предавались размышлениям о прожитой жизни, они, как догадался я однажды, по каким-то своим, только им известным приметам определяли, какая завтра будет погода. И соответственно – какая охота... А русская классическая поэзия, на которой воспитывались и на которую невольно ориентировались наши магаданские поэты в общении с чукотскими, – это на девяносто процентов именно оттенки ощущений, воспоминания, размышления, грусть о былом, «природа»...

Да, можно бы, конечно, предположить, что чукотская поэзия оказалась столь уязвима оттого, что была ещё очень молода, находилась, можно даже сказать, в младенческом состоянии и собственный опыт её был ничтожен – ведь и создание самой чукотской письменности в нынешнем её виде исчисляется всего-то с начала 30-х годов прошлого века. Но возьмём искусство танца или резьбы и правировки на моржовых кладах – тут, безусловно, ощущалась великая древность, тот самый первобытный синкретизм, наглядно дошедший до наших дней... Однако даже эти многовековые традиции не устояли – сам, к сожалению, мог наблюдать, как постепенно и неуклонно доставал их общий наш «прогресс». Приехал как-то в Москву из Анадыря на Всесоюзный смотр художественной самодеятельности чукотско-эскимосский танцевальный ансамбль «Эргырон». Я, конечно же, пошёл. Впечатление было довольно мрачное. Ничего от тех танцев, на которые я с таким наслаждением смотрел когда-то в маленьком уэленском клубе, не осталось. Взамен получился некий «балет». А художественный руководитель, которого я специально отыскал за кулисами, чтоб поговорить – молодой парень, сам родом из Ленинграда, – ещё сетовал, что никак не могут эти чукчи и эскимосы освоить какой-то там «длинный шаг», забывают «тянуть носок»... При чём там был этот «длинный шаг», при чём «носок»? Танцы эти зародились и исполнялись в долгие полярные вечера, в тесноте зимних яранг, ноги там вообще не участвовали! Вся экспрессия сосредотачивалась в движениях туловища, головы, рук. Видел бы он, как великий Нутегаин воспроизводил свой «Полёт чайки против ветра» – практически не сходя с места!.. Но теперь, говорят, и «Эргырон» с советским его названием («Рассвет») давно нет, теперь там какой-то другой, ещё более современный ансамбль, и танцоры его наверняка уже обучились «тянуть носок»... А в истории уэленской костерезной мастерской был такой печальный период, когда десантировали в неё «для усиления» бригаду резчиков из Холмогор и тем самым столкнули две совершенно различные традиции, два далёких друг от друга стиля. Чукотские резчики работали в своей исконной монументальной, строгой, лаконичной манере, вырезали в основном фигурки животных, холмогорцы совершенствовались в сквозной, узорающей резьбе, выделяли вазы, ларцы, шкатулки. И тоже принимались «учить». И тоже не безуспешно... Об этом, впрочем, также много написано, об

этом можно прочесть у магаданского искусствоведа Л.Е. Тимашевой в её работе «Современная чукотско-эскимосская резная кость» (Магадан, 1967), упомянуто в книге московского искусствоведа Т.Б. Митлянской «Художники Чукотки» (Москва, 1976), не раз писал и я в своих очерках... Шла борьба за сохранение самобытности в чукотском костерезном искусстве, и чего-то удавалось всё-таки отстоять... Теперь же, когда искусство это, по слухам, откровенно коммерциализовалось, всякие такие проблемы – «преemptивности», «чуждых влияний», «возвращения к

возможность узнать об Айнаквыргине Емельяне, «чукотском литераторе», который «11 декабря 1966 года опубликовал в газете «Советская Чукотка» на русском языке рассказ «Испытание»» (с. 449). Или о Воттыргине, другом «чукотском литераторе», написавшем стихотворение «Омолон», также напечатанное в газете «Советская Чукотка» (с. 454). И всё... Странно. Об авторе одного рассказа или одного стихотворения сообщается, а об авторах целых поэтических книг – нет. Не столь ведь и много имён в едва зародившейся чукотской литературе! И каким принци-

традициям» и т.п. – отпали сами собой, теперь диктует не «художественность», но «заказ и спрос»... И таких мастеров-резчиков, как Хухутан, Вуквутагин, Туккай, таких гравировщиц, как Эмкул, Тынатвал, Янку, – у которых каждая созданная ими фигурка, каждый расписанный клык были единственными, неповторимыми, – таких художников, конечно, уже не будет...

О нынешнем состоянии чукотской поэзии в сборнике «Чукотская литература», к сожалению, ничего не говорится – впечатление, что история её оборвалась где-то на рубеже конца 1980-х – начала 1990-х годов. Все имена – из тех ещё времён, новых нет. Но и прежние упомянуты не все. Не сказано почему-то ни слова о двух несомненно талантливых эскимосских поэтессах – Татьяне Ачиргиной (род. в 1944-м) и Зое Ненлюмкиной (род. в 1950-м). Были в своё время участниками различных всероссийских литературных семинаров, получили различные премии. У каждой вышли собственные сборники стихов: у Т.Ачиргиной «Белоночь» (Магадан, 1982), у З.Ненлюмкиной – «Птицы Наукана» (Магадан, 1979). Стихи Ненлюмкиной уникальны ещё тем, что написаны на науканском диалекте эскимосского языка, теперь, – и опять же без доброго пощения властей! – практически исчезающем... Об этих поэтессах, может быть, ничего в своё время не написали В.Огрызко и В.Христофоров, но были отклики других критиков, можно было поместить какие-нибудь из них. Можно было, наконец, хотя бы упомянуть о них в «Приложениях» к сборнику, где сообщаются краткие биографические сведения о чукотских писателях и литераторах, но и там ни звука. Зато имеешь воз-

можность руководствоваться в этом случае В.Огрызко, составитель данного биографического словаря, судить трудно...

«Ещё раз уточним: книга «Чукотская литература» посвящена литературе именно чукчей. Творчество эскимосов – тема другой книги «Эскимосская литература», которая в данный момент находится в производстве. – *Прим. редактора.*

Об этом словаре стоит сказать отдельно. Общее впечатление грустное, если не сказать гнетущее: перечень безвременно ушедших. И забытых. Некролог в соединении с мартирологом. В.Кеулькит, 1929 – 1963. Умер в Ленинграде. 34 года. В.Тымнэтуге, 1935 – 1965. 30 лет... М.Вальгиригин, 1939 – 1978. Не достиг, как видим, и до сорока... В.Тынескин, 1945 – 1979. 34 года. Нашли замёрзшим в тундре, рядом с грудой пустых бутылок... С.Тиркыгин, 1949 – 2001, 52 года. То же, в общем-то, не возраст. «Его путь оборвался перед новым взлётом», – как написано о нём на с. 300... В.Анхаки, 1954 – 1995, 41 год. А.Атаукай, 1932 – 1974, 42 года. Н.Путегин, 1927 – 1967, 40 лет. В.Етытегин, 1939 – 1959, 20 лет. Учился в Ленинграде, на факультете народов Севера, «погиб». Могу представить себе, как он там погиб... Ф.Тынэтэгин, 1920 – 1940. Учился в Ленинградском институте народов Севера. «Увы, сырой ленинградский климат оказался не для Тынэтэгина. Молодой студент вскоре заболел туберкулёзом. Умер в 20 лет... (Вообще у всех этих ленинградских учебных заведений «для народов Севера», созданных всё с теми же благими намерениями: поскорее их «образовать», «подтянуть», – име-

лось и другое, более мрачное, но точное наименование: «Кладбище народов Севера»). Н.Токе, 1936 – 1983. Писал стихи, собирал чукотский фольклор. «Но, увы, песни Токе оборвались слишком рано. Он умер от туберкулёза». «Одна тетрадь сохранилась у Антонины Кымытваль, другая, видимо, потерялась». Р.Рагтытваль, поэтесса, 1939 – 1988, 49 лет. «Что потом стало с рукописями Рагтытвал, неизвестно... В.Калычайвыргин, «трагически погиб» в 2000 году. «Что стало с рукописями, пока неясно»... Даже о Л.Г. Тыныль (1932 – 1999), женщины на Чукотке когда-то заметной, – закончила Ленинградский пединститут, работала в Магаданском издательстве, принимала большое участие в судьбе начинающей Тони Кымытваль, побывала даже председателем Чукотского окрисполкома, т.е. фактически «начальницей Чукотки», – узнаём: «Судя по всему, она не раз бралась за перо, пыталась что-то сочинять. Но куда делись её наброски?» (с. 478)... Но что какие-то наброски, тетрадки, рукописи? Про поэтессу Т.Эйнены, о которой уже начала неплохо отзываться магаданская критика («острота, драматизм, точность передачи настроения» и т.д.), в данном биографическом справочнике читаем: «Как потом сложилась судьба Эйнены, неизвестно» (с. 482). А годь... это не какой-нибудь глухой XIX век – судя по всему, последние советские, не столь уж и далёкие годы...

В связи с этим многое можно было бы сказать, но ограничимся тем, что говорится в сборнике «Чукотская литература». А говорится там, к сожалению, мало, тему эту, «важную не только с литературоведческой точки зрения, но и с чисто человеческой», затронуть, кажется, лишь один автор, А.Трапезников, в связи с печальной участью В.Тыныскина. Цитирую поэтому полностью. «Ведь мы знаем, – написал он, – сколько одарённых поэтов и прозаиков Севера, представителей малых коренных народов, слишком рано уходят из жизни: кто-то кончат с собой, как эскимос Юрий Анко, кто-то спивается, кто-то пропадает бесследно. В чём причина? Точных статистических данных нет, но, наверное, в процентном отношении количество смертей в творческой среде представителей малых народов Севера, Сибири и Дальнего Востока намного выше, чем у русских. Не выдерживают испытания славой? Или несовместимость миров, когда переход зыбкой границы быта и культур уже сам по себе является опасным шагом на краю бездны? Это очень серьёзная проблема, над которой должны думать и социологи, и философы, и этнографы, и культурологи, и психологи» (с. 315). Позволю себе слегка прокомментировать. Насчёт того, что «не выдерживают испытания славой» – смешно. Не такая уж на этих авторов одного-двух сборничков, изданных в далёком местном издательстве, и авторов одного-двух стихотворений, пробившихся в какой-нибудь столичный журнал, – не такая уж в итоге сваливалась на них оглушающая слава. Вот насчёт «несовместимости миров» – серьёзнее. Но я бы там вставил словечко «были»: «должны были думать». То есть раньше надо было думать!.. И имея в виду не только «творческую среду», но и целиком все эти «малые народы»...

Впрочем, они ведь и думали – те же учёные, путешественники, этнографы, писатели. Наблюдали, размышляли, оставляли свои записки. Ещё у Тана-Богораза можно было, например, прочесть, что «чукчи вообще проявляют склонность к самоубийству». Причём такое самоубийство вовсе не являлось признанием окончательного своего поражения, какого-то «жизненного краха» и т.п. – оно, напротив, могло быть следствием мгновенной обиды, злости, гнева, желанием наказать обидчика, и хоть и таким способом, но *победить* его, возвыситься над ним. (См. В.Г. Богораз, «Чукчи», Ленинград, 1934, ч. 1, с. 27.) Там же – о болезненно-обострённом восприятии, точнее, неприятию всего чужого. Помню очень когда-то поразившую меня историю, как В.Г. Богораз, путешествуя «среди чукоч», остановился в какой-то яранге, занёс туда свои вещи, и, когда принялся рассказывать, хозяйка яранги лишилась чувств. А приди в себя, объяснила, что на неё таким образом подействовал «запах чужой коробики»... Всего лишь... Словом, многое и у многих, не только у Тана-Богораза, было давно подмечено и описано, надо было только дать себе труд внимательно прочитать и запомнить, а главное – сделать выводы... А мы навалились к нашим северным народам со своими «чужими коробками» безо всяких сомнений, твёрдо веря, что несём лишь безусловное благо...

«Критерий поистине великого и сильного народа, помимо всего, ещё и в том, насколько он позволяет жить рядом с собой малому народу. Не только не являя ему свою «силу», но и не навязываясь с так называемым «прогрессом»! – к такому заключению пришёл когда-то мой герой, уленский учитель. И теперь, исходя из этого, исходя т.е. из нашего результата общения с северными народностями, с очевидностью надо признать, что мы – народ, увы, не великий... Как догадались не столь давно, что не бывает народа «малого», есть «малочисленный», так пора осознать, что может и не быть народа «великого», может быть просто «многочисленный». Пока ещё «многочисленный»... И проблемы у него оказались всё те же, что у «малого». Да, как-то вдруг и парадоксально всё вывернулось! Мы взяли спасти «забытые и утённые» народы от вымирания – теперь нам самим надо спасаться от вымирания. Мы считали их «отсталыми» – выяснилось, что и сами опять, в который уже раз, «отстали». Мы хотели избежать их от «пережитков проклятого прошлого» – сейчас нас самих вовсе избегав от «пережитков прошлого». Причём от тех самых «пережитков», во имя которых уничтожали мы те, прежние «пережитки»... Мы искореняли культ шаманства – теперь вокруг нас самих полно самого низкопробного «шаманства»... Мы удивляли чукчей «чудесами техники» – теперь сами удивляемся очередным «чудесам техники»... Мы были счастливы, переселяя их из яранг в дома – теперь наши божки, которых уже неисчислимо больше, чем тех же чукчей, были бы рады даже такой яранге... «Чукчи склонны к самоубийствам» – у нас количество самоубийств также возросло неизмеримо... Нас упрекают теперь, что мы споили наши «малые народы», но кто в таком случае споил нас?.. Мы

как-то всё-таки пытались сохранить их «самобытность» – но куда подевались при этом наша собственная?.. Мы даже старались, чтоб у них образовалась своя литература – но что за это время сделалось с нашей, «великой русской»?.. И тд. Короче: «Мы кажемся себе европейцами в сравнении с чукчами, но в глазах европейцев – мы те же чукчи» – как опять же говорил когда-то мой герой... Этот грустный пассаж, конечно, несколько увёл нас от темы, но он, видит Бог, напрашивался...

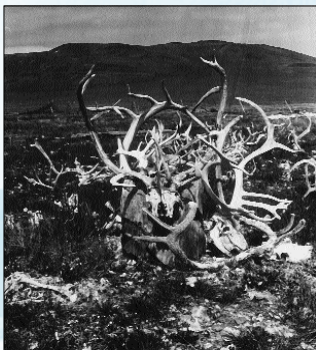
Зато как-то даже весело было, в отличие от чукотской поэзии, читать раздел, посвящённый чукотской прозе. Ибо чукотская проза – явление своеобразное, уникальное. Такого, наверное, нигде, ни у одного народа больше не встретишь. Вся она – ну если не считать двух-трёх авторов, сочинивших по «одному рассказу» – представлена *единственным* писателем. Юрием Рытхэу. Соответственно, этот раздел «Чукотской литературы» так и озаглавлен: «Мир Юрия Рытхэу». Раздел обширный, занимает чуть ли не треть всего сборника. Десятка два статей – и все о Рытхэу. О нём успели написать даже такие «мамонты» чукотской словесности, как ТСёмушкин и П.Скорик. Но всё это и неудивительно – как только что было сказано: другого-то нет!.. Почему так получилось, что за все годы заботливой советской власти никого рядом с Рытхэу в чукотской прозе не воспиталось – понять трудно. И разбираться уже не хочется. Думаю, однако, что само Рытхэу вот это положение его «единственности» очень даже устраивало. Устраивало, видимо, и саму власть...

Статьи об этом писателе в сборнике подобраны не тенденциозно, разброс мнений о его творчестве велик – от самых восторженных суждений до весьма нелюбительных. С одной стороны, например, читаем: «В Рытхэу счастье соединилась судьба человека, вместе со своим спасённым революцией от вымирания народом преодолевшего за одну жизнь несколько историко-революционных этапов, и дар писателя, художественно, образно осмысляющего это преобразование народа...» (Н.Подзорова «Волшебное зеркало Рингына», 1979, с. 137). Или: «Может быть, только, пожалуй, Рытхэу более всех преуспел в романтизации жизни северных народов, в первую очередь благодаря исключительной художественной силе... После романов Рытхэу хочется хотя бы раз в жизни пробежать по летней тундре...» (Михаил Бойко «Морж на галечной отмели», с. 235 – 236). Чукотская тундра летом, надобно заметить, – это усеянная сплошными кочками и вдобавок напитанная водой местность, там не то что «пробежать», но и просто идти – затруднительно... Но ещё: «Юрий Рытхэу раздвинул горизонты родного Наукана и Уэлена – впрочем, и всей Чукотки – до мировых масштабов» (Владимир Христофоров «Ралсоды чукотской тундры», с. 277). Ну и в таком духе... А с другой стороны, можно прочесть: «За самый бездарный в художественном отношении и лживый с исторической точки зрения роман про первый рейс Чукотки «Конец вечной мерзлоты» Рытхэу получил в 1983 году Государствен-

ную премию РСФСР имени Максима Горького... С тех пор Рытхэу написал ещё с дюжину романов. Увы, ни один из них не стал событием даже в чукотской литературе. Может, потому, что сочинялись они с холодным сердцем и трезвым умом». (Вячеслав Огрызко «Время гтаяния снов», 1998, с. 242.) Довольно прохладно воспринимают творчество Рытхэу Александр Титков («У каждого своя правда») и Юрий Козлов («Молчание снегов»). Так что читатель, внимательно ознакомившись с разделом «Мир Юрия Рытхэу», получит об этом писателе вполне разностороннее представление... Мне же был интересен не феномен «родоначальника чукотской литературы» – в его возникновении нет никакого «биноу Ньютона», – но феномен восприятия его нашей критикой. Скорее наглядная трансформация этого восприятия. «Критика обязана дать широкому читателю полное представление о победах и проблемах новых литераторов, которые являлись дорогим детищем советской власти, ленинской культурной политики», – как написала в своей статье «Путь к писателю» (1978) одна из авторов сборника Ирина Осмоловская (с. 156). Была «обязана дать» – и дала. *Давала*... А потом критика вдруг перестала быть обязанной давать представление о «дорогом детище советской власти», но получила возможность оценить это «детище» беспристрастно и трезво. И соответственно не замедлила...

Мне о Рытхэу ни разу писать не доводилось, да и желания, откровенно говоря, никакого не было. Лишь однажды, где-то в конце 1970-х или начале 80-х... Я тогда только что завершил очередную свою, долгую поездку по Чукотке, проехав три, размером с Европу, района, побывав везде – от кабинета директора «атомки», где батареи нагнтели прямо тропическую жару, и в огромных кадках произрастали огромные пальмы, и по телефону на столе директора можно было мгновенно и напрямую связаться с Москвой, и до папушей яранги в тундре, где всё оставалось неизменным, как и много веков назад, лишь пресловутая «Спидола» смотрелась каким-то одиноким и странным анахронизмом... В общем, получилось буквально: «от пальмовой лозы до ледяного мха». И проблем там было, как всегда, полно: и с той же «атомкой», и с «передвижными домками» для тундровиков, и с «применением техники в оленеводстве», и с бытом горняков на дальних приисках, и с обустройством прибрежных посёлков, и с «экологией», и проч., и проч. А главное, не предвиделось в их решении никаких радужных перспектив. Каждый раз, приезжая на Чукотку, приходилось сталкиваться с одними и теми же проблемами. Разве что усугублялись...

Тогда же попала на глаза недавно вышедшая книжечка Рытхэу, не помню её названия, помню, что очерковая и о тех же местах, где я только что побывал. Так, пустая, набор общих фраз, суть которых сводилась к затверженному: «какой благодаря советской власти и её мудрой политике славный путь, всего лишь за несколько десятилетий, прошла Чукотка – от жирнирка до атома... Книжечку такую спокойно можно было слепить, не покидая Ленинграда... Я, ведь ещё во власти собственных впечатлений, разозлился. Встре-

тился как-то в ЦДЛ со знакомым критиком, сказал ему, что решил наконец написать о Рытхэу. Объяснил, в связи с чем. Критик был серьёзный, занимался «проблематикой творчества Толстого», «проблематикой творчества Достоевского», литературная течучка его не интересовала. Скорее философ, чем критик. Поэтому даже не сразу меня понял. Пришлось повторить. «Писать о Рытхэу? Но это же, согласись, несерьёзно», — сказал он. — Это — моветон! Тем более его обличать... Да и за что? Вы там взялись строить новую жизнь, «нести свет». Поэтому ваше дело — переживать из-за всяких неудач, мотать себе нервы. А их дело простое — благодарить. Вот они и благодарят... Потом я и сам остыл — насчёт Рытхэу. Написал свою дорожную повесть — «Снега былых времён». Как обычно — с «проблемами», с ностальгией. Для самой нашей главной тогдашней газеты «Правда» написал статью про «не до конца ещё налаженный быт оленеводов». Назвал «От атома до жирника». Что полностью соответствовало... Какие-то «проблемы» из неё выкинули, какие-то оставили. Сняли, конечно, заголовок, взамен придумали что-то свежее, образное. Кажется, «Оленными тропами»...

Но теперь, в связи со сборником «Чукотская литература», о Рытхэу всё-таки надо что-то сказать. Хотя по-прежнему не вдохновляет. Поэтому ограничусь, пожалуй, тем, что просто приведу кой-какие отдельные, «возникшие по ходу» соображения. Не систематизируя их, не выстраивая в логический ряд, но в том порядке, в котором они у меня записались. И не особенно-то стараясь доказать. Тезисно.

...Об этом «славном сыне чукотского народа» и сами чучки говорили неохотно. Помню, в Уэлене — откуда он, кстати, родом — разговаривал я со стариками. Ещё живы были Татро, Армоль, Тайгёк. Пришло в голову спросить про Рытхэу. Как, дескать, относятся они к его книгам? Старик долго мылся, отвечать не хотели, наконец, кто-то сказал: «Не всегда правду пишет»... Надо

знать чучек. В переводе с их вежливого на нормальный русский это звучало бы: «Врёт, как свый мерин»...

В статье А.Титкова (с. 267) — высказывание Рытхэу. Уже из сегодняшних, т.н. постперестроечных. «Далёкий украинец считался таким же хозяином чукотской земли, как и сам чучка. Но существовало маленькое отличие: чучка не являлся хозяином украинской земли и не имел никаких прав на урожай украинского крестьянина». Разумеется! Вся эта мука, масло, тушёнка, стуженка, крупы, разнообразные овощные консервы, компоты, картошка, яблоки и проч., которые каждый год исправно завозились в магазины чукотских посёлков, — всё это, конечно, производилось тут же, в ледяной тундре. Самими чучками...

...Вечный конъюнктурщик. Когда он не устал твердить, как хорошо зажила наконец Чукотка при советской власти, это у нас, представляющих истинное положение дел, не могло вызвать к нему уважения. Но если бы он и теперь, когда власть эта рухнула, продолжал вспоминать, «как хорошо жила Чукотка», — я бы его даже завужал... Но теперь для Рытхэу «главное зло — насильственно внедряемый на Чукотке образ жизни, ассоциируемый с русскими». Ю.Козлов по этому поводу пишет: «И это, в общем-то, объяснимо. Маятник национальной словесности, излишне заведённый в советское время в сторону уважения к старшему брату, должен точно по такой же амплитуде качнуться в другую сторону — отрицания этого самого самозванного брата...» (с. 271). Казалось бы, всё так, да только человек — не маятник. Не должен быть маятником! Тем более человек мыслящий, «писатель». (Вспомним: «Всякое влияние, у человека ли, у рыбы, есть признак слабости»...) И тем более качнулся он не в сторону полной наконец самостоятельности своего народа, но в сторону теперь другого, «американского брата». Так, в интервью киевскому еженедельнику «Бульвар» на вопрос «Если бы Чукотка принадлежала не России, а Америке, было бы лучше или хуже?», Рытхэу прямо заявил: «Думаю, значительно лучше для моего народа». Просто не повезло нам со «старшим братом» (с. 265). Год интервью — 2004-й...

Что на это сказать? Тут лишь вспоминается один из рассказов любимого в детстве Джека Лондона. Описывалось в нём, как человек шёл по заснеженной холодной равнине. Его сопровождала собака. Человек шёл долго, выбился из сил, упал и замерз. А собака повила немного да и побежала себе — туда, «где были другие податели корма и огня»...

А с другой стороны... У нас и своих, «внезапно прозревших», хватало... И с высоких трибун принимались «обличать» и «разоблачать», и партбилеты свои с экранов ТВ, те на виду всего честного люда, начали жечь, и т.д. Что же теперь спрашивать с бедного Рытхэу? Но в связи с этим возникает другой, может быть, самый главный вопрос нашего времени: что, если через какие-нибудь очередные семьдесят лет мы опять сообразим... а точнее, Запад опять внушит нам, что мы не по той дорожке идём, не туда зашли, и весь «цивилизованный мир» давно уже строит «просвещён-

ный коммунизм», а мы так и погразили в своём «лещерном капитализме»... и потомки наши с той же страстью примутся снова крушить, обличать и разоблачать... — можно ли будет после этого продолжать серьёзно говорить о какой-то нашей «своей истории», «собственном пути», о какой-то там «русской идее» и т.п.?

...Писатель из Рытхэу действительно — никакой. Для меня писатель — это не «идеи», не «проблемы», и даже не «герои», и тем более не «сюжеты», это прежде всего — язык. И только через язык — «идеи», «герои» и т.д. Но какой язык мог быть у Рытхэу? Вот если бы он писал на чукотском... И у него нашёлся бы сильный «переводчик-соперник». Как, скажем, у Рамзатова В. Солюхин... Но он совершил ту ошибку, что с самого начала стал писать по-русски, т.е. на чужом, не родном для него языке. Его русский — это хорошо усвоенные трафареты. Недаром критики, погружаясь в «мир Рытхэу», пишут о чём угодно: о «проблемах», о знании писателем местных обычаев, об использовании чукотского фольклора и т.д. — только не о языке. Лишь в одной статье (Ефим Роговер, Марина Колупаева «Надежда после катастрофы» авторы рискнули обратиться к языку Рытхэу. И что же их там восхитило? «Яркий ковёр расцветшей тундры»... — сколько ни ходил по чукотской тундре, в глаза не видел этого «яркого расцветшего ковра!» — «чистая прозрачная вода», «большие серо-зелёные глаза», «свинцово-серый цвет осени» и т.п. (с. 228). Т.е. банальнее не выразишься... Да что тут объяснять? Возьмите наугад любую страницу из Бунина и перечитайте — и не потребуются уже ничего объяснять... Но вот это загадочное восхищение нашей критики творчеством Рытхэу — явление более интересное, чем само это творчество, и могло бы явиться предметом отдельного исследования...

Впрочем, мне, как человеку, когда-то преподававшему в чукотской школе русский язык и литературу, это понятно. Среди чукотских и эскимосских детей в каждом классе у меня обязательно было несколько русских. И с них я требовал, как положено. За одну всего лишь ошибку при письме ставил «четыре», за пять ошибок — «два». Но имелся у меня, например, и такой ученичок, как Петя Икупчейвун. Нормальный, живой, любознательный чукотский подросток. Однако с русским языком у него продвигалось туго. И не он в этом был виноват — давила та самая, «общая программа». В начале года делал в диктанте по двадцать ошибок. К концу года — десять. И мне приходилось доказывать на подсказках, что я имею право оценить его успехи хотя бы на «три». А если бы он написал мне всего с двумя-тремя ошибками, я бы ему на радостях нарисовал бы «десять»!.. Вот и Рытхэу, как писателю, исходя из этой «относительности критериев», поставил бы законный его «тройку». Но о каких-то там «художественно-эстетических воплощениях», об «индивидуально-своеобразных чертах его творчества» (с. 157) — говорить бы поостережётся...

А свой чукотский он, видимо, основательно подзабыл. В «Приложениях» к «Чукотской литературе» можно прочесть, что «почти все его про-

изведения, изданные на чукотском языке, переведены Линой Тынель» (с. 478). То есть, надо понимать, с русского языка Рытхэу — обратно на его «родной чукотский»... Кстати, из тех же «Приложений» можно узнать, какое живое участие в писательской судьбе Рытхэу, и особенно в начале его пути, принимали Т.Сёмушкин, П.Скорик, та же Л.Г. Тынель и др. Но ни в одной из биографий других чукотских литераторов нельзя найти, что кем-то из них, своих молодых земляков, заинтересовался Ю.Рытхэу, в ком-то, в свою очередь, принял такое же непосредственное участие, кому-то по-писательски помог. Наверное, и в голову не приходило...

Один несомненный талант у него был — *имитации*. Писатель С.Есин, из нашей тогдашней когорты «сорокалетних», написал в своё время интересный роман (или повесть?) — «Имитатор». Там о художнике, который не был подлинным мастером, но как-то сумел им прикинуться. И многих в этом убедить. К Рытхэу вот это определение «имитатора» приложимо полностью... Тем более что и вся власть с её «ленинской национальной политикой», и литературные начальники, и всегда послушная им критика — все ему и всячески в этом деле способствовали... А он очень чувствовал, где и как выглядеть, что и как-

да говорить... «Во все времена советской власти ясным компасом, указывающим верное направление, была ленинская национальная политика, дающая равные права для развития культуры больших и малых народов» (Ю. Рытхэу, речь на 6-м пленуме Правления Союза писателей РСФСР).

Но для меня самое удивительное в Рытхэу — не его «творчество», и не его «популярность», всё это довольно скоро исчезнет и без следа, но это его умение жить и раскрепосно чувствовать себя вне родины. Поясню. Я уже писал где-то, что для эскимосов и чукчей, особенно береговых,

«анкалинов», понятие родины весьма локально, для них и соседний посёлок, километров всего за двадцать – и вроде такое же там море, и коса, и лагуна, и сопки... – а всё равно чужбина... Тем более вовсе непривычный европейский город. Там они тоскуют, болеют, умирают. Об этом же и в прижизненных к «Чукотской литературе» биографиях, там то и дело: «заскучал», «заболел», «вернулся». А то и вовсе: «погиб». И по собственному опыту помню: закончил твой ученик школу, поехал в Магадан, в Хабаровск, Владивосток, поступил там в какой-нибудь техникум. И рад за него. Получит специальность, потом, может, и в институте продолжит... И вдруг – не прошло и полгода – видишь: идёт по родному Уэлену, опять в своих нерпичьих портках, кухлянке, торбазе, рот до ушей. «Что ж ты, Витя?!» Махнёт рукой: «А, надоело!... Но вот в чём дело: опять почему-то за него рад. Спокоен...

У Рытхэу такой проблемы, как «тоска по родине», не возникало. Почему? – вдаваться в это не хочется... Но для писательского дела, которому он решил себя посвятить, это оказалось даже положительное, ценнее, чем «талант». Проживавший в культурном центре, всё тут – и журналы, и издательства – под боком, и сам ты постоянно на виду, и для всех ты по-прежнему «национальный кадр», представляешь «далёкую неизведанную Чукотку». Все выгоды от такого «промежуточного», «посреднического» положения Рытхэу быстро понял и оценил.

Я его для себя называл «Чукотский сирота». Но не в связи с известным фактом его биографии, а по аналогии с давно бытовавшим на Руси определением «Казанский сирота». Что это такое? В старом сборнике М.И. Михельсона «Ходячие и меткие слова» написано так: «О казанских мурзах (татарских князьях), которые пользовались добротой русских и извлекали себе выгоды, то переходили на службу, то клянчаньем, то переходом в русскую веру». Кстати, среди московских литераторов ходил слух, что он выдавал себя за «сына чукотского вождя». Конечно, вдали от Чукотки это было возможно – откуда доверчивой, начитавшейся Джека Лондона здешней публике было знать, что у чукчей, в отличие от индейцев, отродясь не бывало «вождей»? Имелись в стойбищах свои силачи, «эрмечины», были пользовавшиеся уважением удачливые охотники, а вот «вождей», в том статусе, как у индейских племён, не водилось...

С Чукоткой он, конечно же, не порывал, навещал регулярно. Понятно, что без неё в литературе он был бы полный ноль... Но ездить туда не как мы, несчастные «чухавшие северяне», не из ностальгии... – когда подражаешь на любой «деловой очерк», а на самом деле лишь бы постоять ещё раз на уэленском берегу, – цели у него были весьма конкретные, практические. Новости, «проблемы», местная «злоба дня». Может быть, подвернётся какой-нибудь «сюжет». Заодно развеять, над чем там бьётся, за что сражается со своим начальством магаданская пишущая братия, что у них там уже «проходит», а что ещё «не проходит». Не пора ли самому поднимать очередной «животрпевающий вопрос», но уже на уровне «центральной прессы»... И т.д.

В связи с этим одна забавная история. В конце 1970-х х побывал я опять в Чукотском районе и, конечно же, в своём Уэлене. Всё наладившееся там было хозяйство рухнуло. И опять в связи с «нововведениями»... Приходило в упадок оленеводство, сокращались морзверобойный промысел... Впервые услышал я такой термин, как «планово-убыточное хозяйство». Те. данный, например, совхоз заранее уже считался «убыточным», и приносимый им убыток даже предусматривался в «плане»... Местному населению нечем было заняться, негде стало работать, и появился ещё один термин: «неперспективные посёлки»... Но вот парадокс: население того же «неперспективного» Уэлена при этом резко увеличилось! Но не за счёт самих чукчей и эскимосов, а за счёт «приезжих». Стало их там чуть ли не больше, чем «коренных». Шли, однако, не в морзверобой и оленеводы, пристраивались в «сфере обслуживания». В когекарке, в магазине, в общепите... Сама «сфера» не сказать, чтоб резко проехла, – как была, к примеру, одна столовая, так и осталась, только работал в ней уже не один человек, который спокойно прежде со всем управлялся, но сидел и скукал семь приехавших с материка тёток... В общем, «понаехали там»...

Об этих и многих других, но столь же невинных впечатлениях от Уэлена, я, вернувшись в Москву, написал большой очерк «Прощание с Уэленом». Спросил там, в частности, что, если ситуация с «приезжими» пойдёт и дальше так развиваться, можно ли будет через несколько лет называть древний Уэлен «чукотско-эскимосским» посёлком. Нарисовал своё видение и свой проект «возрождённого» Уэлена... Но ни в одном из московских журналов, куда я относил свой очерк, публиковать его не решились. Один знаемый редактор сказал прямо: «Ну чего ты хочешь? Американцы и так нам плешь проедали, что мы не знаем, что делать с нашими «малыми народами», а тут ещё ты подливаешь масла в огонь!» Я уже собирался распечатать свой очерк в нескольких экземплярах, чтоб разослать, как это водилось, в ЦК, в Комитет по народам Севера (или как он там назывался?), в наш Союз писателей, и на том покончить, но вспомнил, что не побывал ещё в одном журнале, в «Дружбе народов». Отдал и туда своё «Прощание...» – так, безо всякой надежды, уже из принципа, – а там вдруг взяли. С «некоторыми сокращениями», но всё-таки взяли! Тогда я послал копию очерка ещё в чукотскую «районку», в «Зарю коммунизма», тогдашнему её редактору Славе Глушко. Написал ему как есть: что обещаю напечатать в «Дружбе», но ведь поступит к ним этой «Дружбы» на весь район экземпляра два-три, и кто её прочтёт, а мне хотелось бы выйти на широкого, на своего чукотского, на своего уэленского читателя... А Слава как раз собирался уезжать с Чукотки, «с концами», терять ему уже было нечего – взял да и напечатал. В семи номерах подряд, по полосу в каждом, весь очерк (Эту подшивку мне прислали, и я храню её, как одну из самых дорогих для меня публикаций)...

Потом мой товарищ, журналист из той же «Зари...», писал мне, что номера «зачитали до дыр», что чукчи, когда я опять приеду, «отвезут меня в

тундру и посадят там на шкуру белого оленя», – если ещё до того «не пристрелит кто-нибудь из «приезжих»...». Ещё написал, что газету с очерком уже затребовал окружной КГБ, на предмет, не проповедаются ли в нём идеи «чукотского национализма»... Но тут подоспела «Дружба народов» с тем же очерком, и в Анадыре успокоились. Если уж сама столица «дала добро»... И ещё написал, что как раз в те дни, когда они печатали очерк, в Лаврентия (в райцентре, то есть) проживал Рытхэу. Товарищ мой, конечно, ходил к нему в гостиницу, брать интервью насчёт «дальнейших творческих планов», и передавал, что Рытхэу там «напислся, плакал и кричал: «Почему не я это всё написал?!»... Не знаю. Лично у меня вызывает сомнение, что Рытхэу мог «напиться и плакать». Сам я «напившимся» его никогда не видел, да и вообще и во всём он был человеком весьма осмотрительным и осторожным. А впрочем, оказавшись в глуши далёкого чукотского райцентра, мог, наверное, и позволить себе... Но вопрос «Почему не он это написал?» – даже если он и не задавал его себе – всё равно правомерен. (Вопрос типа того, куявасего: «Так почему же не вы находились на тех тракторных санях и не ваше лицо обжигал морозный февральский ветер?») Тем более что Уэлен был ведь его родным посёлком и это ведь у него в первую очередь должна была болеть о нём душа!.. Однако в последующих сочинениях Рытхэу проблема «приезжих» – как об этом можно прочесть в сборнике «Чукотская литература», – была, разумеется, поставлена «со всей остротой»...

Отношения между северянами, особенно когда встречались они вдали от Севера, на материке, обычно складывались так: был, прошёл там же, где и я, видел эту сопку, и эту косу, и эту лагуну – уже, значит, «родная душа»!.. И что за этим следовало – понятно... У нас с Рытхэу дальше великого знакомства не пошло. Моё ироническое отношение к нему и его творчеству он очень чувствовал, быстро понял, что изображать «литературного мэтра» и «знатока Чукотки» передо мной не получится, и держался поодаль. При встречах, будь то на Чукотке, где мы раз или два пересекались, или в Москве, куда он часто навещал из своего Ленинграда, радостного оживления не возникало – просто кивали друг другу...

И на этом мои заметки о «классике чукотской литературы» можно бы оборвать... Но в заключение ещё одно, совсем далёкое воспоминание. Год 1966-й (или 65-й?), я живу и учительствую в Уэлене, ни о каком писательстве ещё не помышляю. Элементарно наслаждаюсь всей этой, вдруг открывшейся мне здесь, необыкновенной, почти первозданной жизнью... Вдруг прошёл слух: приехал писатель Рытхэу. Какие-то его книги я уже читал, что-то о нём, как выпускник филфака МГУ, конечно, знал... По скорости распространения слухов чукотский посёлок ничем не отличается от русской деревни. Ещё слух: ни у кого из своих, из чукчей, останавливаться не захотел, попросился ночевать к нашим пограничникам, на заставу. На заставе оно, конечно, почище. А у чукчей... они хоть и переселились в дома, но запахи в тех домах уже характерный, такой, будто

только что разделили там целого кита... Вскоре и самого писателя увидел: шёл по улице человек лет тридцати с чем-нибудь, вполне европейского – слишком, я бы даже сказал, европейского – вида, в каком-то толстом, явно заграничном, сером пальто, в каких-то красивых затемнённых очках, на груди не то большой фотоаппарат, не то кинокамера в прямоугольном светло-жёлтом чехле...

Всё это, признаться, несколько удивило. Ведь как бы у нас, у русских, – когда приезжает в свою деревню какой-нибудь «выбывший в городские». Тут же передодевается во что-нибудь привычное, ровное, родное, тут же норовит целиком окунуться в свою прежнюю, оставленную, но так и не забытую жизнь. Словом, как у того же Есенина: «К чёрту я снимаю свой пиджак английский, / Что же, дайте косу, я вам покажу!»... И т.д. Ещё этот вернувшийся интеллигент, тем чужд писатель, мог бы зайти в школу, где сам когда-то учился, глянуть ностальгически на свой класс, присесть за парту, потолковать с учителями, учениками... Мог бы, наконец, собрать в клубе односельчан, выступить, сам о чём-то порасспросить... Но ничего этого не произошло. Так и прощались он несколько дней в неприкаянном одиночестве взд-вперёд по нашей недлинной и единственной уэленской улице и как-то незаметно из посёлка исчез. А для чего приезжал?.. Тогда-то я и поинтересовался у стариков, как они относятся к его творчеству...

Но это воспоминание, прошу понять, – не в довершение образа чукчи-писателя. И даже не о нём. Там была одна замечательная деталь. Вот, собственно, ради неё... Как раз в то время в Уэлене строили новую школу. Первое двухэтажное здание в посёлке. Строителям пришлось даже соорудить леса... А тогдашний наш уэленский пекарь Семён Фёфелов выпекал замечательный белый хлеб. Чёрный ему не давался, какой-то выходил сырой, слипшийся, и он сам называл его «аммоналом». Зато белый получался необыкновенно вкусным, и как только завозили его в магазин, весь посёлок выстраивался в очередь и старался сразу раскупить его, пока он свежий, ещё горячий... А кинокамера в жёлтом прямоугольном чехле на груди Рытхэу очень походила издала на буханку такого хлеба. И строители, завидев идущего по улице писателя, бросали свою работу, кидались вниз со своих лесов и бежали в магазин. Откуда возвращались потом – естественно, чертыхаясь... Так что Рытхэу в этом воспоминании ценен не сам по себе, он здесь как мимолётная, но неотъемлемая деталь того уэленского пейзажа... К этой детали тут же начинаю присоединяться другие. Например, как Семён в своей пекарне, в ожидании, пока подойдёт тесто, развлекался тем, что стрелял из «мелшакки» по тараканам. Затем ещё что-то... И снова пойдёт разворачиваться воспоминание об Уэлене, всегда дорогое тем, что оно – *из тех лет...*

И наконец, ещё... Говоря о Рытхэу, невозможно не вспомнить разительную противоположность ему другого чукотского писателя – Владимира Вячеславовича Леонтьева (1928 – 1988). Родился на Дальнем Востоке, но уже семи лет вместе с

родителями приехал в Уэлен. Чуть постарше Рытхэу, но учились они вместе, потому что учитель тогда имелся в Уэлене всего один и класс у него, соответственно, тоже был один. Тогдашний Уэлен – почти сплошь яранги. У меня есть большой моржовый бивень, расписанный Еленой Янку – и она училась в том классе, – на одной из сторон этого клыка запечатлён вид старого прибрежного стойбища: яранги, обращённые все как одна выходом в одну сторону, в сторону моря, байдара, поднятая на столбах из китовых челюстей, распяленная на деревянной раме для просушки моржовая шкура... Рядом, в море, охотники, тянущие к берегу кита. Поодаль на льдине другие охотники – разделявают добытого моржа... Вот в таком Уэлене и очутились Владимир Леонтьев, и жизнь этого русского мальчика ничуть не отличалась от жизни его чукотских сверстников. Не отличался и его чукотский язык, который вошёл в него с детства, органически, как родной... Мне, например, этот язык казался невероятно трудным, в особенности фонетика, имелись там какие-то непреодолимые «гортанные смывные», и когда я отжигивался в своём классе сказать что-нибудь по-чукотски, я видел, как дети мои улыбаются. Из-за моего произношения, конечно... Владимир говорил по-чукотски свободно и совершенно как чукча...

Оба, и Леонтьев, и Рытхэу, учились затем в Ленинграде. Однако «славный сын чукотского народа» так и прикипел там на всю жизнь, а Леонтьев посчитал нужным вернуться в свой Уэлен, работал в школе, стал её директором. Впоследствии, правда, уехал, но не далее Магадана, занялся научной работой, продолжал изучать быт и культуру народов Чукотки, Колымы, мотался в свои бесчисленные экспедиции по Северу. Защитил кандидатскую диссертацию... Когда я приехал в уэленскую школу, Владимира Вячеславовича там уже не застал, но в крохотной нашей учительской, на стенде, где для учителей выставлялись различные методические пособия, увидел написанную им брошюру «Школа и труд» (Магадан, 1964), она тогда только что вышла. И сразу её прочёл. Там было, что принять за сведения новоиспечённому педагогу. Тем более издалёкой столицы... И о том, что «метод работы в русских школах механически переносится в школы народов Севера», и что школа для учени-

ка местной национальности становится поэтому «чужой, а учёба – повинностью», и о том, что учитель обычно рассказывает на уроках, какой «низкой и отсталой» была культура чукчей и эскимосов, а в итоге «вся история этих народов начинается выглядеть в глазах учеников в самом неприглядном свете»... И т.д. В общем, многое из этой брошюры я тогда «взял на вооружение», и моя собственная дальнейшая методика сразу начала выстраиваться «по Леонтьеву»...

А вскоре вышел его роман «Антымавле – торговый человек» (Магадан, 1965). Там, внешне и на первый взгляд, как у Рытхэу: 1930-е годы, время становления советской власти на Чукотке, чукчи, «шагнувшие в сегодняшний день из тысячелетней отсталости» (язык аннотации к книге), их удивляет патефон: «Наверное, там человечки сидят», и т.п. Но чувствовалось принципиальное отличие. Как бы получить это объяснить? Рытхэу поселился среди русских и чётко понял, чего от него здесь ждут. Свои книги о чукчах он писал прежде всего для русского, точнее, для русского советского читателя... Как он себе его представлял... С постоянной оглядкой на него... В общем, вёл себя, как экскурсовод в краеведческом музее, который посетили какие-нибудь важные гости: «А это вот, извольте, один из наших обычаев»... «А теперь прошу ознакомиться с одной из наших традиций»... И т.д. Соответственно, герои его – выглядели не живыми людьми, но экспонатами с надлежащими функциями... Леонтьев все эти обычаи, традиции, и быт, и верования сам, конечно же, знал, причём знал так, как Рытхэу и не снилось. Но они не являлись для него ни «специальным предметом изображения», ни даже «фоном, на котором развёртывалось»... Они не отделялись от его романа так же естественно, как запах рыбьего жира не отделяется от торбазов из нерпичьей шкуры, сшитых здесь же, на побережье... Я почувствовал это, как только прочёл первую фразу, вернее, название первой главы: «Мужчина пришёл к нам с другой стороны»... Сам необычный строй этих слов уже предупреждал, что сейчас ты погрузишься в другой, неизведанный мир и что в этом мире тебе, как читателю, надо быть предельно внимательным...

Вот, например, о любви:

«Касается носом лица девушки юноша, какое-то непонятно приятное чувство овладело

телом. Прижался к ней плотнее, вдыхает девичий запах.

— Тебя желаю, — осмелел Антымавле.

— Я тоже, — прошептала девушка и опустила глаза.

— Старикам сказать?

— Ии, — согласилась она и ещё плотнее прижалась к Антымавле.

Набрался храбрости Антымавле, высказал Тымнеквуну:

— Я чувствую, что у меня уже тело взрослого...

В общем, написанное вроде по-русски, но полное впечатление — что по-чукотски! И ты незаметно сам оказывался внутри этого мира и всё происходящее в нём воспринимал изнутри. Сам, безо всяких «как бы», становился чукчей... Вот эта сторона писательского мастерства В.Леонтьева, кажется, совершенно осталась без внимания критики, следившей всегда и прежде всего за тем, как и куда «шагнули» чукчи из своей «отсталости»...

За те годы, что я жил в Уэлене, Владилен Вячеславович и сам несколько раз приезжал туда. Конечно же, заходя в *свою* школу, тогда и познакомились... Разумеется, никто и не думал отме-

нять «общую программу», вводить другую, «с учётом местных особенностей», нашим «чиновникам от просвещения» всё это было глубоко не интересно. Лишняя головная боль... А для партийных демагогов вообще выглядело бы «извращением принципов» и даже отдавало «идеями расового превосходства»... Приходилось самому, чтоб дети вовсе не потеряли интерес к учёбе, как-то адаптировать эту программу, на уроках, взамен примеров из учебника придумывать свои, на темы из местной жизни, корректировать уровень требований и т.п. И я бывал рад приездам Леонтьева, с ним обо всём этом можно было хотя бы нормально поговорить... Помня визит Рытхэу, наблюдал Владилену и в посёлке,

видел его с чукчами и как они все тоже рады ему, и он вовсе не брезговал, мог спокойно зайти в любой дом и быть там принятым даже не как гость, но как по-прежнему *свой, узелский*... Конечно говоря: проблем с ночлегом в Уэлене у Леонтьева не возникало...

Потом я сам уехал с Чукотки, но виделся с Владиленом в Магадане, когда бывал там, проездом в Уэлен. В одну из таких встреч он подарил мне серьёзную свою работу, итог своих многолетних исследований: «Хозяйство и культура народов Чукотки» (Новосибирск, 1973). Это спокойное, без громких слов, на основе конкретных цифр и фактов описание жизни народов Чукотского округа за время с 1950-х по 1970-е годы. Я бы в данном случае даже употребил слово *энциклопедия*... Скучное название книги не должно отпугивать читателя, там можно наткнуться на такие, например, строки: «Все морские травы часто варят с мясом морского зверя, что даёт хороший навар, питательность и солоноватый привкус мясу. Собирают морскую капусту рано утром, как правило, после сильного прибойя. Хождение по берегу называется «арратак» — идти вдоль линии прибойя... Можно бы и ещё цитировать... Мне эта книга, в особенности приведённой в ней статистикой, очень помогла впоследствии, когда я писал свой узелский очерк...

Когда, на исходе 1980-х, вышел мой роман «Конечная Земля», я сразу послал его Леонтьеву — для меня его мнение было бы особенно ценно. Не уверен, что он бы ему целиком понравился, — я там впал в какой-то «экзистанс», в вопросы «вечные и неразрешимые». Что было, в общем-то, немудрено на фоне тех неизменных сопкок, на берегу того великого океана, в окружении всего этого древнего покоя... Однако затрагивались там и те «локальные» проблемы, о которых толковали мы когда-то в Уэлене, и отзыв Владилены я в любом бы виде понял и принял... Но он в то время уже был тяжело болен, и, несмотря на это, всё-таки написал мне, что книжечку мою получил, просит только «не торопить» его — вот поправится и прочтёт. Видимо, так и не прочёл...

Не увидел он и своей собственной книги, написанной в соавторстве с К.А. Новиковой, — «Топонимический словарь Северо-Востока СССР» (Магадан, 1989). Вот это труд, без преувеличения, колоссальный, бесподобный! Одних названий там, я прикинул, порядка шести тысяч. Эскимосские, чукотские, корякские, эвенские, юкагирские, якутские, русские, английские... Все переведены, истолкованы, дана их этимология, точная или предположительная история. Посёлки, стойбища, сопки, хребты, низменности, озёра, речки, ручьи, скалы, отдельные камни, урочища, перевалы, острова, заливы, бухты... Не мне определять научную ценность этой работы, могу только сказать, что до сих пор беру иногда с полки эту книгу и просто читаю. За этими названиями многое: там не только география, там история Севера, упорное, хотя и незаметное для европейской истории, но тем не менее великое продвижение народов на Север, там точность, образность, поэтичность их восприятия окружающего мира, там наши русские землепроход-

цы и иностранные мореплаватели, за ними маршруты многих наших геологических партий 1930-х – 1940-х годов, их неудачи, разочарования, неожиданные находки, успехи, их полевые быт, юмор, их любимые писатели и литературные герои... В общем, поувлекательнейшей любой «беллетристики»...

В «Чукотской литературе» о В.В. Леонтьеве сказано, к сожалению, мало: всего полстранички, да и то в «Приложении», озаглавленном «Переводчики чукотской литературы на русский язык». (Немногое можно ещё прочесть в статье А. Тразникова, с. 322.) Конечно, он ещё и чукотских литераторов на русский переводил. Он и русскую литературу на чукотский переводил... Но он и сам был настоящим чукотский писатель. Заданный составитель принцип отбора по национальной принадлежности в случае с Леонтьевым выглядит искусственным, не срабатывает... В тех же «Приложениях» после чукотского имени можно иногда встретить определение: «чукотский подвижник», «чукотская подвижница». И далее несколько слов: «собирал фольклор», «руководила красной ярангой», «исполняла песни», «ликвидировал неграмотность среди чукотского населения». И т.п. Трудно понять, что подразумевается тут под словом «подвижничество» и чем все эти занятия отличаются от простого учения или обычной работы, но вот к Леонтьеву это понятие «чукотского подвижника» приложимо полностью и безусловно! И со всеми традиционно сопутствующими этому понятию качествами: «самоотверженный», «бесзастенчивый»... а ещё «скромный», «бесзастенчивый»... Да, не припомню, чтоб в наших с ним разговорах он хотя бы раз сказал: «Да всё это уже давно известно!», «Да я об этом уже сто раз писал!»... Хотя, конечно же, во многих случаях это и было так. Однако всякое стремление подчеркнуть, утвердить свой приоритет ему органически было чуждо. Никогда не заблудился о своей «популярности», о том, чтобы как-то «выделиться». Оттого и «бесзастенчив». Не знаю, поддерживается ли память о нём в теперешней магаданской литературной среде, а в Москве о нём наверняка знают лишь несколько «узких» специалистов да помнят ещё «уехавшие» северяне тех лет... Но точно знаю, что, если бы пришлось выбирать, я бы «мировой славы» Рытхэу без колебаний предпочёл бы «бесзастенчивость» Леонтьева...

Что ещё сказать о сборнике «Чукотская литература»?.. Давно подмечено: никто так не любит читать разнообразные книги о Севере, как сами северяне. Читая, причём очень внимательно, с пристрастием, и особенно любят находить и отмечать всякие допущенные авторами неточности. Вот и я в данном случае, как такой вот читатель-северянин... Ошибки для безглагольного вроде бы незаметные, типа вышеупомянутого «рыбачьего вельбота», но не могу не прокомментировать.

С. 311: «сидят ли с неизменной трубкой у костра»... – Распространённое заблуждение. Уже в начале 1960-х в Узлене я не застал ни одного чукчи с трубкой. Все они курили коротенькие дешёвые папиросы – назывались, кажется, «Звезда». Единственным курильником трубки оказался я, при-

езжий учитель, за что и имел прозвище «Койн'ын» – трубкая... И затем, сколько ни ездил по Чукотке, в том числе и по тундре, чукчу с трубкой встретил лишь однажды, на острове Врангеля. Его звали Ульвелькот, он и его жена оставались последними жителями заброшенного посёлка на берегу бухты Сомнительная... Мой знакомый фотограф из Москвы, тоже часто ездивший на Чукотку, всё это знал, поэтому трубку возил с собой. В качестве реквизита. И сдал её каждому, кого фотографировал: капитану сейнера, пастуху в тундре, председателю чукотского колхоза, геологу на маршруте... Не хотел разочаровывать тех, кто также представлял себе северяна с «неизменной трубкой»...

С. 319: «По данным Института биологических проблем Севера, опираясь на труды магаданского исследователя проблем психической деятельности человека на Дальнем Востоке В.В. Аршавского, показано, что большинство коренного населения этих отдалённых районов – люди, у которых исторически сложилось *левополушарное* мышление, то есть образное, творческое по своей природе. В отличие от европейских, западных стран, где преобладает население *правополушарное*». – Здесь, к сожалению, перепутано «лево»- и «право»-. За, условно говоря, «логику» по этой теории отвечает левое полушарие, за «образность» – правое. С В.Аршавским встречаться и разговаривать доводилось, мне всё это было близко, с этой особенностью восприятия и мышления моих учеников мне приходилось сталкиваться каждый день. Все мои «правополушарные» двоюродники у нашего учителя рисования волшебным образом превращались в отличников. Воспроизводили всегда то, что видели с рождения: тундру, сопки, олений, море, льды, моржей... Тania Петегетина, которая на моих уроках поначалу двух слов по-русски связать не могла, после школы пошла в костерную мастерскую, начала расписывать моржовые клыки, из неё вышла отличная художница-гравер, за свои работы была принята в члены Союза художников СССР...

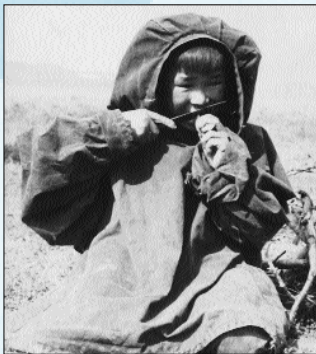
Но такое деление, на «лево»- и «правополушарных», опять же кажется мне относительным. Так, русский человек в сравнении с чукчей может смело причислять себя к «левополушарным». В сравнении же с европейцем с Запада – типичный «правополушарный». Бывают, конечно, исключения...

С. 322: «Вообще-то на Крайнем Севере воровать *соболей* из чужих *силков* не принято»... – Соболи – это гораздо южнее, там, где начинается (или кончается) лес. А на самом крайнем Севере, в тундре, – песцы. На них ставят капканы. Существует ещё такое громоздкое сооружение, как «пасть». Но для него в тундру надо специально завозить брёвна... В главном же – верно: никакому охотнику и в голову не придёт взять песца из капкана, поставленного другим охотником... Однако литераторы, действительно, «народ особый», и за Аlikом Мифтахутдиновым, в адрес которого приведена фраза насчёт «чужих соболей», такое, действительно, водилось, и я ему в таких случаях прямо об этом говорил... Но даже нам, ставившим тогда «свои капканы» и обхо-

дившим «свои участки», теперь это всё кажется далёким и не важным, а «широкому читателю» — тем более нет дела... «Снега былых времён»...

С. 323: «Мясные ямы» полны моржового сала и *строганины*... — «Мясная яма» имела возле каждого дома, была и у Таната, моего соседа, — когда я жил в нашем старом учительском общежитии, она помещалась как раз напротив моего окна. «Мясная яма», «увэрэн», — это вообще-то целая поэма, там можно сказать многое. Но если коротко: я не помню, чтобы в неё закладывалось отдельно «моржовое сало» (тут лучше говорить: «жир») — обычно с осени закладывался целиком морж. Яма основательно накрывалась — от собак... А «строганина» — это не мясо, это скорее способ его приготовления. Бывает и из рыбы — для этого более всего подходит нельма или чир... У нас в Уэлене они не водились, мы делали строганину из оленины. Необходимо был мороз на улице, градусы в 30 — 40, на котором выдерживалось это мясо перед тем, как его строгать... Настрогивали тонкими пластинами непосредственно перед подачей на стол, чтоб не успела оттаять. К этому моменту уже должен был быть приготовлен «гуз-лук»: укус, перец, соль, горчица... Всё это особенно хорошо шло под спирт... Поэтому совершенно ещё были необходимы друзья...

Чукчи таким баловством, как строганина, не занимались, мясо они предпочитали варить. И вообще оленей в «мясные ямы» не закладывали... Из моржа, выдержанного в «мясной яме», получался «к'опалгын», что-то типа сброженного, заквашенного мяса. В нём, говорят, образовывалась куча необходимых на Севере витаминов. Чукчи и сами его ели, и кормили собак. Я пробовал на Чукотке многое, ел морские водоросли, сырую кожу кита, только вытасченного на берег, мясо кита, печень нерпы, но «к'опалгын», признаться, так и не отважился. Выглядел он аппетитно, но всякую охоту отбивал запах. По этой же, видимо, причине чукчи на дух не переносили нашу квашеную капусту...

С. 324: «...как из *китовой шкуры* делается байдарка...» — Не знаю... Конечно, я не считаю себя таким уж знатоком чукотского быта, всяких трудовых и хозяйственных навыков и проч., и саму *байдару* не довелось застать, её к тому времени, как я приехал, уже полностью заменили вельботы. Впоследствии, правда, повезло увидеть — на острове Врангеля, у того же Ульвелькота ещё сохранилась настоящая байдарка, небольшая, размером действительно с «байдарку», на ней вполне можно было плавать одному... Последняя, наверное, байдарка на Чукотке... Обтянута она была *моржовой* шкурой. Причём, как пояснил Ульвелькот, годился для этого не любой морж, но только моржиха, и не любая моржиха, но молодая. И шкура на покрытие байдары шла не целиком, но её прежде надо было расщепить пополам, «расколоть». Эту работу всегда делали женщины, специальные мастерицы... У Влеонтьева есть подробное описание, как он со своими учениками под руководством Вуквутагина строил в Уэлене байдару для школы, — в нём также речь идёт исключительно о моржовых шкурах...

Ещё, разглядывая байдару Ульвелькота, я обратил внимание, что наибольший развал бортов у неё не посередине, но смещён к корме, т.е. она походила не на правильный овал, а на удлинённую каплю. При такой форме лучше остойчивость, обтекаемость, меньше сопротивление воды. Т.е. чукчи давно знали то, что современные кораблестроители рассчитывают теперь с помощью формул... Где-то в моих архивах должна быть сделанная мной тогда фотография Ульвелькота — как этот последний чукча из посёлка в бухте Сомнительная сидит на берегу возле своей, последней, наверное, байдары...

Можно бы найти и ещё кое-какие неточности у авторов статей в «Чукотской литературе». Но в них ли суть?.. У меня к этому сборнику отношение, повторяю, своё, личное, — благодарю ему что-то заново вспомнил, захотел ещё раз поделиться какими-то своими старыми, а заодно и новыми соображениями... Как воспримут в наши дни «Чукотскую литературу» остальные 1499 читателей — судить не берусь. Тут можно лишь исходить из надежды, высказанной В.Огрызко по поводу записи его давнего разговора с Тынель о творчестве Кымытваль. «Магаданские и московские издатели, — пишет он, — сказали, что с книгой о Кымытваль я опоздал. Мол, теперь это никому не интересно. Но так ли это? Мне кажется, что время Кымытваль — впереди. А значит, моя беседа о её творчестве с Тынель ещё кому-то да понадобится» (с. 375). То же можно сказать и обо всём сборнике «Чукотская литература». И точно с такой же мыслью писал и я свой отзыв об этой книге — авось когда-нибудь кому-нибудь да пригодится.

26 февраля 2008 г.

**Материал проиллюстрирован
фотографиями автора.**

Борис Александрович Василевский родился 22 марта 1939 года в Москве. В юности участвовал в строительстве Братской и Усть-Илимской ГЭС. Окончил в 1964 году филфак МГУ. Первую книгу прозы «Где Север?» выпустил в 1974 году. Автор романа «Конечная Земля».

В московской Галерее на Песчаной открылась выставка фоторабот членов Международного союза журналистов Георгия Киселева и Натальи Богачёвой, фоторабот белого шамана Андрея Карпенкова и DJ Егора (Егора Богачёва) и картин члена Союза художников России Виктора Кравцова.

Один из древнейших народов планеты – ительмены Камчатки, – несмотря на свою малочисленность (чуть больше трёх тысяч человек) во многом преуспели. Политики говорят, что нынешний министр Правительства Камчатского края по Корякии ительменка Валентина Броневич была первой в истории России женщиной-губернатором; антропологи определили, что у ительменов самый большой нижнечелюстной разбёг, то есть самая открытая в мире улыбка; этнографы утверждают, что ительмены родственны индейцам племени Тлинкиты, хореографы уверены, что танцевальное искусство ительменов – эталон среди танцев всех коренных народов Севера.

На Камчатке ительмены также во многом первые. Татьяна Лукашкина была единственной студенткой с Камчатки, беседовавшей с женой Ленина Надеждой Крупской, Татьяна Романова – первая народная артистка России среди коренного населения полуострова, Анатолий Левковский – первый ительменский композитор (книга с нотными записями его песен и альбом были выпущены в Америке), Леонид Сысов первым среди коренных жителей Камчатки записал сольный альбом горлового пения.

Если лететь 9 часов на самолёте из Москвы до Петропавловска-Камчатского, затем ехать десять часов на машине до посёлка Эссо, потом полтора часа лететь на вертолёте до села Усть-Хайрюзово и после этого минут сорок потратить в машине вдоль побережья Охотского моря по отливу, вы попадёте в национальное село

ИТЕЛЬМЕНЫ КАМЧАТКИ – ИНДЕЙЦЫ РОССИИ

Ковран. Здесь компактно живут около 300 ительменов – уникального и загадочного народа. По сенсационной находке – наконецникам стрел из вулканического стекла – обсидиана, сделанным предками ительменов и найденным на Камчатке в 60-е годы XX века, археологи определили, что возраст ительменов – около 15 тысяч лет.

Ительмены – потомственные морзвероби, рыболовы и охотники. Морского зверя (лахта и нерпу) они добывают по большому празднику, а рыбу (преимущественно лососевых пород, богатых красной икрой) ловят почти всё лето до середины сентября. Рыбу ительмены сушат, вялят, солят, коптят, закладывают в специальные ямы. Кроме того, они заготавливают на зиму ягоду (голубику, морошку, бруснику, клюкву, шикшу), травы и корни. Немногом более 250 лет назад, когда первые казаки появились в этих краях, ительмены насчитывали 15 тысяч человек. Сейчас их, по официальной переписи насе-

ления, около трёх тысяч человек, а чистокровных ительменов – около полутора тысяч.

Живут ительмены в Петропавловске-Камчатском, сёлах Тигиль, Седанка, Усть-Хайрюзово, Верхнее Хайрюзово и наиболее компактно в селе Ковран. Климат здесь суровый – зимы морозные, лето и осень дождливые, ветрено, в море шторма достигают 11 баллов, случаются землетрясения.

В конце сентября, когда сделаны все запасы продовольствия на зиму и окончены осенние работы, ительмены проводят обрядовый праздник очищения от грехов и благодарения Природы Алхалалай. В течение недели под звуки бубнов местные жители танцуют свои зажигательные и очень эротичные танцы, поют и играют на национальных инструментах – бубнах, дудочках из тростника и урилдычах, сделанных из оленьего рога. Ительмены любят плести из бисера всякие фенечки с национальным орнаментом, вырезать из дерева и оленьего рога фигурки божков, людей и животных.

Ещё в XVIII веке их предки были обращены в православную веру. Но ительмены до сих пор сохраняют свои языческие обряды, поклоняются своим богам, главным из которых – Ворон Кутх – по их понятиям – творец Земли. На праздник Алхалалай на Балаганной площади Коврана устанавливают вырезанного из дерева идола Хантая в виде человека-рыбы, который оберегает ительменский род от бед и несчастий и приносит удачу в рыбной ловле. У ительменов есть свой шаман Борис Жирков, он же руководитель известного национального ительменского ансамбля «Эльвель». Ансамбль этот знают не только в Москве, но и в Германии, Норвегии, Финляндии, Франции, в Америке и Канаде, где артисты побывали с гастролями.

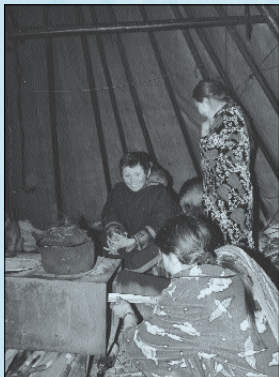
В Ковране, несмотря на мороз зимой, слякоть летом, весной и осенью и постоянный ветродуй, всегда царят любовь, искренность и весёлый нрав – отличительные черты характера ительменов.

Н. МИХАЙЛОВА

Так с ненецкого переводится «Ямал», полуостров, расположенный на самом севере планеты, за полярным кругом, в зоне вечной мерзлоты, где сохранилось ещё то великое и первозданное, называемое истиной...

Наталья АВВАКУМОВА

НА КРАЮ СЪЕТА,

или Репорт аж
с «конца Земли»

**Здравствуй,
Крайний Север!**

Мотор «Бурана» звонким во-ем пронзает тишину раннего заполярного утра. Мы едем по зимней тундре в крошечной темноте, и лишь тусклое мерцание звёзд с заснеженного неба освещает наш путь. Постепенно сине-фиолетовые краски ночного небосвода сменяют нежно-голубые, которые в какие-то мгновения становятся светло-матовыми, как парное молоко, и вот уже всё пространство вокруг превращается в нечто необъятное и белоснежное, и только бледная, с трудом различаемая вдалеке черта горизонта разделяет два бескрайних начала: небесное и земное.

Холодный ветер обжигает щёки, «Буран» то и дело под-

прыгивает, хочется оглянуться назад, но струя ледящего воздушного потока будто фиксирует тебя в одном положении и без слов предупреждает, что если шелохнёшься, то сразу вылетит и окажешься посреди этой огромной снежной пустыни. «Буран» уедет дальше, а когда обнаружится, что потерялся человек, может быть уже поздно... Крайний Север всё-таки, он шуток не любит, и нам, детям цивилизации, оставаться с ним наедине то же самое, что попрощаться с жизнью или в лучшем случае получить серьёзное обморожение. Здесь расстояние в 50–100 километров считается близким, и нет никакой гарантии, что, шагая по тундре день или два, набредёшь хоть на одну живую душу. Разве что на дикого зверя...

...Спусти какое-то время одообразие пейзажа нарушило маленькое тёмное пятнышко, казавшееся в этом безжизненном и пустынным мире чем-то нереальным, невозможным, но уже через секунду оно напоминало игрушечную пирамидку, а через две — треугольный домик, из самой верхушки которого ввысь устремлялись серые колечки дыма и плавно растворялись в белой бесконечности.

С появлением этого пятнышка, которое и было нашей заветной целью — ненецким чумом, нахлынули мысли иные. С одной стороны — радость, что наконец-то окажемся в тепле, с другой — вспомнили рассказы людей бывалых, которые говорили, что чум — это дикость, страшная вонь и ползающие по шкурам вши, которые к ненецам уже привыкли и особо им не досаждают, а вот от свежей кровушки никогда не откажутся. От таких предвкусений к горлу подступал комок, а по телу «бегали» неприятные мурашки.

...Вокруг чума мирно гуляли олени, очень симпатичные существа с большими добрыми глазами. Увидев незнакомцев: водителя «Бурана» Артура, фотографа Виктора и меня, они ничуть не испугались, напротив, подходили и с любопытством разглядывали нас, как странных существ, которых по какой-то причине занесло в их родную, но путающую многих обитель. Мы откинули незакреплённую шкуру чума, являющуюся входной дверью, и оказались в крошечной темноте...

**Назад на пять
тысячелетий**

— Что, глаза на улице оставили? — послышался приятный женский голос. Через несколько мгновений мрак рассеялся и уже можно было разглядеть очертания обитателей этого доисторического жилища. Его улыбающаяся хозяйка Луиза показала, где можно сесть, и мы послушно расположились на оленьих шкурах, которыми был устел пол ненецкого чума. С радостью и облегчением обнаружили, что пахнет здесь довольно-таки сносно, по

крайней мере не грязью и нечистотами, а скорее теплом, уютом и непонятной для нас формой жизни, которая умудрилась закрепиться даже в этих нечеловеческих условиях.

Отгляделись по сторонам. Посреди жилища стояла железная печка, на которой в большом котле варился ароматный мясной бульон, а по краям на оленьих шкурах расположились многочисленная детвора. Чуть в стороне сидела седая морщинистая старушка и что-то беспрерывно жевала. Как нам потом сказали, она размягчала оленьи жиры, которые немецкие женщины использовали вместо ниток.

И дети, и взрослые были одеты в длинные малицы – очень теплые и практичные оленьи шубы, а обуты в кисы – аккуратные и лёгкие бурки, тоже сшитые из шкуры оленя.

Из мебели в чуме стояли только два маленьких столика, один из которых предназначался для посуды, а другой – для приёма пищи. И больше ничего. Я поинтересовалась, где они хранят вещи, но в глазах Луизы увидела лишь удивление.

– Так вот же, – указала она на шкуры, где сидели её домочадцы. – А лишнего мы не держим.

Жилище из шкур, одежда из шкур и даже постель, которая заменяет и стулья, и кресла, и половое покрытие, – тоже из шкур. В каком веке мы оказались или в каком тысячелетии?

Как уважаемых гостей, нас посадили поближе к печке и напоили горячим чаем, что было, конечно, кстати, потому что промёрзли мы, надо сказать, до костей.

Немецкие ребятишки сначала смущались и всякий раз, когда их о чём-то спрашивали, стыдливо краснели и закрывали лица руками, но уже минут через пятнадцать освоились и с удовольствием рассказывали о своей замечательной жизни в тундре.

– У меня вот такая кукла, – похвасталась пятилетняя Эвелина.

– А у меня лучше. – Другая девочка, семилетняя Мальвина, протянула необычную куклу, сделанную из птичьего клюва и оленьего меха.

Оказалось, что магазинными игрушками они почти не играют. А вот такими, из клювов и меха, – с удовольствием.

– Птица – небесное существо, и ребёнок – тоже, – сказала их мать и многозначительно вздохнула.

В тот момент, когда младшие девочки принялись показывать другие свои игрушки, являющиеся обломками оленьих рогов, Луиза обратилась к старшей дочери.

– Жозефина, – попросила она, – пойдй дров принеси.

Луиза, Эвелина, Мальвина да ещё и Жозефина... Откуда у аборигенов столь экзотические имена?

– Красиво звучит, – объяснила такую закономерность хозяйка чума и добавила, что мужа её зовут Арнольдом, а младшего сына – Рудольфом.

А мы грешным делом подумали, что, видимо, когда тундровики изредка бываю в посёлках, они с удовольствием смотрят душещипательные сериалы, а потом называют именами телегероев и телегероинь своё многочисленное потомство.

Африка наоборот

Прошлый отпуск мы с мужем и сыном провели в Египте, и сейчас, попав в холодную северную тундру, я пришла к выводу, что это та же самая Африка, только наоборот. Там дикая жара, здесь – дикий холод. Там бескрайняя песчаная пустыня, здесь тоже пустыня, и тоже бескрайняя – только снежная.

Там в конусообразных жилищах живут бедуины, вечные спутники которых – выносливые верблюды – питаются одними колочками. Здесь люди живут в чумах, напоминающих по форме тот же конус, а точнее, египетскую пирамиду, и на протяжении тысячелетий их сопровождают верные и неприхотливые олени, которые научились обходиться мхом, добытым из-под снега зимой, и грибами да ягодами – летом.

Муж Луизы Арнольд, вернувшийся вечером с охоты, внимательно выслушал мои умозаключения и вполне с ними согласился.

– Мне ещё дед рассказывал, что в культуре древних египтян

и нашей есть общие корни, – принялся философствовать он. – А потом я и сам об этом читал. У меня книга есть про шаманизм, сейчас покажу.

Откуда-то из полумрака появилась меховая сумка с книжками. Среди десятка других Арнольд быстро отыскал памятную брошюру и протянул мне.

– Вот, посмотрите. Я её на несколько раз перечитывал. Хорошая книжница, здесь и про немцев, и про египтян упоминается. Только наших шаманов почти всех при советской власти извели, а египетских не трогал никто. Но и мастера ещё остались такие старцы, до которых филиппинским хилерам знаете как далеко?

Увидеть грамотного, читающего немца в тундре мы никак не ожидали. В нашем представлении здесь жили отсталые индкарти типа раскрашенных диджейев, которые бегают по джунглям с громким улюлюканьем, танцуют вокруг костров и читают свои магические заклинания.

Арнольд рассказал, что родился он и вырос в тундре, потом жил в интернате, а после школы поступил в ветеринарный институт и успешно его окончил.

– Тогда почему вы сюда вернулись?

– А вы думаете, я один такой? В наше время в чумах полно образованных людей живёт...

Потом вдруг замолчал и, глядя на огонь, мерцающий в печи, задумчиво произнёс:

– Тундра – это счастье. Здесь чистый воздух, чистая вода. Здесь гармония, свобода и нет никчёмной суеты и притворства, как у вас. Попробовал я цивилизации, хватит. Там я будто задыхался, а здесь наслаждаюсь жизнью. Я люблю, когда всё по-честному, здесь это есть, а там – нет. В этой книжнице, кстати, тоже упоминается про то, что и немцы, и древние египтяне испокон веков славились свободолюбием и честностью, поэтому высшие силы наделили некоторых из них, шаманов, особой силой.

Арнольд отложил в сторону книжку и рассказал удивительную историю про то, как немецкий шаман поставил на но-

ги безнадежного по словам дипломированных медиков его друга детства, сорокалетнего охотника Мейре, смертельно покалеченного медвежьим-шатунном.

— Доктора на вертолёте прилетели, посмотрели на Мейре и только руками развели. Дали обезболивающее и оставили умирать. — В глазах Арнольда блеснуло негодование.

— Отправились родственники Мейре за шаманом. Он пришёл, пошептал, поплясал, смазал раны какой-то слизью, дал попить ему жёлтой воды, и тот будто умер на неделю. Мы к тому чуму, где лежал Мейре, не подходили, потому что шаман зажёт лечебную, но уж очень зловонную траву, и горела она ровно семь дней и ночей. А на восьмой встал мой друг живехонький и здоровехонький и всё спрашивал, откуда рубцы на теле взялись, не помнил ничего. Шаманы хорошо знают все энергетические центры человека, параллели и меридианы, и могут любую операцию сделать без скальпеля и медицинских инструментов.

— А пообщаться с кем-то из них можно?

— Нет, — твёрдо ответил Арнольд и сразу переменился в лице, — даже не думайте об этом, никто вам дорогу туда не покажет. Эта тайна, которую мы, тундровые ненцы, храним от вас, людей цивилизации.

...В печке потрескивали дрова, детишки мирно поспыивали, укравшись оленьими шкурами, а в окошко, которое расположено на самой макушке чума, заглядывали звёзды.

— Почему вы это отверстие не закрываете, в него же ветер задувает? — спросила я у Арнольда.

— В него далёкие звёзды и луна свой свет посылают людям. В чуме нет ничего лишнего и ненужного, здесь каждая мелочь, каждая деталь на своём месте. Это великое изобретение, равного которому ещё никто из людей не придумал. Он не просто компактный и удобный, но и гармонизирующий. У нас с Луизой четверо детей, и всем места хватает, и никогда мы не соримся, и родители мои дружно жили, и деды, и прадеды.

А утром, когда просыпаешься, глаза твои сразу с солнцем встречаются. Значит, ещё один день наступил, и всё живое проснулось, и чувствуешь себя в этот момент маленькой, но нераздельной частью бесконечной Вселенной.

...В тундре люди ложатся спать рано, и по уставшим лицам да покрасневшим глазам хозяев я поняла, что с вопросами на сегодня надо заканчивать.

Нам постелили новые ягушки, это специальные шкуры для сна, и через несколько минут ненецкий чум погрузился в полную темноту, посреди которой фиолетовым пятнышком поблескивал кусочек таинственного и прекрасного северного неба.

Пьянство привравнивается смерти

Ночью, когда в единственном в чуме источник отопления — железную печку — дров никто не подкладывал, мысли о сходе в тундры с африканской пустыней нас напрочь покинули, потому что от холода не думалось ни о чём, кроме как о тепле. Мы кутались в голую в оленьи ягушки и в ковальный смысле стучали зубами, зато тундровики, похоже, чувствовали себя великолепно и ничуть не мёрзли. Луиза проснулась первой и быстро растопила печь. Минут через десять в жилище снова стало тепло и уютно.

— Доброе утро, — обратилась она к нам, — не замёрзли?

— Да как сказать...

— Сегодня ещё тепло, а вот когда настоящие морозы стояли, тогда холодно было. На улице — минус шестьдесят, в чуме — минус пятьдесят восемь, разница всегда в два градуса, если не топить, конечно.

Позавтракали мы наваристым супом из оленины и горячим чаем. Арнольд стал собираться на охоту, Луиза хлопотать по хозяйству, а мы пошли исследовать тундру.

Утро... Какое оно здесь праздничное, нарядное, величественное и яркое. Ненцы говорят, что Заполярье, где они живут на протяжении многих веков, обладает некоей особой энергетикой, что планета Земля, как любой другой живой организм, дышит и вдыхает воздух через свой южный полюс, а выдыхает через северный, насыщенный силой и мудростью планеты, пропущенный через её ядро и магну. Поэтому они такие крепкие и выносливые. И живут по сто лет.

Да, да, отличному здоровью тундровых ненцев можно позавидовать. Хотя до того как поехать сюда, нам не раз рассказывали, что это отсталые, пьющие люди, которые и жили-то только благодаря тому, что до далёкого заполярного захолустья наконец-то дошла цивилизация и стала учить и лечить диковатых аборигенов. Что продолжитель-

ность их жизни – 30 – 40 лет и что это народ, обречённый на вымирание.

Арнольд с Луизой, внимательно выслушав наши познания о жизни ненцев, просто расхохотались.

– Тундровик живёт в среднем восемьдесят-девять лет, – сказал Арнольд. – Мой дед умер в столетнем возрасте, моему отцу недавно исполнилось восемьдесят два.

– А моя бабушка до ста десяти лет жила, – вступила в разговор Луиза, – вот такие мы крепкие.

И это притом, что почти круглый год здесь зима, и ни овощи не растут, и ни фрукты, а солнце хоть и яркое, но очень холодное.

Секрет ненцевой прочности заключается прежде всего в олене. В этом милом существе, которое служит тундровикам и жильём, и одеждой, и пищей.

С младенческого возраста ненцы едят его сырое мясо и пьют кровь, в которой содержатся абсолютно все необходимые человеку витамины. Они называют эту пищу энергией жизни и говорят, что благодаря ей способны выстоять в самых экстремальных условиях.

Ненцев часто обвиняют в кровожадности, что, мол, живут они, постоянно убивая невинных животных. Но для них это необходимость. Я сама видела, как на одном из национальных праздников забивали оленя. Этому действу тундровики придавали особое ритуальное значение. Голова животного должна быть непременно направлена на восток. Туда, где встаёт солнце, потому что, по их поверьям, его душа полетит к свету, а через какое-то время вселится в тело новорождённого оленёнка.

Когда туша уже была разделана, все присутствующие приступили к поеданию мяса. И взрослые, и дети отрезали ещё парные куски и с удовольствием отправляли их в рот. Руки в крови, лица в крови, зрелище, откровенно говоря, не из приятных. Но это куда честнее нашего фарса, когда мы рассуждаем о духовности да забote о братьях меньших и тут же уплетаем сосиски, колбасы и прочие деликатесы, носим ме-

ховые шубы и шапки. Да, не мы убили животных, но ведь знаем же, что это было сделано как раз потому, что продукты из их мяса и изделия из шкур непременно купят. Мы с вами купим.

Что касается отсутствия должного интеллекта, то, пообщавшись с Луизой, Арнольдом и другими тундровиками, я убедилась в обратном.

Любой ненец знает практическую астрологию, физику, биологию куда лучше некоторых дипломированных теоретиков.

По звёздам, солнцу, направлению ветра он безошибочно найдёт дорогу домой. У каждого из них отличное обоняние. Арнольд, например, говорит, что, находясь за десятки километров от чумы, может уловить запах дыма.

Интуиция ненцев может позавидовать иной медиум, они чувствуют людей, животных и ориентируются в трудной ситуации, прежде всего на неё, интуицию, а не на логику и здравый смысл, которые куда чаще подводят.

Нет равных тундровику и в выносливости. Попасть в пургу для него – обычное дело. А выжить здесь может и неделю, и десять дней. И тогда он вырыывает в снегу яму, которую здесь называют куропаткиным чумом, и пережидает непогоду в ней, находясь почти без движения. Он бережёт силы, чтобы потом суметь добраться до дому. Причём всё это время обходится без пищи, а жажду утоляет снегом.

– Околет ведь можно в этой яме?

– Ещё никто не околет, малица-то тёплая, да и любовь жены греет, – улыбнулся Арнольд, с нежностью поглядывая на Луизу.

– А вам приходилось в куропаткином чуме пургу пережить?

– Приходилось, и не раз. Да буквально месяц назад неделю в тундре чумовал. Холодно, конечно, и жутковато, когда ночью метёт и днём метёт, и в метре от себя не видишь ничего. Самое главное в этой ситуации – сохранять душевное спокойствие. Страх, паника, переживания больше всего сил отнимают. Нужно отключиться от ок-

ружающей реальности. Впасть в транс, как говорят йоги.

Умение ненцев адаптироваться в жёстких условиях Севера вызывает восхищение. Они научились предугадывать любую перемену в настроении капризной сибирской погоды и знают нюансы и тонкости всех природных явлений. Чтобы, например, из-за очень яркого солнца не портилось зрение, аборигены носят тёмные очки, и даже эталоном красоты у них считается человек, у которого глаза узкие, как лезвие ножа.

Им знакомы все растения, произрастающие в тундре. А чум, называемый ими великим изобретением? Для многих учёных загадка, как такое лёгкое сооружение не сносит сильные северные ветры.

– В земном шаре триста шестьдесят градусов, а в чуме – тридцать шесть шестов. Всё гениальное просто, – объяснил Арнольд.

Больше всего его позабавил вопрос о ненецком пьянстве.

– В посёлках пьют люди, что правда то правда, но как же можно в тундре пить? Во-первых, нечего, а во-вторых, очень опасно. Пьянство здесь приравнивается к смерти.

Вот ты какая, любовь тундровая!

Вся жизнь аборигенов проходит в дороге. Неделя за неделей, месяц за месяцем, год за годом, тысячелетия за тысячелетием кочуют они по огромной северной пустыне и не имеют ни постоянного места жительства, ни прописки. Даже в их паспортах, в графе, где у нас значится адрес, указан лишь примерный ориентир. Тазовская тундра, Антипаютинская тундра, Гыданская тундра. А протяжённость, что одной, что другой, что третьей – сотни и сотни километров. Так что если кому-то из нашего цивилизованного мира понадобится тот или иной обитель этих бескрайних просторов, например чтобы призвать его в армию или забрать ребёнка на учёбу в школу, он сядет в вертолёт и кружит над землёй в поисках маленьких пирамидок – ненецких чумов.

Зимой аборигены кочуют по южному Заполярью, где в их понимании не так уж холодно, в среднем – 40, – 45, а летом, когда над тундрой поднимаются тучи гнуса, они продвигаются на север, к Карскому морю. Всё это делается для того, чтобы сохранить оленя. От многочисленных укусов местного гнуса животное может погибнуть. А там, у моря, прохладнее, и ветры хорошо обдувают, и пастбища богаты любимой оленьей пищей, мхом-ягелем.

Ненецкие стойбища очень маленькие: по два, три, четыре чума, а семьи большие. Два-три ребёнка – скорее исключение, чем правило, обычно здесь по шесть, семь детей, а иногда бывает и по десять, и по двенадцать.

На первый взгляд, знакомиться парням и девушкам на выданье просто негде.

Не вступать же в брак с братом или сестрой или близкими родственниками, вместе с которыми кочует твоя семья. Тогда откуда берутся молодожёны и куча детисек, которых они одного за другим производят на свет?

– У нас праздники есть специальные, – сказала Луиза и залилась густой краской.

Ненцы почему-то очень стесняются всего, что касается личных взаимоотношений, и всегда краснеют, когда речь заходит о чём-нибудь эдаком.

Потом она всё-таки рассказала об этих праздниках, и мы узнали, что раньше это были многолюдные ярмарки, куда съезжалась вся округа и где девушки и женщины торговали мясом, рыбой, вышитыми разными узорами малицами и кисами. А молодые пары состоялись в силе и ловкости. Проводились ярмарки ранней весной, перед тем как отправиться к Карскому морю.

Эта традиция сохранилась и в наше время, но мужи от цивилизации добавили в неё ещё и общественно-политических ноток. Так что на современном празднике, который носит название «День оленевода», тундровики не просто встречаются со старыми друзьями и родственниками, но и слушают отчёты чиновников о той большой «бумажной» работе, которую

они проделали, куда собравшиеся кочевали по тундре. Но как сотни лет назад, так и сейчас на этих шумных народных гуляниях молодые присматривают себе пару. И вот что удивительно: друг друга они узнают по глазам.

– Я торговала рыбой, когда подошёл Арнольд, – смущаясь, рассказывает Луиза. – Взглянула на него и поняла – он. И Арнольд тоже сразу меня узнал. Душой почувствовал.

Вечером мы встретились, поговорили. Потом ещё летом встречались, наши стойбища были неподалёку. А через год его родители прислали сватов, и вскоре мы поженились.

– А до Арнольда вы с кем-то встречались?

– Ну что вы, нет, конечно. У нас не принято женихов менять. Иначе такие слухи по тундре пойдут...

Значит, благодаря тому, что аборигены сумели сохранить природную интуицию, которую в процессе духовной революции мы, люди цивилизации, практически утратили, они могут безошибочно находить свою вторую половинку по взгляду, голосу, запаху, движению рук и живут в браке долго и счастливо. Безо всяких свах, служб знакомств и переписки по Интернету. И разводов в семьях тундровиков почти не бывает.

Почему у ненца зелёные глаза?

До того как отправиться в тундру, мы были много наслышаны о хлебосольстве ненцев, что они настолько почитательно относятся к далёкому гостю, что готовы его накормить, напоить, и спать уложить... с самой хозяйкой чума. Нам было как-то неловко выпрашивать о таких пикантных подробностях Арнольда и Луизу, но когда выдался подходящий момент, я всё-таки не выдержала и поинтересовалась, правда это или нет.

– Раньше случалось такое, – нехотя ответил Арнольд. – Но, думаю, делалось это не из-за распущенности и не из-за безрассудного гостеприимства, а для обновления крови. Чтобы нация не вырождалась. Во мне

тоже есть русская кровь. Моя прабабушка родила деда от тобольского купца. Говорят, у него глаза зелёные были. С тех пор нет-нет да кто-нибудь из детей в нашем роду зеленоглазым на свет появляется. Вот посмотрите на Рудольфа, явно что-то он от того купца унаследовал.

– Поди сюда, Рудольф, – позвал он сына. К Арнольду подбежал улыбающийся четырёхлетний крепыш, и мы заметили, что его узкие раскосые глазёнки были явно не тёмно-кариыми, как у многих ненцев, а с какой-то непривычной для этих краёв зеленцой.

– А как в чуме относились к ребёнку, рождённому не от отца семейства?

– Так же, как и к остальным. В тундре все дети желанные и любимые.

Не знаю, то ли из-за того, что ненцы время от времени обновляли кровь, то ли потому, что у них выработался особый иммунитет, который позволяет им отлично чувствовать себя в экстремальных условиях Севера, то ли ещё почему, но нация их действительно очень сильная и крепкая. Да что говорить, если некоторые ненецкие женщины до сих пор рожают детей в чумах, а те растут себе здоровыми и румяными, и ни простуда их не берёт, и ни прочие детские болячки.

Своих старших дочерей Луиза произвела на свет в роддоме, а зеленоглазый Рудольф родился в тундре.

– А это и лучше, – улыбается женщина, – он из всех самый закалённый.

– А как же пелёнки, распашонки, памперсы?

– Вместо пелёнок у нас теплая оленья шкура, в которую мы заворачиваем ребёнка мехом внутрь, а памперсы заменяет мох сфагнум. Он намного лучше впитывает влагу и защищает малыша от опрелостей и воспалений...

Новорождённого тундровики не купают: о том, чтобы его нежная кожа всегда была чистой, позаботилась мудрая природа. Для этого служит шерсть оленя, волоски которой, загрязняясь, отпадают сами.

А если вдруг у молодой матери пропадёт молоко, на по-

мощь снова приходит олень. Тогда ребёнка вскармливают его жиром, считается, что он по своему составу идентичен женскому молоку.

Не забывают тундровиков и материальные проблемы. Это для нас рождение ребёнка – большая роскошь. Мы сразу начинаем ломать голову, где взять деньги на кроватку, коляску и прочее детское приданое. А потом ведь учить надо дитя, в люди выводить, жильём обеспечивать. Здесь всё по-другому.

Есть деревянная люлька с тёплой шкурой, добрая мама, которая позаботится о том, чтобы малышу было тепло, сухо и сытно, и сильный отец. Когда маленький человек подрастёт, он откроет ему все тайны прекрасной тундры и научит жить по её законам.

– При рождении каждому ребёнку дарится важенка, это самка оленя, – рассказывает Луиза. – И всё потомство, которое она принесёт, будет принадлежать ему, когда он вырастет и решит создать семью. Так что и у жениха, и у невесты к свадьбе есть уже своё маленькое стадо.

Но в первое время молодожёны, как правило, живут с родителями жениха. Для того чтобы поставить собственный чум, понадобятся около ста сорока шкур. А это даже для богатых ненцев, поголовье оленей у ко-

торых достигает порой полутора тысяч, немало. И только когда молодые скопят нужное количество «строительного материала», они начинают жить отдельно.

Язычники

Сколько бы ни пытались христианские миссионеры навязать свою религию ненцам, ничего из этого не получилось. Как тысячелетия назад, так и сейчас аборигены севера Западной Сибири поклоняются

Вместе с одеждой, ружьём и прочими вещами, необходимыми, как считают аборигены, покойнику в мире ином, полагает его в деревянный ящик, который не закапывают, а оставляют прямо на поверхности. Сверху над могилой повесят колокольчик, чтобы звелел и отгонял злых духов...

Как тысячелетия назад, так и сейчас, в каждом ненцеком чуме непременно есть кукла Матпухуча, в которой, по поверьям тундровиков, обитает дух жилища. Это одна из самых ценных реликвий в семье, и передаётся она из поколения в поколение по женской линии.

Есть такая кукла и в семье Арнольда и Луизы. Сколько ей лет, не знает никто.

– Может, пятьсот, а может, шестьсот, – пожимает плечами старшая дочь Марианна и показывает нам Матпухучу.

Она, подобно своим хозяевам, одета в малицу, и как только оленья шуба изнашивается, сразу же шьётся новая. Эту куклу просят уберечь домочадцев от горя и болезней, просят о семейном благополучии и материальном благосостоянии.

Чтобы она не разгневалась и как следует хранила домашний очаг, ей в жертву приносят оленя, а во время кочёвок возят на специальных священных нартах.

У ненцев своя философия жизни, и то, что нам порой кажется неразумным и даже чудовищным, ими воспринимается как знаки судьбы.

В прошлом году на одном из ненецких стойбищ произошёл такой случай.

Маленький мальчик играл на берегу реки, вдруг споткнулся и упал в воду. Его подхватило быстрое течение, и он начал тонуть. Сбежались люди, но никто даже не предпринял попытки спасти малыша. Почему? Во-первых, несмотря на то, что всю свою жизнь аборигены кочат по берегам рек, почти никто из них не умеет плавать: беспокоит попусту дух воды здесь не принято.

Во-вторых, считается, что если человек стал тонуть, значит, пришло время, и тот самый дух воды его призывает...

Впрочем, ненцы совсем не отрицают, что они – народ

верховному Богу Нуму и многочисленным духам: воды, земли, солнца, ветра. Есть злые духи и добрые. Самый коварный, например, живёт за семью слоями вечной мерзлоты, под землёй, а слуги его – духи пурги, голода, болезней – стремятся омрачить жизнь людей на её поверхности.

– У нас языческая религия, – говорит Арнольд. – Она появилась на Земле самой первой, ещё до ислама, буддизма и христианства, и поэтому, я считаю, она – истинная.

Как тысячелетия назад, так и сейчас тундровики хоронят своих усопших на родовых кладбищах. И даже если во время дальней кочёвки кто-то из родственников умирает, пусть через неделю или через месяц, они всё равно привезут его на семейную усыпальницу и предадут земле, согласно обряду.

особый, и очень гордятся своим происхождением и национальной принадлежностью. Было время в нашей стране, когда считалось унизительным назвать себя удмуртом или ханты, марийцем или чукчей. Все тогда, как один, представлялись русскими. Черноголазые, широкоскулые и даже темнокожие. Но только не ненцы. Тундра, как и вся огромная Россия, пережила немало кризисов и политических встрясок, но её жители, несмотря ни на что, сумели сохранить традиционный уклад жизни, язык, обычаи и все без исключения носят национальную одежду не по праздникам, а в повседневной жизни. И даже фамилии ненцев: Салиндер, Яр, Харючи, Тебити, Харалиа – ничего общего с русскими не имеют. Нет привычных окончаний -ов и -ев, которые унаследовали многие народы во время первых переписей населения.

Но как, благодаря чему у них получилось выстоять, а у многих других нет? Неужели трудные условия настолько закаляли их стержень духа? Или языческие боги, которым поклоняются ненцы, дают им силу, веру в себя и будущее и хранят от бед и напастей?

— Мы, ненцы, называем себя «ниний нинец» — настоящий человек, — говорит Арнольд. — Может, весь секрет в том, что мы живём, стремясь к настоящему, истинному. Образ мыслей у нас такой и образ жизни...

Духи зла

Сестра Арнольда Нина вышла замуж за оседлого ненца и живёт сейчас в посёлке Тазовский. Нынче на новогодние праздники Нина с семьёй решила поехать в гости к брату. Плутали они, плутали по тундре, но так и не нашли нужного чума. Кочевники на месте не сидят. Сегодня здесь — завтра там. Под вечер, ближе к ночи, уставшие и замёрзшие родственники Арнольда выехали из вагончика газовиков. Обрадовались, что есть где переждать ночь и поужинать. Но не тут-то было. Накормить их согласился только за деньги, а вот остаться на ночлег не позволили.

«Не положено, — говорят. — Нам начальство запретило местное население пускать. Проблем от вас много».

И Нина с мужем и тремя детьми-подростками в пятидесятиградусный мороз встречали Новый год на улице. Чтобы хоть как-то защититься от ветра, соорудили подобие палатки из палок и брезента и легли спать. Хорошо, все были в малицах, а так бы не выжили наверняка...

Когда Арнольд рассказывал об этом, в голосе его звучали металлические нотки, он весь напрягся и сквозь зубы процедил: «Ненавижу. Газовиков ненавижу. Пришли сюда, непринятые гости, ведут себя как хозяева, тундру испохабали, да ещё и с людьми так поступают».

Газовиков, нефтяников и прочих исследователей недр в тундре и вправду не любят. Здесь их приравнивают к духам зла и объясняют появление добытчиков чёрного и голубого золота в этих краях какой-то собственной провинностью перед высшими силами.

Ненцы не раз пытались противостоять осквернению тундры. В начале девяностых в столице Ямала Салехарде они организовали митинг и требовали, чтобы газовики убিরались прочь с северных земель. Перед тем как приступить к разработке одного из месторождений, они ставили на дороге чумы, потому что не хотели пускать охотников за длинным рублём в подземные кладовые Заполярья. Но умные чиновники нашли выход из положения. Они стали подкупать аборигенов зимними вездеходами «Ямаха» и «Буран», моторными лодками, материальной помощью, которая сейчас составляет две тысячи рублей на взрослого члена семьи. И многие сдались.

— Тундра в последнее время стала похожа на свалку. Едешь по ней — и то тут то там на какую-нибудь железзяку наткнёшься, — вздыхает Арнольд. — Там, где газовики побывали, безжизненная пустыня. И мох, и другая растительность гибнут. Хоть и утверждают, что их деятельность экологически безопасна, неправда это. Я-то знаю. А сколько в тундре раз-

ных вышек стоит! Некоторые уже заброшены и бездействуют, только торчат, как памятники позора человечеству. Ржавые, уродливые, покорёженные.

Ненцы — народ смелый, правдолюбивый и даже воинственный, поэтому, прежде чем принять какое-нибудь важное решение, чиновники ставят аборигенов в известность. Но делают всё равно по-своему. Долго велись дебаты по поводу того, пускать газовую трубу по дну Обской губы или нет. В конце концов пустили. И рыбы в этом месте не стало. Ушла. Не любит она, когда в её владения вмешивается человек.

— Нас только спрашивают, но никто не слушает, — говорит Арнольд. — И всякий раз намекают, что наше решение ничего не изменит. Москва «надавит» на Салехард, Салехард — на нас, и всё будет в интересах правительства и народа, как тут любят повторять. Я пытался на эту тему с одним большим начальником поговорить. А он плечами пожал и ответил: «Вашего тут ничего нет, всё это — территория Российской Федерации, так что извиняйте»...

К нам за последнее время два раза Путин приезжал. Не понимаем мы, что ли, почему это делается? Россия — сырьевая страна. А сырьё-то здесь, на Ямале.

Опасная цивилизация

Мотор «Бурана» звонким воём пронзает тишину раннего заполярного утра. Мы едем по зимней тундре в крошечной тенте, и лишь тусклое мерцание звезд с заснеженного неба освещает наш путь. Мы едем назад, в цивилизацию. Из спокойствия и размеренности — в

извечную суету и хаос. Туда, где нет ни времени, ни возможности задуматься о главном – мироздании, душе и истинном своём предназначении. Где все мы вольно или невольно служим уродливому монстру – системе. Рождаемся, живём и умираем согласно её правилам и законам. Где нам навязывают выгодный ей образ мыслей, где нельзя быть слабым или больным, иначе сразу сойдёшь с дистанции и окажешься брошенным на произвол судьбы. Где невозможно жить честно, по совести: система всюду поставила свои ловушки и заставляет человека лукавить, выкручиваться, лицемерить. Её многочисленные нагромождения и надстройки в виде законодательных органов власти, правоохранительных и прочих структур не имеют ничего общего с народными нуждами, проблемами, чаяниями и служат горстке чиновников, которые хоят её и лелеют, дабы получают с этого хорошие дивиденды.

Цивилизация, в которой я прожила всю свою сознательную жизнь, чётко сформировала у меня образ коренного жителя Крайнего Севера. Нищего, отсталого, постоянно нуждающегося в подаянии. Побывав в тундре, я убедилась в обратном. Эта система хочет сделать его таковым и выдаёт желаемое за действительное, чтобы иметь доступ к огромным природным богатствам и рассказывать миру о том, что несёт культуру и знания в далёкое северное захолустье. А культура ли это? Знания ли?

Там, в тундре, нет ни одной социальной проблемы, присущей любой из стран цивилизованных. Нет наркомании, проституции, гомосексуализма и педофилии. Нет брошенных детей и стариков. Разве это не показатель высокого уровня духовности и сознания? Там народ живёт самодостаточный, которому не нужны ни органы опеки, ни пенсионные фонды. Ни социальные службы, ни центры занятости. Ни инспекции по налогам и сборам, ни милиция. Они считают величайшей глупостью тащить на себе ярмо, которое мы безропотно тянем

и ежемесячно отчисляем деньги на его содержание. Законы тундры негласны и неписаны, но соблюдаются её жителями безукоризненно и добровольно, потому что это – законы выживания, законы совести, законы Бога.

Ненцы – один из очень многих народов, которому удалось выстоять под натиском цивилизации, но она постоянно прощупывает его слабые места, чтобы вовремя среагировать и подмять под себя непокорного.

...Мотор «Бурана» звонким воём пронзает тишину раннего заполярного утра. Цивилизация. Пройдут, быть может, сотня лет, или несколько сотен, или несколько тысяч лет, и ты, скорее всего, сама уничтожишь себя с лица Земли. Превра-

тишься в безжизненную пустыню, и ничего рождённого тобой не останется.

По другой же пустыне – живой, белоснежной красавице-тундре, – как много веков назад, как сейчас, так и спустя эпохи будут скакать олени, а в треугольном домике, похожем на пирамидку, ненецком чуме, – сидеть люди, одетые в шубы из шкур и любоваться звёздами, которые заглядывают к ним сквозь маленькое оконце, расположенное на самой макушке незатейливого жилища, посылают свет далёких миров и дарят ощущение единства с прекрасной, мудрой и бесконечной Вселенной...

Фото автора

САЛЕХАРД – УРАЙ

ДАЛЕКО

ОТ МОСКВЫ

Севером определена судьба или судьбой определён мне Север? В моём случае можно говорить о полном их совпадении. Считаю себя коренной якутянкой: предки мои более семи десятилетий тому назад связали свою судьбу с Якутией, перебравшись «на окраину» с других окраин — Сибири и Дальнего Востока. После окончания Якутского государственного университета далеко не волею случая, но судьбой predetermined моя встреча с Севером. На филологическом факультете мне было предложено читать дисциплину «Литературы народов Севера». Это, видимо, и была точка пересечения параллельных — Север и я. Поэтому была аспирантура, защита кандидатской диссертации по литературам народов Севера — «Концепция мира и человека в прозе народов Севера». Я благодарна своей маме, которая вдохновляла меня на самые смелые проекты и во всём поддерживала мои начинания, хотя было всё так непросто в те сумасшедшие 1990-е. Увлечённость литературами народов Севера подарила мне незабываемые встречи с Людми, не побоюсь патетики — исключительными. Они очень разные, но объединяет их всё одно — сподвижническое, нередко бескомпромиссное служение своему делу, нашему общему делу — Северу. Годы подарили мне встреч с ними — в Якутске, Москве, Санкт-Петербурге. У меня всегда есть трепетное от-

ношение к Институту проблем малочисленных народов Севера. Не исключаю, что у кого-то возникнет искушение меня упрекнуть в «локусных» пристрастиях — дескать, «каждый кулик своё болото хвалит». Но... у нас, северян, особое ощущение — мы не разучились слушать и слышать друг друга, не разучились понимать друг друга. Институт стал своего рода анклавом таких отношений и, слава Богу, что вопреки логике «бесноватого мира» пока этого мы не потеряли. Увлечение Севером подарило мне встречу с моими Учителями, по сути, научными «духовниками» — заслуженным профессором Московского государственного университета, фольклористом-тюркологом Халыком Пусейновичем Корогол и ведущим научным сотрудником Института мировой литературы РАН Пошатаевой Аллой Владимировной, известным специалистом в области литературы народов Севера. Нас связывали очень добрые отношения, — общение с ними кардинально изменило меня как человека. У них я учился азам корректного подхода к такому самобытному «организму», как литературы народов Севера и в целом литературам национальным. На этой «срединной земле» их уже нет. Жаль, время неумолимо бежит, и только потом осознаешь, кого теряешь.

У Севера есть одно свойство — он затягивает, увлекает и влюбляет в себя. Приехав од-

нажды, на время, тебе уже трудно с ним порвать: ты возвращаешься, но однажды просто остаешься на Севере, с Севером. Таковы и мои отношения и с литературой народов Севера. Необходимость её изучения незаметно переросла в «увлечённость», а затем в более стойкое и серьёзное чувство — в Любовь. Не исключаю, что эта влюблённость в хорошем смысле слова мне мешает сосредоточиться на конкретной литературе, хотя была попытка сосредоточиться на эвенкийской, якугирской и эвенской литературах. Можно предположить, что привязанность к этим литературам спровоцирована «территориальным» фактором. Но это не совсем так. Названные литературы ассоциированы у меня с незабываемыми встречами — это эвенки-прозаики Галина Кэптукэ, Александр Латкин и поэтесса Варвара Данилова, эвены-поэты Андрей Кривошапкин, Василий Баргачан, якугир Гаврил Николаевич Курилов-Улуро Адо. Относительно других литератур народов Севера, то интерес к ним изменился. Но в хорошем смысле слова пристрастное отношение к текстам северных прозаиков и поэтов у меня есть всегда. В связи с чем очень трудно определить и свои читательские пристрастия — просто нравятся то, что написано с душой и откровенно. Под такие субъективные параметры подпадает большой корпус текстов. Это логично — в отличие от некоторых «развитых», больших литератур текстовой «халтуры» у северян почти нет. Есть, конечно, творческие неудачи. Главное, для «прикола», что нередко встречаешь сегодня под маской «постмодерна» или «нового реализма», никто тексты из северных литераторов не пишет. В последнее время стали появляться в литературах народов Севера тексты весьма необычные по форме и содержанию. К такому можно отнести поэзию и прозу Ювана Шесталова, Анны Неркаги. Тексты неординарные, многослойные, вызывающие противоречивые мнения. Не углубляясь в теоретические выкладки, могу сказать, что

они для меня, в первую очередь как для читателя, привлекательны своим нравственным содержанием. В трактатах Льва Толстого основополагающим был призыв именно к нравственному звучанию искусства. Поиск формы и выражения северянами в данном случае, как мне кажется, идёт не в ущерб нравственному содержанию их произведений.

Почти нет у северных писателей языковой «халтуры». Быть может, определено это сакральным отношением северян к произнесённому Слову вообще. Серьёзное отношение к Слову проявляется и в художественной рефлексии православной темы современными северными прозаиками и поэтами. Хочу в связи с этим коснуться ещё одной темы – православие и национальные литературы. В 2007 году у меня вышла книга «Миссионерство и православные мотивы в литературах народов Севера». Опираясь уже на имеющуюся традицию осмысления христианских образов и сюжетов в фольклоре коренных малочисленных народов Севера, я попыталась прозу и поэзию рассмотреть с точки зрения Православия. Тема сложная и, безусловно, дискуссионная изначально – насколько православное само сознание народов-язычников? В книге делается исторический экскурс в крещение народов Севера, миссионерского их просвещения, а также говорится о феномене двоеверия. Он нашёл отражение в фольклоре, в частности в содержании некоторых этнологических сказок. Сегодня, на мой взгляд, двоеверие тоже имеет место быть. Мы опустим бытовой уровень, но в литературу оно начало «пробиваться». В качестве примера можно привести книгу манси Ювана Шесталова «Сознание Торума – путь к спасению». Вопрос не в том, принимать или не принимать, опустив и дискуссию о художественных её достоинствах. Но она мне интересна с точки зрения попытки её автора синтезировать мифологическое и православное. Это больше похоже на языческое каление с вкраплениями авторских ощущений присут-

ствия иной Высшей Силы, Его. Всё это не может не вызывать дискуссии. Но речь не об этом.

Первыми образцами письменности на «инородческих» языках стали переводы богослужебных книг и создание первых словарей с целью распространения Слова Божьего на языках коренных народов Севера, – они и стали первыми кирпичиками в фундаменте будущей художественной словесности. В книге есть очерки о творчестве эвенка Г.Пантимуrowa, ханты Е.Айпина, эвенки В.Даниловой и ненки А.Неркаги. Очень разные по письму авторы, и темы Веры, Спасения, Свободы и выбора, Страдания и Мирения имеют разную национально-художественную рефлексию.

В русской литературе уже не одно столетие существует такое разножанровое художественное явление, как духовная литература. Сформируется и закрепится ли духовно-православная литература в художественной словесности северян – покажет время. Но сегодня, как мне кажется, мы являемся свидетелями её зарождения. Необычны по содержанию анализируемые художественные тексты – «Божье послание» Е.Айпина, «Молчащий» А.Неркаги, стихи-молитвы В.Даниловой, поскольку они созданы на глубоко национальной почве и их авторами являются потомки язычников. Но вместе с тем это есть всходы «пшеничных зёрен, которые пали на землю, не умерли и принесли плоды».

Под этим евангельским метафорическим образом разумеется Слово Божье, которое было некогда принесено северянам первыми миссионерами. Мне кажется, что появление духовно-православной темы в последние десятилетия в литературах народов Севера далеко не случайно. Думаю, что меняет дискурс самой литературы: традиционная рефлексия внешнего мира, родового социума уже не является столько доминантной. Северяне стали чаще обращаться к иным ценностям и их оценке. Их интересует не только родовый социум, но и Личность, главными достоинствами которой являются нравственная чистота,

покаяние, смиренность пред Божьей волей. Потому в поэзии и прозе названных авторов зачастую изображён мир разрушенной нормы, мир во зле, во Грехе, – и изображён он именно христианским мировидением. Начиная с XVII века Слово Божье северянам несли первые миссионеры. Сегодня эта традиция-миссия продолжается – писатели несут своим соотечественникам Слово Божье через свои книги.

Сегодня северные литературы представляют тех, кто активно работал в самые неустойчивые и «разборные» годы в новейшей истории нашей страны, – Е.Айпин, Г.Кэтуку, А.Немтушкин, А.Латкин, А.Неркаги, А.Кривошапкин и др. Они писали и пишут о трагических страницах истории своих народов – очень остро, с самобичеванием, дабы не обманывать себя и главного своего читателя – сородичей. Быть может, поэтому смерть и национальное небытие становятся основной версией описываемых событий в произведениях современных прозаиков. Но вместе с тем в сознании читателя, который испытывает шок от прочитанного, вопреки всему появляется оптимизм, и это есть залог для духовного возрождения человека вне зависимости от национальности. Завершая свои весьма неоднозначные размышления, хочу сказать, что нередко сталкиваюсь с неприятием литератур народов Севера, которое идёт, в лучшем случае, от недопонимания её, а в худшем – от имеющего места снобизма. Её не воспринимают как литературу, которая позиционирована в нравственных императивах, в преклонении художников перед Жизнью как таковой. Её не оценивают по достоинству. Но это, наверное, не проблема литературы, а личная проблема. Современники часто не воспринимают большую литературу, не оценивают её по достоинству. Это придиёт. Я же остаюсь её преданным читателем.

Юлия ХАЗАНКОВИЧ
г. ЯКУТСК

Рисунок художника
Николая Фомина

ПРИРОДНОЕ ВОЛХОВАНИЕ УСТИНОВА

Если кому из любителей поэзии надоела теснота филологической поэзии, надоели бесконечные словесные игры и хочется выйти на простор, столь привычный для русской души и русской поэзии, обращайтесь к поэзии Валентина Устинова. В ней вы найдёте и молитвенность исповедующегося человека, и весёлое озорство игры, и наслаждение от земной мастерской работы, и открытость земной любви.

*Червонное небо! Тугая вода
В ночь на Ивана Купала
Струями рек, родников и пруда
Тебя и меня обвивала.*

*И ты – озорная, родная опять,
Прикрыв наготу росой –
Сквозь колдовство и пригляд опять,
Меж крыльев папоротников и галубят
Выходишь к реке босая.*

И не поверишь, что вечно озорному, задиристому, песенному Валентину Устинову, стариннейшему моему другу, уже исполнилось 70 лет. А стихи-то пишутся совсем не мудровато-старческие, будто только ещё выбрался на простор русской поэзии, и вновь будто мы с ним в родном Петрозаводске, где Валентин заведовал отделом поэзии в журнале «Север» под присмотром нашего общего старшего наставника Дмитрия Яковлевича Гусарова, распиваем хмельное вино на старинном кладбище, читаем стихи и мечтаем о будущем. Впрочем, Валентин и сейчас не лишён мечтаний, новых замыслов, не лишён энергии общего русского дела. Может быть, в жизни своей он и подчиняется жёстким московским принципам, но в стихах своих такой же как и раньше, вольный новгородец, ушкуйник, древний волхв.

Я давно считаю, что поэзия Валентина Устинова – поэзия зрелого лета. Когда начинают тягаться зёрна в колосе, когда плоды набирают сладость, когда земля ощущает предродовые схватки нового урожая. Таких поэтов мало в современной русской литературе. Больше поэтов осени, поэтов весны. Это не в упрек ни им, ни Устинову. Любое время прекрасно. Уточнение поэтической направленности помогает мне легче понять стихи Валентина Устинова.

*Я таким молодым никогда ещё не был.
Поднимусь на заре и в любимом краю
из горячего жара рассветного неба,
как из красного шелка, рубаху скрою.*

Валентин Устинов начинался с северных дорог, с самых что ни на есть трудовых будней двуязычных людей «кремневой породы», живущих в этих пус-

тынных просторах. Верность Северу, верность своей биографии, переплётённой с биографией древнего русского края, не несёт в поэзии Устинова областнических мотивов. Скорее, наоборот: через Север поэт приходит к понятию Родины в целом, через свою жизнь – к понятию жизни вообще.

Устинов берёт всё в разгаре. Путину – в разгаре, любовь – в разгаре. Даже дед из устиновской баллады «Сокрушение», украшающий резьбой и позолотой домовину для себя, демонстрирует не угасание, а расцвет чувств, мудрости, более того – молодость души. В шутку ли, всерьёз ли мечтает он, как поедет с молодой Любашей на остров, «грохнет» там «дом на солнечном уторе» и забудет про свои года:

*Дед сидел – плечищи шире двери.
Глаз смеялся в жаркобровой мгле.
«Хрен с тобой: не веришь – и не надо.
День-то нынче – золотая радость.
Любо, парень. Любо на земле!»*

Какая тут осень, какое угасание? Нет. Это всё тот же жаркий летний день, когда «в чреве почти шевелились травы. И сёма к нерестилищам рвалась».

Лето в поэзии Устинова – не лето отдыха, не курортное лето. Жаркое лето работы пахаря, рыбака, охотника.

*Мужайское святое нетерпенье
венозной кровью взбужнет на руках,
когда коса влетит с косым ишпенем
в букашечье, в ишлиное гуденье,
в пырей, в осот – во влажное катенье
зелёного парного молока.*

Для Устинова работа – радость жизни. Отсюда – умение переломить собственную судьбу, переломить слабость.

Владимир БОНДАРЕНКО